

**Михаил
Николаевич
Дедюкин**

**Это всё
о нём...**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЭТО ВСЕ О НЕМ...

Издательство
Пермского государственного технического университета
2006

ББК: Ч488.74(2Рос-4Пер)711.9-8Дедюкин
Э92

Это все о нем / под ред. И.А. Шапорева. – Пермь: Изд-во
Э92 Перм. гос. техн. ун-та, 2006. – 208 с.
ISBN 5-88151-554-4

В издании собраны воспоминания о первом ректоре, основателе Пермского политехнического института, ныне Пермского государственного технического университета М.Н. Дедюкине его друзей и коллег. Издание подготовлено к 90-летию со дня рождения М.Н. Дедюкина.

Материалы, представленные в мемуарах, даны в авторской интерпретации.

ББК: Ч488.74(2Рос-4Пер)711.9-8Дедюкин

ISBN 5-88151-554-4 © ГОУ ВПО «Пермский государственный
технический университет», 2006

*Михаил Николаевич Дедюкин –
первый ректор Политехнического института,
депутат Верховного Совета СССР*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
(веи развития в Перми Горного,
Политехнического институтов и Пермского
государственного технического университета)

В.Ю. ПЕТРОВ

Ректор

Рост экономики Пермского края, как его теперь называют (а в прошлом – Молотовская, Пермская область), не единожды вынуждал передовых людей Прикамья поднимать вопрос о создании высшей школы технического образования в Перми.

За годы индустриализации страны, особенно за годы Великой Отечественной войны, за счет эвакуации промышленных предприятий из западных районов и за счет вновь построенных предприятий экономический потенциал Пермской области значительно вырос. Появилась острая необходимость в создании технического вуза, который бы целенаправленно готовил инженерные кадры для региона. Требовалось безотлагательное решение, и оно было принято.

В июле 1953 года приказом по Министерству культуры СССР в г. Перми был открыт Горный институт.

В городе открылся полномасштабный технический институт во главе с Михаилом Николаевичем Дедукиным, прекрасным организатором подготовки инженерных кадров широкого профиля для нужд промышленности Западного Урала, заложившим основы и традиции будущего Пермского государственного технического университета. В этой должности Михаил Николаевич проработал почти 29 лет, вложив в создание («на голом месте») крупнейшего вуза не только Урала, но и России все свои силы, знания, незаурядные способности, сердце и душу.

Лето 1953 года. Июль. Михаил Николаевич, назначенный исполняющим обязанности директора Горного института, имеет на руках только приказ и письмо-обращение к ректору Пермского государственного университета с просьбой оказать содействие в приеме студентов на 1-й курс. Такая помощь ему была оказана. Была выделена комната, куда он, молодой доцент, кандидат технических наук, горный инженер-маркшейдер прибыл в Пермь из Новокузнецка, где работал деканом в Сибирском горно-металлургическом институте. Ему необходимо было провести набор студентов на 1-й курс и принять преподавателей для их обучения, а он пока не имел даже собственного стола и стула.

Сентябрь 1953 года. Первый звонок прозвучал в здании строительного техникума, в котором Горному институту были предоставлены в аренду площади для организации учебного процесса, а также корпус общежития студентов и преподавателей. Первые 17 преподавателей вошли в учебные аудитории к своим первым студентам, которых было только 212 человек. 134 человека выбрали специальность по разработке месторождений полезных ископаемых, а 78 – специальность электромеханика. Ко второму семестру число преподавателей увеличилось до 30, среди которых было 10 кандидатов наук.

Михаил Николаевич, будучи человеком прогрессивного мышления, понимал, что промышленным предприятиям Прикамья нужны инженеры не только горных специальностей, но и других, особенно машиностроительных. Поэтому Горный институт стал развиваться как база для будущего многопрофильного политехнического института.

В 1955 году на Комсомольском проспекте, на месте бывшего городского колхозного рынка началось строительство главного корпуса Горного института (ныне – Октябрьская площадь).

Михаилу Николаевичу многие годы приходилось быть не только ректором-организатором учебно-научно-воспитательного процесса, но и ректором-строителем. Огромное трудолю-

бие и прозорливость позволили ему за короткое время создать материально-техническую базу института, которой и сегодня завидуют ректоры многих вузов России. М.Н. Дедюкин ежедневно бывал на строительстве корпуса, который вводился поэтапно, постепенно восполняя острый недостаток в учебных площадях. Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что подобного здания по планировке, исполнению и функциональным возможностям, каким является главный корпус ПГТУ, не построил больше никто.

С момента основания Горного института на стройках учебных корпусов многие годы работали преподаватели, лаборанты, учебные мастера, зав. лабораториям, зав. кафедрами и другие сотрудники, и студенты, без труда которых невозможно было бы обеспечить нормальную работу, учебный процесс, научный поиск кафедр. Многие из студентов, закончив политехнический институт, стали доцентами и профессорами.

В 1958 году состоялся первый выпуск горных инженеров. Всего их было 124: из них 83 разработчика и 41 электромеханик. Всего в Горном институте было три выпуска студентов дневного отделения и подготовлено около 500 дипломированных специалистов.

1960 год стал определяющим в развитии и становлении высшего технического образования на Западном Урале – годом создания Пермского политехнического института. Существовавшие в г. Перми учебные заведения: Пермский горный, Вечерний машиностроительный и технический факультет Госуниверситета не удовлетворяли возросшие потребности промышленного производства. Пермской области нужен был единый учебный центр, отвечающий возросшим запросам промышленных предприятий в подготовке разнопрофильных инженерных кадров. Им стал Пермский политехнический институт, который начал функционировать на основании приказа Министерства высшего и среднего образования РСФСР от 15 июля 1960 года за № 540. Руководство объединением институтов возлагалось на М.Н. Дедюкина.

Началась новая жизнь с решением новых возросших масштабных задач. 7 октября 1960 года М.Н. Дедюкин писал в многотиражной газете «Ленинец», обращаясь к коллективу вновь образованного института: «В Перми создан мощный политехнический институт с контингентом студентов по всем видам обучения свыше 5 тысяч человек и с большими перспективами дальнейшего развития. Коллективу института в новом учебном году надо решить целый ряд серьезных задач, которые обусловлены запросами народного хозяйства и этапами реорганизации. Эти задачи определяют дальнейший путь развития института. Необходимо извлечь из опыта объединения учебных заведений все разумное и ввести его в традиции нового политехнического института».

Стартовые позиции политеха были следующие: всего студентов – 5305, из них на дневном обучении – 2537, вечером – 1752, заочном – 1016; преподавателей – 282 человека, из них 80 имели ученые степени и звания. Подготовка велась по 23 специальностям. Институт имел 8 факультетов, 37 кафедр из 43, утвержденных в структуре.

Объем договорных работ составлял 2335 тысяч рублей, которые велись по 21 хоздоговорной и 36 госбюджетным темам.

Первый учебный год в политехе начался в очень сложных условиях. Имевшиеся учебные площади не вмещали студентов даже при работе института в три смены. Занятия по ряду специальностей были начаты с опозданием. Принимались экстренные меры по ускорению строительства главного корпуса за счет привлечения студентов 4-го курса.

Учитывая создавшееся положение, М.Н. Дедюкин обратился к руководителям промышленных предприятий, конструкторских бюро с просьбой предоставить во временное пользование их центры переподготовки кадров для организации учебного процесса в политехе и оказать практическую помощь в оснащении учебных лабораторий и кабинетов современным

оборудованием, что и было сделано в короткие сроки благодаря совместной творческой работе. Например, только на механико-технологическом факультете к концу 60-х годов было создано около 50 лабораторий, 40 из которых учебные. В ноябре 1962 года на кафедре «Автоматика и телемеханика» появилась электронная цифровая машина «Минск-1».

Оснащение института вычислительной техникой претерпело сложный путь. Научно-технический прогресс в развитии ЭВМ стремителен. Одно поколение компьютеров быстро сменяется другим, и М.Н. Дедюкин весьма чутко реагировал на происходящие события. В институте было много споров по поводу: каким путем идти? Наряду с элементарными, по современным меркам, ЭВМ типа «Проминь», «Наири», «Мир» и другими, которыми на первых порах оснащались кафедры, стали появляться мощные ЭВМ типа «ЕС».

Михаил Николаевич огромное внимание уделял вопросам воспитания молодежи. Важным звеном в образовании и воспитании студенчества являлись кафедры гуманитарного цикла. Коллективы этих кафедр с первых дней работы в политехе взяли курс на постоянное повышение своего научного потенциала, качественный рост научно-педагогических кадров, создание благоприятных условий для роста молодых научных сил. Это позволило в короткий срок поднять работу кафедр на высокий уровень. Эти кафедры М.Н. Дедюкин постоянно держал в сфере своего внимания и оказывал им практическое содействие. В 1968 году был создан Совет кафедр общественных наук под председательством ректора. Преподаватели кафедр общественных наук активно работали со студентами и во внеучебное время. С 1966 года они взяли шефство над общежитиями. За «круглым» столом обсуждались самые острые вопросы общественной жизни. В 1967 году студенты института впервые приняли участие во Всесоюзном конкурсе работ по общественным наукам.

Михаил Николаевич уделял пристальное внимание вопросам повышения «остепенённости» преподавательского состава. Был взят курс на использование всех возможностей для повышения квалификации преподавателей. Деятельность кафедр в этом направлении Михаил Николаевич всемерно поддерживал и поощрял. Стала активно использоваться работа аспирантуры, в том числе целевая. С 1962 по 1964 год численный состав аспирантов увеличился до 99 человек, т.е. в два раза. Количество научных руководителей аспирантуры с 12 человек в 1962 году выросло до 31 человека в 1964 году. В январе 1965 года ВАК утвердил в институте состав первого совета по защите кандидатских диссертаций. Ставка на подготовку педагогических кадров через целевую аспирантуру в основном себя оправдала: «остепененность» на ряде кафедр существенно возросла, и преподавательский состав помолодел. В сентябре 1967 года газета «Ленинец» писала: «В настоящее время из 784 человек профессорско-преподавательского состава в институте работают в возрасте до 30 лет 27%, до 50 лет – 66,4% и только 7,8% – свыше 50 лет. Анализ этих данных показывает, что в институте в возрасте до 40 лет работают около 70% преподавателей». Как молоды мы были!

В 60-е и 70-е годы был сделан крупный шаг в решении социальных вопросов коллектива института. Было построено 5 общежитий. Это в основном решило проблему размещения иногородних студентов. Но остро встал вопрос обеспечения возросшего контингента преподавателей жильем. Город помогал институту, но это не снимало остроты вопроса с обеспечением работников института жильем, и ректор с поддержкой профкома и парткома принимает решение. В связи с тем, что основная часть общежитий была размещена в м/р Балатово, а одно – на Городских горках, это общежитие и решено было «запродать». Институт в результате получил в городе квартиры суммарной площадью, равной полезной площади общежития. За счет этого в течение 2–3-х лет многие семьи преподавателей и сотрудников получили квартиры.

В 1961 года было положено начало студенческому палаточному «лагерю здоровья» на берегу реки Сылвы на территории подшефного Кылосовского совхоза, в котором ежегодно отдыхало до 100 человек. Такое положение не удовлетворяло ректора, и в 1965 году он добился отвода земли на правом берегу Камского водохранилища. Здесь впервые был открыт пионерский лагерь «Мечта». В следующем году для студентов был открыт спортивный лагерь «Политехник», начало которому положил полученный списанный пароход, который затем был заменен дебаркадером. Оба лагеря работали ежегодно в три смены. Территория лагеря стала постепенно застраиваться домиками кафедр, коттеджами, построили капитальную столовую, бани и т.п. Представилась возможность организовать летний отдых студентам, сотрудникам и преподавателям института.

С 1962 года – года первой институтской спартакиады студентов (ставшей традиционной) стали проводить межфакультетские спартакиады преподавателей и сотрудников. В институте стали создаваться многопрофильные спортивные секции. Воспитанники спортивных секций начали участвовать в международных спортивных соревнованиях: в 1968 году – в Италии, в 1980 году – в Австрии, в 1972 году – в Лейк-Плэсиде, а также на зимних Олимпийских играх в Саппоро (Япония) и т.д.

Развивалась и художественная самодеятельность вместе с расширением ее материальной базы. Было создано более десятка различных творческих коллективов, среди них такие, как танцевальный коллектив «Солнечная радуга», участник многих всесоюзных и международных мероприятий (XX Олимпийские игры в Москве, съезды комсомола, профсоюзов и т.п.), театр-студия «Арлекин», который выступал перед строителями БАМа, Атоммаша, моряками Дальнего Востока и полярниками Севера и другими.

Была найдена новая форма воспитания и образования студентов – факультет общественных профессий (ФОП), который был открыт в 1965 году. Целью ФОПа было предоставление возможности студентам овладеть второй специальностью, а именно: экскурсовод, инструктор по туризму, фотограф, журналист и пр. За двадцать лет работы ФОПа его закончили около 12 тысяч студентов.

В 1961 году при кафедре иностранных языков был организован клуб интернациональной дружбы «Факел». Работа «Факела» была направлена на этическое, эстетическое и гуманитарное воспитание студентов. Клуб интернациональной дружбы «Факел» стал школой студенческого самоуправления и самосовершенствования.

16 апреля 1970 года в газете «Ленинец» М.Н. Дедюкин в статье «На пороге второго десятилетия» подводил итоги деятельности института за 60-е годы, где отмечал: «За десять лет контингент студентов по всем видам обучения возрос в 2,6 раза и составляет около 15 тысяч человек. Из стен института выпущено 9617 инженеров... Материально-техническая база института возросла в три раза и в стоимостном выражении превышает 15 млн рублей... Объем научно-исследовательских работ по договорам с промышленными предприятиями за 10 лет возрос в 10 раз и превышает сегодня 2,5 млн рублей... За 10 лет сотрудниками и аспирантами защищено 225 кандидатских диссертаций... За эти годы сотрудниками института сделано 242 заявки и получено 51 авторское свидетельство на изобретение, в том числе в 1969 году – 61 заявка и 16 свидетельств... Мы соревнуемся с Уральским, Томским, Челябинским политехническими и Ижевским механическими институтами».

Соревнование вузов Урала и Сибири зародилось в 1968 году. Ежегодно и поочередно делегации институтов собирались в разных городах, где находились вузы, происходил обмен опытом работы, демонстрировались достижения вуза-хозяина, гости обменивались информацией и тем лучшим, что было за это время достигнуто ими. Такое содружество между сравни-

тельно разными вузами приносило пользу всем. Пермский политехнический институт к концу 60-х годов по праву встал в ряд маститых вузов России.

Начало 70-х годов для института ознаменовалось событием, которое наложило отпечаток на все будущее института. 3 июня 1968 года Совет Министров РСФСР принял Постановление № 423 о строительстве первой очереди комплекса студенческого городка за Камой на площади в 180 га. Гипровуз (проектный институт) разработал генеральный план застройки отведенной площади, которая была разбита на зоны: учебная, под студенческие общежития, спортивная, хозяйственная, жилая, природно-ландшафтная для отдыха. По проекту на площадях учебных корпусов должно было разместиться 6865 студентов.

Фактически строительство комплекса началось в 1969 году постройкой котельной и первого пятиэтажного общежития. Летом 1969 года бойцы студенческого отряда «Политехник» разбили свои палатки на месте будущего стадиона, и начались работы. И затем в течение всех лет стройки студенты принимали активное участие в сооружении объектов института на комплексе. А их уже теперь немало: учебные здания, в которых разместились факультеты аэрокосмический с военной кафедрой, автодорожный, химико-технологический, электротехнический, факультет прикладной математики и механики, лицей. Введены в строй корпуса Республиканского инженерно-технического центра порошковой металлургии (РИТЦ ПМ), ОКБ «Темп», лабораторный, корпус кафедры охраны окружающей среды. Построены четыре студенческих общежития на 2180 мест, магазин, детский комбинат, столовая, насосная станция, водозаборная скважина, трансформаторная подстанция, сети водо-, электро- и теплоснабжения, телефонная станция, дороги, проложены тротуары и т.д. Это, пожалуй, еще не полный перечень того, что введено в строй за 20 лет, но без чего не может существовать комплекс университета. Между вековых сосен распо-

ложились жилые дома. Эти дома в значительной мере помогли решить жилищную проблему для работников института.

М.Н. Дедюкин уделял много внимания вопросам оснащения кафедр научным и исследовательским оборудованием. Именно в 70-е годы был взят курс на широкое использование компьютеров в учебном процессе. Однако использование новейшей техники дает положительный эффект только при условии целенаправленной учебно-методической работы, эффективность которой будет выше, когда есть спрос за ее выполнение и есть возможность обмена опытом не только внутри института между кафедрами, но и между вузами. В институте эту работу координировал и направлял научно-методический совет.

Вторая половина 70-х годов проходила под знаком усиления роли кафедры как главного звена института, определяющего содержание и единство учебного, научного и воспитательного процессов, которому Михаил Николаевич придавал большое значение. Он любил говорить: «Предмет можно выучить, и зайца можно научить спички зажигать, а вот быть воспитателем не каждому дано». В институте было взято направление на усиление роли выпускающей кафедры в подготовке специалистов на всех его этапах. Опыт института в системном подходе к учебно-воспитательному процессу был одобрен коллегией Минвуза РСФСР.

Конец 80-х годов для института ознаменовался большим событием – ему было предоставлено право выставить свою экспозицию на ВДНХ СССР. Это был факт признания успехов института во всем многообразии его деятельности. Работы было много, чрезвычайно много. Настал момент открытия экспозиции... На открытие прибыл министр высшего образования СССР В.П. Елютин, руководство Минвуза СССР и РСФСР, гости. Из выступлений В.П. Елютина: «У нас сегодня своеобразный праздничный день: мы впервые предоставляем наш павильон одному из представителей

Урала – Пермскому политехническому институту. Уралцы, можно сказать, прорвались на ВДНХ. Это сравнительно молодой институт, но с самого начала он взял хороший темп в работе и отличается новаторством. У нас он числится среди деловых, инициативных, которые вносят большой вклад в развитие высшей школы».

Бывший первый секретарь Пермского обкома КПСС, во время пребывания на должности которого началось становление института, а с 1980 года министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР К.И. Галаншин сказал: «Пермский политехнический институт заложил фундамент высшему техническому образованию в Прикамье, делает великое дело для развития нашей экономики и культуры, потому что подготовка местных высококвалифицированных кадров самого различного профиля, которые являются коренными пермяками, – это залог стабильности, устойчивости руководящего звена, инженерно-технических кадров на предприятии. В этом главный смысл и значение Пермского политехнического института».

Заместитель министра Минвуза РСФСР по науке Э.К. Калинин сказал: «Сам факт открытия выставки говорит о том, что институт занимает достойное место как в учебной, воспитательной, так и в научной работе. Хочется надеяться, что и дальше Пермский политехнический институт будет в числе лучших вузов».

Выставка продолжалась больше месяца. Состоялся ряд семинаров, в которых принимали участие многие представители вузов страны. Многие ее посетили. Но, к сожалению, по состоянию здоровья на ней не смог присутствовать ректор М.Н. Дедюкин. В его адрес пришла правительственная телеграмма от замминистра Э. Калинина: по итогам выставки постановлением Главного комитета ВДНХ СССР за разработку и внедрение комплексного подхода к учебно-методической и научно-исследовательской работе Пермский политехнический институт был утвержден участником

ВДНХ СССР 1980 года и награжден дипломом Почета. Этим же постановлением большая группа преподавателей и сотрудников института была удостоена наград ВДНХ: дипломом Почета – 10 человек, золотой медалью – 6 человек, серебряной – 24 человека, бронзовой – 97 человек и еще 349 преподавателей, сотрудников и студентов института были утверждены участниками ВДНХ СССР.

Выставка института на ВДНХ СССР прошла успешно и, очевидно, понравилась руководству Минвуза РСФСР, которое решило поручить нашему институту представлять высшее образование России на выставке в Дюссельдорфе (Германия, 1982 г.). Эта экспозиция состоялась и имела успех.

Как же вырос за 70-е годы политехнический институт? Количество кафедр с 57 в 1971 году увеличилось до 68 в 1980 году. Число специальностей возросло с 30 до 37. Численность преподавательского состава выросла с 1164 до 1233 человек, в том числе кандидатов наук с 290, до 491, докторов наук с 7 до 30. Число студентов по всем формам обучения увеличилось с 12247 человек в 1971 году до 15295 человек в 1980 году, по видам обучения: студентов дневного обучения – с 7773 до 10209 человек, вечернего обучения – с 3073 до 4852 человек, заочного – с 1401 до 1224 человек.

Объем научно-исследовательских работ по хозяйственным с предприятиями и научными учреждениями возрос с 3 518 тысяч рублей в 1971 году до 10 775 тысяч рублей в 1980 году.

В эти годы вышли в свет 6 учебников, 121 учебное пособие и 34 монографии.

Время идет всегда вперед..., его не остановишь, и лишь останавливается оно для человека, когда он уходит из жизни земной. 29 июля 1982 года после тяжелой болезни скончался первый ректор Пермского политехнического института, профессор Михаил Николаевич Дедюкин, который 29 лет возглавлял институт, в стенах которого за это время было под-

готовлено более 36 тысяч инженеров. Пройдут годы, и потомки по достоинству оценят тот вклад, который внес этот человек в развитие науки и народного хозяйства нашей страны. На комплексе, детище М.Н. Дедюкина, появились улица его имени и мемориальная доска, которые будут напоминать об этом замечательном человеке.

Сегодня перед университетом стоит много важных задач. Их можно долго перечислять, но есть главная задача – университет должен сохранить свое лидирующее положение в регионе, ПФО и войти в число ведущих вузов России. Это очень ответственная и сложная задача, решение которой будет зависеть от того, насколько слаженно и эффективно мы все будем трудиться в предстоящие годы.

Б.В. КОНОПЛЁВ

Первый секретарь Пермского обкома КПСС

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ДЕДЮКИНЕ

С Михаилом Николаевичем Дедюкиным я был знаком с первых дней его приезда в Пермь. Он приехал с мандатом директора первого в нашем крае технического вуза – Пермского горного института.

Как помню, первая наша довольно длительная беседа состоялась в горкоме партии. Я ему рассказал о городе, насколько мог, об области, экономике, о том, что открытие первого технического вуза – это осуществление давней мечты пермяков, что это объективная необходимость активно развивающейся промышленности края.

Биографию Михаила Николаевича я знал. В 36 лет он прошел активный жизненный путь: фронтовик, кандидат технических наук, доцент. С первого знакомства было ясно, что он

приехал в Пермь с желанием работать, с большими планами и надолго.

Немногословный, стремительный в своих действиях, в генеральской горной форме, он подкупал своей доброжелательностью, своей искренностью.

Думаю, мало есть примеров, когда за такой короткий срок был организован и стал действовать Горный институт, а ныне один из крупнейших в стране Государственный технический университет.

С первых дней, особенно в первые годы становления университета, было немало сложных вопросов, даже проблем, которые надо было решать: создание материальной базы, подготовка и комплектование научно-педагогических кадров. В первые годы на некоторых кафедрах не было даже кандидатов технических наук.

Прошло немало времени с первых дней создания университета, и сегодня более осмысленно можно судить о том, как решались некоторые принципиально важные вопросы.

Не сомневаюсь, что Михаил Николаевич согласился бы, если сегодня я скажу, что в его многотрудной деятельности он получал всестороннюю поддержку и помощь широкой общественности, руководителей наших промышленных предприятий, областной власти.

Я до деталей знаю, как трудно было решить вопрос строительства главного корпуса университета в центре города, выделить 180 гектар земли в зеленой зоне города для строительства учебных корпусов, общежитий и жилых домов для профессорско-преподавательского состава.

В решении этих вопросов проявилось умение Михаила Николаевича без шума, убедительно доказывать правоту своих предложений, налаживать деловые отношения с руководителями промышленных предприятий.

По инициативе и при активной поддержке М.Н. Дедюкина строительство главного корпуса, комплекса за Камой

было делом всего коллектива института. Непосредственное участие студентов, преподавателей во многом предопределило успешное их завершение.

Большой личной заслугой М.Н. Дедюкина является формирование профессорско-преподавательского состава института. Началось с приглашения преподавателей и научных работников из других вузов, специалистов наших промышленных предприятий и конструкторских бюро. Но это было начало, надо было создавать базу, условия для подготовки своих научных кадров, и эта задача была решена с созданием аспирантуры и Ученого совета.

Я вспоминаю, как непросто было укомплектовать Ученый совет, на первых порах совместно с Ижевским механическим институтом, какие непростые были переговоры с Удмуртским обкомом партии.

Но это пройденный этап, и мы гордимся тем, что создана научная школа, что сегодня, по существу, весь состав докторов наук – это воспитанники института, что после ухода из жизни М.Н. Дедюкина ректорами стали доктора наук, профессора А.А. Бартоломей, В.Ю. Петров.

Вместе с ростом института рос и авторитет М.Н. Дедюкина как крупного руководителя науки, как человека, главное в жизни которого – служение Родине, людям.

В 1960 году мы вместе были избраны депутатами Верховного Совета СССР от Пермской области, и я знаю, с какой он ответственностью относился к обязанностям депутата Верховного Совета, к выполнению наказов своих избирателей, в то же время решая насущные, неотложные вопросы жизни института.

Сегодня новое время, новые проблемы, но желание молодежи получить высшее инженерное образование по-прежнему не снизилось. Ответственность профессорско-преподавательского состава за подготовку высоко квалифици-

рованных инженерных кадров все более возрастает. Сегодня выпускник университета, получая диплом инженера, получая путевку в жизнь, должен, конечно, сам пробивать свою жизненную тропу. И задача университета помочь молодому инженеру, чтобы пробил он ее в правильном направлении.

В.Н. АНЦИФЕРОВ

*Директор Научного центра порошкового
материаловедения ПГТУ, академик РАН*

ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ДЕДЮКИНЕ

Мы часто спорим, есть ли предопределение в жизни или нет, есть ли судьба. Все-таки, наверное, есть, такая случайность – это проявление необходимости. Эта необходимость существенно зависит от окружающего мира и в большей степени от людей, с которыми мы встречаемся на ответственных этапах жизненного пути.

По окончании института с 1957 по 1960 год я работал на Пермском авиационном заводе. Когда я пришел на завод, он назывался «имени И.В. Сталина», затем – «имени Я.М. Свердлова», а сегодня это ОАО «Пермские моторы».

Завод имени Я.М. Свердлова был одним из ведущих авиационных заводов Советского Союза. В то время авиационное моторостроение развивалось стремительными темпами: совершенствовались и создавались новые материалы и технологии, появилась необходимость развития порошковой технологии, создания специальных участков порошковой металлургии. Создание участка было доверено мне как инженеру-металлургу и начальнику участка, а также старшему мастеру В.А. Полякову. Участок был создан, производил продукцию, занимал классные места в социалистическом соревновании.

Работа на участке порошковой металлургии была связана не только с планом производства продукции. Мы много занимались совершенствованием состава материалов, технологий, тесно сотрудничали с исследовательским металлургическим цехом – такой цех был в то время на заводе. Работа была интересной, захватывала, зачастую мы задерживались на работе допоздна, работали в выходные дни, много читали специальной литературы.

Я отработал на заводе три года, и передо мной встал вопрос: а что дальше? Инженерная карьера или... Уже в те далекие времена студенты привлекались к научно-исследовательской работе, только не было в прошлом громких слов, и по окончании института мне предложили работу в институте, но пафос послевоенного времени и стремительное развитие промышленности звали на производство. Надо было делать выбор, и выбор был сделан – надо поступать в аспирантуру, а там, как будет... В то время в образовавшемся политехническом институте был объявлен набор на курсы по подготовке к сдаче вступительных или кандидатских экзаменов по иностранному языку. В один из дней, после занятий, я шел по второму этажу института, навстречу мне шел человек в резиновых сапогах, в куртке с внимательным оценивающим взглядом. Я подумал, кто такой и что за человек, в котором угадывались какая-то скрытая мощь, решительность, обаяние. Это был Михаил Николаевич Дедюкин – ректор политехнического института, но это я узнал позднее. Меня как-то потянуло к нему, захотелось поговорить. Так впервые в моей жизни появился Михаил Николаевич Дедюкин. Я поступил в аспирантуру Московского института стали, а перед поступлением моей женой стала пермячка, и встал вопрос: где работать по окончании аспирантуры. Были предложения в Москве и Подмосковье, но я решил зайти к ректору Михаилу Николаевичу Дедюкину и поговорить о работе. Михаил Николаевич был краток: «Защитишься – приезжай». Я защитился. И вот я, полумосквич, в Перми. Пока я был ассистен-

том, старшим преподавателем, доцентом с ректором практически не имел взаимоотношений. Но когда я стал и.о. заведующего кафедрой технологии металлов, пришлось работать с проректорами Н.Н. Ногтевым и А.А. Глушковым, от которых я получил многое как преподаватель и руководитель педагогического коллектива, такого, как кафедра. Кафедра технологии металлов развивалась. Мы переехали в новый корпус «А», я защитил докторскую диссертацию.

Сначала площадей было достаточно, и как-то, обсуждая с Михаилом Николаевичем перспективы развития науки на кафедре, Михаилом Николаевичем была подана мысль о возможности организации Проблемной лаборатории порошковой металлургии. Нужно сказать, что Михаил Николаевич не отделался просто письмом в Министерство, мы с ним ходили по кабинетам Министерства, убеждали, доказывали, и, в конце концов, в 1973 году Проблемная лаборатория была открыта. По моему мнению, это была одна из первых Проблемных лабораторий в Перми. В то время открыть такую лабораторию было не так-то просто, но авторитет у Михаила Николаевича был непререкаем, причем он умел вести разговор таким образом, что из него следовало, что вопрос перезрел и надо решить его.

Заказов на научно-исследовательские работы было много, нужны были площади, оборудование, и я пришел к Михаилу Николаевичу с предложением сделать пристрой к корпусу «А», но Михаил Николаевич сказал, что нечего городить клетушки, а вот на комплексе есть недостроенный корпус, который можно взять и достроить. С тех пор я все строю и строю.

Со стороны Михаила Николаевича была всемерная поддержка. Так возникла основа для нашего Центра. Не будь Михаила Николаевича – не было бы Центра.

Не помню, в каком году по институту пошли упорные слухи, что В.Н. Анциферов займет место ректора. Место ректора меня никогда не привлекало, я любил свою работу и жил

ею, хотел сделать ее как можно лучше, но слухи мне были противны, и я пошел к Михаилу Николаевичу и сказал ему, что это пустые слухи, глупости и мне это не надо. Мне кажется, что Михаила Николаевича порадовал мой визит, и после этого мы как-то сблизились. Часто стали возвращаться с работы вместе, по дороге обсуждали различные проблемы (мы жили в одном доме), но тогда я еще не знал, что жить Михаилу Николаевичу оставалось недолго. Мне жаль, что человек, у которого я всегда находил поддержку, не дожил до времени, когда я стал лауреатом Государственных премий, академиком, работая в институте, в который он взял меня почти мальчишкой.

Моя мама и Михаил Николаевич покоятся на одном кладбище, и когда я посещаю могилу мамы, всегда захожу и к Михаилу Николаевичу. Светлая ему память!

А.А. БАРТОЛОМЕЙ

*Доктор технических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и техники РФ,
заведующий кафедрой «Основания, фундаменты
и мосты», ректор ППИ-ПГТУ (1982–1999 гг.).*

ПЕРВЫЙ РЕКТОР

Перепечатка из книги «Путь к университету»

Добрая, немного усталая улыбка на волевом лице, дымящаяся папироса в руке, – таким запомнился первый ректор Пермского политехнического института в последние годы его деятельности. За этой улыбкой нелегкий, но достойно пройденный путь.

Трудностей в жизни у Михаила Николаевича всегда было с избытком: подбрасывала жизнь, и сам привык выбирать не то, что легче.

В 1941 году окончил Ленинградский горный институт по специальности инженер-маркшейдер. Со строительства метрополитена – в военно-восстановительный отряд Ленинградского фронта. Дорога на Ладоге... Видел смерть и горе почти ежедневно... Не тогда ли проросли первые всходы его отношения к людям?

В 1946 году появилась возможность поступить в аспирантуру Ленинградского горного института. К этому времени он уже был женат. Сыну Никите исполнился годик и 10 месяцев, а дочь Марина только что родилась. «Ну что, мать вытянем?» – спросил он у жены. «Ничего, один голод пережили, переживем и эти лишения», – ответила Людмила Михайловна.

Михаил Николаевич учился и работал. В 1950 году успешно защитил диссертацию. Затем три года работы в Сибирском горно-металлургическом институте в городе Новокузнецке. Тянуло в Ленинград. Друзья говорили: «Дедюкины сидят на чемоданах». Но вышло по-иному. Он был деканом горного факультета, когда Минвузу понадобился ректор горного института, открываемого в Перми, и с августа 1953 года М.Н. Дедюкин возглавил первый технический вуз на Западном Урале. Год без семьи он жил в студенческом общежитии. Семья переехала в Пермь в 1954 году в новую квартиру на Комсомольском проспекте. Михаилу Николаевичу в ту пору было 36 лет. Энергичный, стремительный, в генеральской горной форме, он подкупал окружающих своей открытостью, веселой улыбкой, доброжелательностью, внутренней интеллектуальностью. В новый вуз М.Н. Дедюкин пригласил молодых кандидатов технических наук из Ленинградского горного института: В.А. Голутвина, С.П. Васильевского, Г.В. Верстакова, С.А. Петрова, А.А. Кузнецова, К.В. Лютаревича, И.И. Медведева, К.Г. Синопальникова и других. Они создали атмосферу требовательности и доброжелательности, интеллигентности, сделали многое для становления и развития института.

В 1953 году осуществлялся набор лишь по двум специальностям: горный инженер и горный электромеханик. На следующий год открылся набор на специальность «Строительство горных предприятий». Для многих уже стало ясно, что многоотраслевой индустрии Западного Урала нужен многопрофильный технический вуз. Михаил Николаевич, опережая события, направляет многих студентов «доучиваться» по новым специальностям в Москву, Ленинград и другие вузовские центры. В 1956–1957 учебном году начинается набор студентов по перспективным для Западного Урала специальностям, а в 1960 года произошло объединение Горного, Вечернего машиностроительного институтов и технического факультета Пермского госуниверситета в новый крупный вуз, получивший название Политехнического. Михаил Николаевич на долгие годы становится его бесшестенным ректором. Внимание, которое М.Н. Дедюкин уделял подготовке вузовских кадров, полностью себя оправдало. За 1958–1963 годы в институте было оставлено и отправлено в аспирантуру около 300 студентов, которые пополнили корпус преподавателей.

До 1954 года путь в вузы для детей «врагов народа», репрессированных, спецпоселенцев был практически закрыт, да и после 1956 года брали далеко не во все вузы. М.Н. Дедюкин был одним из первых ректоров, который принимал их десятками с 1953 г., брал на себя ответственность за их «благонадежность», возрождая интеллигенцию и интеллигентность, генетический фонд России.

Преподаватели были уверены, что ректор – многоопытный администратор, который все знает и практически не ошибается. Так оно и было. Но более глубокая правда в том, что М.Н. Дедюкин постоянно учился и накапливал опыт и рос вместе с вузом.

Чем же памятен людям Михаил Николаевич Дедюкин? Верностью слову и делу, заботой о людях, смелостью в при-

нятии трудных решений, размахом, прекрасными выступлениями в актовом зале и немногословием за рабочим столом.

Институт быстро рос, и в кипучей постоянной деятельности ректора и всего коллектива нередко встречались, казалось бы, непреодолимые препятствия. В этих случаях Михаил Николаевич обычно спокойно, но убежденно говорил: «Нет нерешаемых вопросов!». И всякий раз он оказывался прав. Откуда бралась эта сила убеждения? Во-первых, решения не принимались «с кондачка». Крупные вопросы развития вуза, когда надо было подумать, прежде чем сделать выбор, он долго вынашивал сам, делился с людьми из своего окружения, много и охотно советовался и спорил. И когда, наконец, принималось решение, оно было выверенным по логике и твердым по вере в успех. Во-вторых, М.Н. Дедюкин, когда возникала необходимость, обращался за помощью к руководителям крупных заводов, строительных организаций: знал, что они помогут. Это были те личные связи, которые основаны не на корысти, а на преданности большому делу. Михаила Николаевича знали, уважали и поэтому не отказывали в помощи институту. Ректор ощущал за собой поддержку всего коллектива института. Отсюда вытекала его неизменная готовность в сложных вопросах брать всю полноту ответственности на себя. Возможно, это и было важнейшим качеством его характера, порождавшим привычку дерзать, браться за труднейшие задачи. Еще в 1955 году было начато строительство главного корпуса в центре города на бывшей территории колхозного рынка. И уже тогда Михаил Николаевич высказывал мысль о том, что надо строить комплекс на Городских горках, в Черняевском лесу, но эти варианты не нашли поддержки в городе. И, наконец, была выбрана стройплощадка нынешнего комплекса на правом берегу Камы площадью 180 га. Немало противников строительства за Камой было и в городе, и в институте. В руководящих кругах идею комплекса поддержал Б.В. Коноплев, будучи тогда председате-

лем облисполкома. Сегодня можно однозначно сказать, что если бы Михаил Николаевич Дедюкин решил только этот вопрос, и то надо было бы поставить ему памятник, так как строительство комплекса предопределило перспективу развития вуза на ближайшие 100 лет. Уже сегодня комплекс – это целый микрорайон из учебных корпусов, научных подразделений, общежитий, жилых домов и объектов соцкультбыта. Одна из улиц носит имя первого ректора – улица имени профессора Дедюкина.

А наряду с комплексом решались задачи строительства спортивных баз и зон отдыха, пионерского лагеря «Мечта» и других объектов.

Для М.Н. Дедюкина не было нерешаемых вопросов не только в строительстве. Когда в высшей школе страны заговорили о вычислительной технике, для большинства вузов она осталась недосыгаемой: слишком дорогими и громоздкими были первые машины на лампах. Но ректор понимал, что такие машины нужны институту, иначе можно отстать на многие годы. У института не было средств на машины, и под честное слово М.Н. Дедюкина «раскошелились» крупные пермские заводы. Были разработаны и начали внедряться программы «АСУ – ВУЗ», «АСУ – абитуриент», «Успеваемость и посещаемость студентов». Научно-исследовательское и учебное время соединялись, уплотняя друг друга, и это приносило успех.

Любимой пословицей М.Н. Дедюкина были слова: «Лучшее – враг хорошего». В них выразилась жизненная мудрость ректора и человека, его кредо. Лучшее было престижным, и за престиж своего вуза боролись все. Что касается М.Н. Дедюкина, то в этом случае он не просто умел «попасть в ситуацию», а и сам с увлечением «болел», и там, где требовалось, возглавлял такое дело. Например, ветераны института помнят, как важно было победить в студенческой театральной весне. М.Н. Дедюкин находил время и оставался

до конца, пока городское жюри подсчитывало очки. Это вознаграждалось радостью тех, кто ждал с ним вместе, когда, наконец, объявлялись результаты. Второе место расценивалось как неудача. «Солнечная радуга», «Арлекин» и другие коллективы знали, что М.Н. Дедюкин не откажет просьбам для дела. Ориентация на лучшее делала привычным первенство ППИ в движении строительных студенческих отрядов. «Ещё бы, – говорили студенты других вузов, – у вас сам ректор ездит в строительные отряды!». Конечно, за все лучшее надо было платить собственным временем, здоровьем, энергией, спокойно переносить неудобства. Не случайно ректора реже видели в темно-синем костюме и при галстуке, а чаще – в робе строителя или в резиновых сапогах и в дорожном плаще.

Из всех забот и вопросов организации института М.Н. Дедюкин на первое место ставил вопросы подбора кадров. Многие вопросы решал сам. В первые годы становления института он стремился не только заметить талантливого человека, но и ободрить его, научить твердости и решительности. «Какой заведующий кафедрой нашему институту нужен?» – спрашивал он и сам же отвечал. – Такой, чтобы выбил у меня лабораторию, защитил диссертацию и открыл аспирантуру».

Как человек с технической жилкой, ректор участвовал в основании практически всех лабораторий, любил в них бывать. С трудом наращиваемые институтом квадратные метры без всякого сожаления отдавались под крупные лаборатории, особенно в новых направлениях науки и техники: лаборатории редкоземельных элементов, порошковой металлургии, летательных аппаратов, охраны окружающей среды, конструкторское бюро МС факультета – все это и многое другое делалось с размахом, на перспективу. И здесь, конечно, велика роль молодых тогда заведующих кафедрами, будущих крупных ученых, умевших постоять за интересы прогрессивных научных направлений. Многолетний опыт общения с людьми научил М.Н. Дедюкина ценить ум, талант

и инициативу. Конечно, он не был «добреньким» и скептически относился к тем, кто «резв не по уму», но, поверив в человека, он полностью доверял ему и поддерживал. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что Михаил Николаевич особо ценил людей труда. Простые маляры, плотники, водители машин с особой теплотой вспоминают ректора и теперь.

В сложных вопросах строительства главного корпуса, комплекса за Камой, базы отдыха Михаил Николаевич опирался на коллектив института: создавались штабы строительства, во главе которых ставились энтузиасты. В разные годы штабы строительства возглавляли люди, которых знал весь институт: это Федор Михайлович Томилов, Константин Степанович Голдырев, Борис Александрович Балашов, Виктор Федорович Малашенко и Виталий Леонидович Зорин.

В строительных лесах росли новые корпуса института, изменялись и люди. Особенно заметно вырос научный потенциал ППИ, по многим отраслям науки и техники был достигнут уровень мировых достижений. Настало время, когда заведующим кафедрой становился уже не доцент, а профессор.

Большое значение в жизни Михаила Николаевича и всего института имело его избрание депутатом Верховного Совета СССР шестого и седьмого созывов. Избрание было вполне логичным: М.Н. Дедюкин жил для людей, его знали не только в городе, но и в области. С одного из предвыборных собраний в области Михаил Николаевич вернулся взволнованным: женщина, незнакомая ему, подошла, поклонилась в ноги и сказала: «Голосуйте за этого человека, он спас жизнь моего сына, он заставил его учиться».

Очень многим работающим сейчас в вузе преподавателям Михаил Николаевич запомнился тем, что помог в трудную минуту, особенно в вопросах жилья. В 60-е, 70-е годы достаточно было защитить кандидатскую диссертацию, чтобы в скором времени получить квартиру. Но и позже М.Н. Дедю-

кин использовал все свое влияние ректора, депутата Верховного Совета, чтобы решить квартирный вопрос. При нем были построены три жилых дома для преподавателей (два в городе и один на комплексе) и восемь общежитий для студентов (пять в Балатово и три на комплексе).

К студентам Михаил Николаевич относился со строгой добротой: видел, как на его глазах вчерашние студенты становятся учеными, уважал в них больше всего стремление к знаниям и общественную активность. На вопрос корреспондента институтской многотиражки, как он относится к студентам, М.Н. Дedyкин ответил: «По-доброму. Меня не шокируют длинные волосы и ширина брюк, это все временное явление. Для меня важно, чтобы каждый поступивший в институт понял всю серьезность совершенного шага, загорелся желанием учиться, стать хорошим специалистом» («Ленинец», 5 октября 1976 г.).

Михаил Николаевич ценил юмор и не терялся, когда сам попадал в юмористическую ситуацию. Маленький пример, взятый из жизни. Однажды (дело было зимой) Михаил Николаевич, как всегда поздно, уходил из института домой. В это время в радиоузле врубили музыку по полную мощность. Ректор вернулся, открыл дверь в радиоузел. Там в это время дежурил первокурсник В. Дьяконов.

– Чего ты гремишь? – спросил ректор, разглядывая незнакомого студента.

– А вы кто такой? Почему не поздоровались? Почему в шапке?

Ректор рассмеялся и ушел, ничего не сказав...

Студенческая жизнь требует не только самоотдачи в учебе. Это и картошка в сентябре, и строительные отряды летом, и подготовка к сезону спортивных лагерей. М.Н. Дedyкин сознательно стремился поддерживать студенческую романтику. Это жило в нем еще со времен Горного института.

Лаборант кафедры экономической теории Т.В. Добролюбова рассказывает, как группа в десять человек во главе с Ф.М. Томиловым отправилась из Горного института на Вишеру. В группе было восемь студентов и два преподавателя. Весь институт провожал группу на Комсомольском проспекте. Играл духовой оркестр. Ректор каждому пожал руку. В масштабах политехнического института все это вылилось в яркие празднества студенческих отрядов.

По природе своего таланта Михаил Николаевич был и организатором, и ученым. Конечно, огромная занятость не позволяла ему реализовать все задумки в науке, но он до последнего дня жизни работал над статьями, методическими пособиями для студентов и был прекрасным специалистом инженерной геодезии. В 1968 году ему было присвоено ученое звание профессора. 29 лет Михаил Николаевич все свои силы, знания, время, умение отдавал институту. Даже свой отпуск он проводил в спортлагере, среди коллектива института и все в тех же ректорских заботах. Ни машины, ни дачи он не имел и не стремился к этому. Что касается служебной машины, то она использовалась для дела не только ректором, но порой и студенческим клубом.

Была у него любимая собака и ружье, подаренное друзьями в день 60-летия. День этот был особым. В переполненном актовом зале все, затаив дыхание, слушали ответную речь юбиляра. Михаил Николаевич привык сопровождать слово жестом. Вот и теперь, приподняв руку и повернув ее где-то около уха, Михаил Николаевич сказал: «60 лет – возраст сомнительный... Но это и пора зрелости, надо работать и работать много». Рядом с ним сидела его жена Людмила Михайловна, которую хорошо знал коллектив института. «Мне бы не сделать всего того, что я сделал, если бы у меня не было в жизни надежного тыла, который обеспечила Людмила Михайловна», – говорил он в конце речи.

Это было в 1976 году, а через шесть лет его не стало. Жизнь Михаила Николаевича оборвалась неожиданно. Трагическая гибель сына, нахождение более двух недель на холодном ветру, когда спасательные службы искали тело затонувшего Никиты Михайловича, стало роковым толчком для прогрессирующего развития неизлечимой болезни легких...

Людмила Михайловна часто рассматривает альбом с фотографиями в опустевшей, заставленной книжными полками квартире. Научные издания по геодезии она подарила библиотеке института, а многотомную «Большую советскую энциклопедию» оставила для внуков. Она помнит, как Михаил Николаевич говорил внуку Кириллу: «Если чего не знаешь – суй нос в Большую энциклопедию».

По памятным дням, а их немало у Людмилы Михайловны, она берет в руки шахтерскую лампу с надписью: «Дедюкину Михаилу Николаевичу от шахтеров комбината «Кизелуголь» 10 октября 1966 г.» и поглаживает ее рукой. Лампа подарена шахтерами в день 50-летия ректора ППИ.

Есть что-то символическое в этой лампе: светить для людей крепких, которые, отбрасывая пустую породу, пробираются к нужным для народа богатствам Земли...

В истории института были четыре периода: рождение в 1953 году Горного института, Политехнического института в 1960 году, который стал ведущим техническим вузом в 1987 году, Государственного технического университета в 1992 году. М.Н. Дедюкин практически подвел институт к третьему периоду, без первых трех не было бы и четвертого.

Историкам еще предстоит оценить значение вклада Михаила Николаевича Дедюкина в становление и развитие высшего технического образования на Западном Урале.

А.Е. КРАСНОШТЕЙН

*Член-корреспондент РАН,
директор Горного института УрО РАН*

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

Когда начинаешь вспоминать и думать о Михаиле Николаевиче Дедюкине, о масштабе его личности, многогранности натуры, объеме и значимости сделанного, его личной привлекательности и обаянии, бесконечной преданности делу, целеустремленности и последовательности, требовательности к себе и окружающим и вместе с тем какой-то внутренней мягкости и даже сентиментальности, неистребимой его вере в людей, постоянной готовности их понять, если можно простить, но, в любом случае, прийти на помощь, невольно возникает чувство огромной благодарности судьбе, которая пятьдесят лет назад ввела меня в гравитационное поле притягательной силы этого внешне неброского, скромного, но, не побоюсь этого слова, великого человека, имя которому Михаил Николаевич Дедюкин.

Высказав самые общие, но от этого не менее восторженные слова о создателе высшего горного образования на Западном Урале, попробую выгнать из долговременной памяти в оперативную воспоминание о студенческой жизни и преподавательской деятельности сначала в Пермском горном, а затем политехническом институте, в учебных заведениях, которые создал Михаил Николаевич.

Открытие в 1953 г. в г. Перми (тогда еще г. Молотов) горного института для нас мальчишек 50-х было событием выдающимся. Многие из нас, заканчивающие в эти годы школу и размышляющие о путях дальнейшего жизнеустройства, скорбели о том, что ближайшее высшее техническое образование можно было получить только в Свердловске. Особенно престижным и столь же недостижимым был Уральский политех, куда попадали далеко не все медалисты.

А что же оставалось нам, безмедальным – мед, пед, универ, как-то не по-мужски. И бог как будто услышал наши молитвы и на тебе – Горный институт в центре города, на Комсомольском проспекте, в великолепном дворце с колоннами и высоченными потолками, горняцкая форма с золотыми фирменными эполетами, настоящая мужская, романтическая профессия, весьма, по тому времени, престижная и высокооплачиваемая.

Далеко не последнюю роль в этом, и без того очевидном выборе профессии играл размер стипендии от 395 рублей на первом курсе до 480 на пятом, а отличникам – плюс 25%. Это были тогда совсем неплохие деньги. Моя мать, занимая одну из ведущих должностей в отделении госбанка, получала 650 рублей, а отец, вернувшийся из мест «не столь отдаленных» и работавший в строительном тресте, получал около 500 рублей. Для нас, 16–17-летних пацанов, когда на 1 рубль можно было купить 5–6 буханок хлеба или пару банок сгущенного молока, когда 1 килограмм красной икры стоил около 3 рублей, а личный обед в ресторане (с пивом) – 5 рублей, эти деньги казались богатством Али-Бабы. Для сравнения можно сказать, что студенты остальных вузов получали стипендии от 180 до 220 рублей. К слову надо отметить, что в то время тройка, полученная в сессию, практически однозначно лишала тебя стипендии.

Надо ли говорить, что совокупность всех этих преимуществ не оставляла сомнений в ответе на вопрос: «Куда пойти учиться?».

И вот сейчас, по прошествии 50 лет, особенно отчетливо понятно и зримо все величие гражданского подвига, вся значимость того огромного дела, которое начал в те далекие 50-е годы Михаил Николаевич Дедюкин.

А ведь ему было всего 37 лет. Мог ли он тогда предвидеть, как далеко ему придется пройти, сделав этот первый шаг, во что выльется это его начинание, какое поистине решающее значение для всего региона будет иметь создание

первого в области технического вуза. Мог ли он тогда знать, сколько десятков тысяч выпускников по многим инженерным и гуманитарным специальностям выйдут из стен построенной им фабрики образования, создавая мощнейший кадровый потенциал – основу и перспективу всех промышленных отраслей Западного Урала и многих других регионов страны, сколько молодых, а теперь уже и пожилых людей будут считать Горный институт – Политех своей «альма-матер» и с душевным трепетом будут вспоминать в первую очередь его.

Мог ли он знать это? Задумывался ли об этом, мечтал ли?

Думаю, что вряд ли. Он просто делал свое дело, как все остальное в своей жизни ответственно и обязательно, не думая и не заботясь о себе, своей выгоде, пользе, благе. Жил в общежитии, тут же рядом со своими первыми студентами, многие из которых были не намного моложе его.

Он обладал удивительной способностью при первой же встрече вызывать уважительное отношение к себе, при второй – завоевывать авторитет, а далее – признание его как друга, которому хотелось подчиниться и которого очень не хотелось подвести.

Он обладал удивительной манерой говорить, разговаривать с людьми. Внимательно глядя человеку прямо в глаза, говорил очень медленно и членораздельно, как-то очень веско. Его немного скрипучий голос проникал прямо в сознание, тон его голоса был требовательным и не оставлял желания возражать или спорить. Мне не доводилось видеть его раздраженным, кричащим, перевозбужденным, вспыльчивым, срывающим свое плохое настроение на собеседнике.

Михаил Николаевич был, безусловно, личностью и личностью харизматической. Он не был трибуном, оратором в прямом смысле этого слова. Он не был любителем пространственных речей и излишнего многословия (читай пустословия). Речь его была скорее тезисной и содержала только суть. Но это придавало ей дополнительную основательность и взвешенность. Все, что говорилось, было важным и значимым.

Каков он был со студентами? Как студенты относились к нему?

Пройдя нелегкий путь становления, все тяготы войны и послевоенных лет, Михаил Николаевич прекрасно понимал жизнь простого человека, понимал молодежь, знал не понаслышке все трудности студенческой жизни и был своим в студенческой среде. Ему абсолютно было чуждо высокомерное, менторское отношение к студентам. Как преподаватель он был крайне либерален. Он читал у нас курс «Маркшейдерское дело» и вел вместе с незабвенной Валентиной Ивановной Деменевой геодезическую практику в Кишерти. Это был 1956 год, ровно пятьдесят лет назад. Несмотря на летний период – горячую пору (прием, хозяйственные заботы), он добросовестно пробыл с нами все положенное время и учил нас не только пользоваться нивелиром и теодолитом, но, и может быть, в большей степени учил нас жизненной мудрости, принципам человеческих взаимоотношений. От него в то время я впервые услышал библейскую истину о том, что в отношениях с людьми надо поступать так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой. Трудно с этим не согласиться, и сам Михаил Николаевич неукоснительно следовал этому постулату.

Очевидно, и по этой причине студенты отвечали своему ректору взаимностью. Мы любили Михаила Николаевича за очень многие его качества, да и просто так. Он никогда не был мелочно придирчивым, не читал нотаций, не выговаривал, не унижал, не угрожал. Он скорее был готов прощать, чем наказывать. Исповедовал те же человеческие ценности, что и мы, и поэтому был близок нам.

Нам ничего не стоило, оказавшись банкротом, обратиться к ректору и занять до стипендии «пятерку». Далеко не все возвращали занятое, и, конечно же, Михаил Николаевич не забывал всех своих должников. Он мог простить многое, но были вещи, которые он не прощал и поступал максимально жестко. Один пример мне навсегда врезался в память. Как-то в «общаге» у кого-то пропали часы. Надо сказать, что в то время

часы были далеко не у всех и были свидетельством определенной состоятельности. Сегодня пропажа вещей, ценностей, денег в общежитии – вещь обычная, а тогда это было ЧП. Как так, у своих товарищей что-то украсть? Тогда двери комнат не закрывались, ничего не пряталось, и ничего не пропадало. Да иначе и быть не могло. Ведь галстук, приличная рубашка, брюки были общим достоянием и носились по очереди. Хлеб и чай были в студенческой столовой бесплатно, вагоны и баржи всегда с радостью встречали горняков-грузчиков. А тут вдруг пропажа часов. Институт гудел. Поиски вора быстро увенчались успехом. Это была девчонка четвертого курса (первый прием). Студенческий вердикт был суров, но справедлив – долой из комсомола и института. И хотя материальная значимость проступка была ничтожна, Михаил Николаевич сразу прислушался к голосу студенчества и подписал приказ об отчислении.

А знаменитая драка с парнями из мединститута, в которой наши, к сожалению, потерпели фиаско. Михаил Николаевич больше переживал по этой причине, чем по факту самой драки, и именно поэтому зачинщики были «строго» наказаны.

А сакраментальная фраза Михаила Николаевича, ставшая горняцким девизом: «Не можешь пить, пей молоко»!

Поразительно, как быстро в течение 2–3 лет удалось превратить совсем «оный» институт в центр притяжения вузовской молодежи. Надо было видеть толпы юношей и девушек, буквально ломившихся на наши студенческие вечера (которые, кстати, проводились регулярно) и концерты театральных вёсен. Михаил Николаевич не жалел ни сил, ни средств для организации студенческого досуга.

А традиционная весенняя эстафета на приз газеты «За кадры горняков», а затем (уже в политехе) «Ленинец». Каждая группа выставляла свою команду. И это всегда был настоящий спортивный праздник, бескомпромиссная борьба.

Михаил Николаевич очень тщательно, скрупулезно относился к подбору и расстановке кадров, особенно если они

составляли его команду. В нее входили проректоры (тогда «замы» директора), деканы, заведующие кафедрами, руководители хозяйственных, финансовых служб, комсомольские, партийные и профсоюзные лидеры. Подбор кадров был штучным. При этом учитывались не только деловые, профессиональные достоинства, но и человеческие качества.

Одно из самых замечательных качеств Михаила Николаевича было хорошо известно в институте – его отношение к данному слову, обещанию.

Понятно, что к ректору постоянно обращались с многочисленными просьбами и ходатайствами самого разного характера. Только в очевидных случаях он выносил решение сразу. Обычно он брал некоторое время на подготовку ответа, при этом никогда не забывал дать его по существу. Но уж если он что-либо обещал, можно было считать, что это у вас уже «в кармане». Лишь в исключительных ситуациях он отменял или менял свое решение. И все это хорошо знали: слово Михаила Николаевича надежнее любого страхового полиса.

Я многократно почувствовал все описанное на себе. Когда в 1978 году я защитил докторскую диссертацию и полагал, что теперь смогу, наконец, всерьез заняться наукой, был полон идей и планов, неожиданно пригласил меня к себе в кабинет Михаил Николаевич и огорошил предложением стать деканом горного факультета. Мотивировал он это тем, что в институте нет факультетов, возглавляемых докторами наук, а это очень важно для развития факультетов и института. Я пытался, было брыкаться, ссылаясь на научные планы, но он сразил меня и снял все мое сопротивление всего двумя словами: «Аркаша, надо». Надо ли говорить, что этого было достаточно, чтобы я пошел писать заявление. И началось. Первое, за что я взялся основательно, было наше горняцкое общежитие в Балатово. Дневал и ночевал там, пытаюсь навести мало-мальский порядок. А жил я на Городских Горках, и дорога отнимала уйму времени.

И как-то при очередной встрече с Михаилом Николаевичем я вскользь обмолвился об этом. Он тут же отреагировал и сказал: «В течение года мы этот вопрос решим». И действительно, через год я получил ордер на прекрасную квартиру в центре города, в которой живу и до сих пор.

Теперь несколько слов о самом трудном периоде жизни Михаила Николаевича. Может быть, и не стоило бы касаться этой глубоко личной ситуации в семье Дедюкиных, но именно в этот тяжелейший момент, когда судьба нанесла коварный и непоправимый удар в самое сердце, в наибольшей степени проявляются личностные качества человека, и было бы неправильно умолчать об этом.

Пасмурным осенним днем 1979 года разносится весть о трагической гибели любимого сына Михаила Николаевича – Никиты. Недельные поиски нелепо погибшего сына в водах реки Чусовой в створе Голованово не дали результата. На Михаила Николаевича было страшно смотреть, потом тяжелейшая процедура похорон и нестерпимая боль в глазах внука Кирилла.

Любой человек в этой ситуации мог бы сломаться, но не наш ректор. Ни на минуту не прерывал он работу в институте, руководство строительством «комплекса» за Камой. Только количество выкуренных сигарет говорило о том, что мысль о сыне ни на минуту не покидала его.

Однако здоровье не выдержало этих нечеловеческих моральных и физических нагрузок. Диагноз был практически не совместим с жизнью. Сложнейшая операция, некоторое улучшение, но не надолго, и снова болезнь берет свое. Учителя было не узнать, похудел, силы покидали его. Но только физические. Дух был не сломлен. Он живо интересовался всем происходящим, давал указания, советы.

В это время особо ярко проявилось одно из фундаментальных человеческих качеств Михаила Николаевича – неимоверная скромность, неспособность обременять других своими заботами, трудностями, болью.

Многие в его положении лежали бы в комфортабельной палате со всеми удобствами, пользовались услугами врачей, сестер, санитарок, требовали бы повышенного внимания к себе. Он уехал в спортлагерь «Политехнику». Жил в дощатом домике (ректорский домик ничем не отличался от десятка таких же факультетских «сарайчиков») без всяких удобств. Только самое необходимое – железная кровать, тумбочка, обеденный стол, пара табуреток и никаких наемных сиделок. Вот таким, сидящим в пижаме на кровати, тяжело больным, но не сломленным, в крайне спартанской обстановке, но окруженным теплом и заботой огромного числа любящих его, «без лести преданных» людей, вызывающим сочувствие, но не жалость, я видел его в последний раз. Таким он и остался в моей памяти на всю оставшуюся жизнь.

Мои воспоминания были бы неполными, если бы в них не прозвучало имя еще одного человека, бесконечно близко и дорогого Михаилу Николаевичу, бесконечно преданного ему человека, на котором держалось все благополучие семьи Дедюкиных и, пожалуй, единственного человека, которого он искренне побаивался и слушался беспрекословно. Это Людмила Михайловна Дедюкина – его верная подруга, жена, сподвижница, посвятившая ему всю свою жизнь.

Людмила Михайловна – человек огромной силы воли и жизнестойкости. Я никогда не видел слез в ее глазах. Это очень правильный и очень надежный человек. У нее не «забалуешь». Думается, что в ее жизни едва ли найдется повод упрекнуть себя, корить себя за какие-то поступки, мысли, дела.

Она и до сих пор остается нашей совестью. И, слава богу, что она есть, и редкие встречи с ней оставляют в душе послевкусие от прикосновения и сопричастности к чему-то очень большому и очень важному, оставившему неизгладимый след в нашей жизни, делающему нас сильнее и чище, имя которому Учитель и Друг.

Ю.В. СОКОЛКИН

*Доктор физико-математических наук, профессор,
зав. кафедрой механики композиционных
материалов и конструкций,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*

СЛОВО О ПЕРВОМ РЕКТОРЕ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФЕССОРЕ МИХАИЛЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ДЕДЮКИНЕ

Моя первая встреча с Михаилом Николаевичем состоялась в сентябре 1969 года, в его ректорском кабинете, ее организовал доктор технических наук, профессор А.А. Поздеев и лично присутствовал на ней. Мне почему-то сразу показалось, что мы, все здесь присутствующие, работаем по одной научной тематике и с полуслова понимаем друг друга. Эта встреча оказалась для меня поистине судьбоносной. Однако этой встрече предшествовало важное событие в моей жизни, на котором я не могу не остановиться. До этого времени я работал научным сотрудником Института математики и механики Уральского филиала Академии наук СССР в г. Свердловске, который возглавлял в то время академик Н.Н. Красовский. Будучи аспирантом доктора физико-математических наук, проф. С.Д. Волкова, я выступил с докладом на IV Всесоюзной конференции по прочности и пластичности, которая проходила в г. Москве с 1 по 4 февраля 1967 г. на тему «Нелинейная ползучесть изотропных тел при случайных нагрузках и механических свойствах». После конференции состоялся банкет, на который был приглашен узкий круг знаменитых ученых; из аспирантов я был единственным. Зав. кафедрой МГУ член-корр. АН

СССР А.А. Ильюшин поздравил меня с этой научной работой и произнес тост за молодого перспективного ученого. Так я состоялся как ученый-специалист в области ползучести наполненных полимеров. Когда я встретил А.А. Поздеева и рассказал ему, что занимаюсь ползучестью наполненных полимеров, он предложил мне переехать в г. Пермь и заниматься этой научной тематикой. Надо сказать, что окончательное решение по этому вопросу принял ректор М.Н. Дедюкин на этой первой встрече, за что я ему очень благодарен. При этой встрече Михаил Николаевич задавал конкретные вопросы, интересовался буквально всем: какой состав семьи, какое у меня научное направление, читаю ли я лекции, какие мои дальнейшие планы, хочу ли я защитить докторскую диссертацию. Пришлось обстоятельно и конкретно отвечать на все поставленные вопросы. После этого Михаил Николаевич подробно рассказал, что представляет собой Пермский политехнический институт, какие проблемы надо сейчас решать и чем конкретно сам он занимается. «Главная сейчас для нас задача, – сказал М.Н. Дедюкин, – это организация академического института и строительство студенческого городка за р. Камой». Я хорошо запомнил его слова: «Сейчас мы отдадим лучшие научные кадры института академии, а потом мы наладим подготовку научных кадров для политеха через академический институт. Я Вас заберу назад в политех». Сбылись пророческие слова Михаила Николаевича. 31 ноября 1984 года я был избран по конкурсу и перешел работать в политехнический институт заведующим кафедрой. Уже позднее я убедился в том, что М.Н. Дедюкин в то время активно занимался исследованиями в области ползучести горных пород. По образному выражению академика Е.И. Шемякина, горные породы, как и наполненные полимеры, относятся к классу композитов. М.Н. Дедюкиным разработана феноменологическая теория прочности, имеющая актуальное значение и в наше время, с учетом процессов

накопления повреждений и их залечивания. Теория удобна для реализации различных горно-геомеханических задач и нашла широкое применение в инженерной практике.

Основные результаты, имеющие фундаментальное значение в теории ползучести, М.Н. Дедюкиным опубликованы в академических изданиях, начиная с середины 60-х годов. Приведем названия некоторых научных публикаций, наиболее близких мне по научной тематике: «К феноменологической теории прочности карналлита». В кн.: Проблемы механики горных пород. Алма-Ата: Наука, 1966; «К феноменологической теории ползучести горных пород и выбору функций наследственности». – В кн.: Проблемы механики горных пород. Новосибирск: Наука, 1971; «Ползучесть и феноменологическая теория длительной прочности горных пород». В кн.: Прикладные задачи механики горных пород. – Москва: Наука, 1977. Эти публикации выполнены совместно с И.Х. Габдрахимовым и А.А. Поздеевым. Однако круг научных интересов М.Н. Дедюкина был гораздо шире. У него имеются и собственно авторские публикации.

Все мы, преподаватели старшего поколения, являемся свидетелями того, как М.Н. Дедюкин, пользуясь своим колоссальным авторитетом ученого и производственника, «пробивал» открытие академического подразделения на Западном Урале. Именно М.Н. Дедюкин выступил с докладом в г. Свердловске на расширенной сессии Уральского филиала АН СССР об организации в г. Перми академического подразделения. Первого февраля 1970 года был открыт Отдел физики полимеров Уральского филиала АН СССР. Это структурное подразделение было размещено в главном корпусе на территории Пермского политехнического института. Четырнадцатого февраля 1980 года Отдел физики полимеров был преобразован в Институт механики сплошных сред Уральского научного центра Академии наук СССР. Корпус института расположен на территории студенческого городка, на правом

берегу р. Камы, гениально спланированного и построенного М.Н. Дедюкиным.

Значительное число преподавателей, сотрудников и студентов Пермского государственного технического университета живут в студенческом городке, который представляет собой отдельный большой микрорайон из учебных корпусов, корпусов научных подразделений, студенческих общежитий, жилых домов для преподавателей и сотрудников. Этот грандиозный замысел и его реализация оказались по плечу первому ректору М.Н. Дедюкину, человеку неиссякаемой энергии, силы воли, организаторского таланта.

М.Н. Дедюкин почти 30 лет возглавлял Пермский политехнический институт, по сути, поднял его «с нуля» до уровня федеральных российских вузов, создав первоклассное учебное заведение. Нужно обладать незаурядными организаторскими способностями, даром предвидения, чтобы принимать правильные решения по приоритетным направлениям успешного развития политеха.

В день 80-летнего юбилея А.А. Поздеева директор Института механики сплошных сред УрО РАН академик РАН В.П. Матвеевко метко сказал: «Три главные улицы на комплексе за р. Камой носят имена замечательных ученых: С.П. Королева, М.Н. Дедюкина, А.А. Поздеева. Это символ объединенности отраслевой, вузовской и академической науки. Это дань светлой памяти дорогих нам людей».

Ревностное служение Политехническому институту составляло смысл жизни Михаила Николаевича Дедюкина. Его деятельность – это целая эпоха в истории Пермского технического университета. В день 90-летнего юбилея со дня рождения М.Н. Дедюкина достойной памятью было бы присвоение Пермскому государственному техническому университету имени М.Н. Дедюкина.

Ю.Г. КОВАЛЕВ

Кандидат технических наук, профессор

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ДЕДЮКИНЕ

1 ноября 1966 года – дата, которая знаменательна для меня: я закончил аспирантуру и начал работать в институте, в котором тружусь и сегодня.

Это был Пермский политехнический институт. Естественно, в первую очередь я был представлен ректору ППИ Михаилу Николаевичу Дедюкину. Меня встретил, как мне показалось, суровый и неразговорчивый руководитель института. Разговор был коротким. Закончился он словами ректора: мол, хорошо, что закончил аспирантуру, теперь иди работай. Таково было первое знакомство с М.Н. Дедюкиным.

После этого потянулись трудовые будни. Ассистент, доцент, зав.кафедрой, секретарь партбюро механико-технологического факультета, секретарь парткома ППИ. Я считаю, что моя судьба в ППИ сложилась хорошо и даже счастливо. Не надо думать, что я пишу о себе мемуары. Да, я пишу о своей судьбе, но она так или иначе, в той или иной степени была связана с деятельностью М.Н. Дедюкина.

Впервые мы столкнулись непосредственно с М.Н. Дедюкиным при обсуждении результатов какой-то министерской проверки, когда я уже был заведующим кафедрой литейного производства (вероятно, это был 1972 год).

Я что-то неправильно сделал, не по-«дедюкински», и мне публично попало от Михаила Николаевича. Но он был и как руководитель, и как человек, незлопамятлив, – это следует подчеркнуть!

Однако непосредственный контакт между Михаилом Николаевичем и мной возник намного позднее. В 1972 г. я перестал быть партийным функционером факультетского

масштаба, стал завкафедрой и вздохнул свободнее. Но эта «свобода» длилась недолго. Вначале В. Кожевников «уговорил» работать в профкоме, и я был избран в производственную комиссию. Пришлось заниматься организацией соцсоревнования. То, что весь коллектив многие годы участвовал в соцсоревновании, было результатом работы производственной комиссии месткома. Не без одобрения и участия М.Н. Дедюкина было сделано немало по совершенствованию соцсоревнования в институте.

А затем было... Ну, об этом особый разговор.

Помню в середине 1972 года меня вызвали в партком. Захожу туда, а там сидит только Михаил Николаевич. Состоялся разговор о том, мол тебя рекомендуют в секретари парткома. Я изворачивался и так и эдак, отказываясь от столь престижной должности и работы, которой я никогда не занимался. Но мои просьбы тонули в аргументах, которые приводил Михаил Николаевич. Скажу прямо: без всякой радости я уходил из парткома, но с мыслью: надо – значит, надо! В декабре 1973 года меня избрали секретарем парткома и одновременно членом бюро Ленинского РК. И это продолжалось целых 10 лет!

С избрания секретарем парткома началась работа, выполняя которую так или иначе я сталкивался непосредственно с Михаилом Николаевичем. Нельзя сказать, что в таком большом деле, как руководство институтом, всегда было все гладко, но можно твердо утверждать: мы с Михаилом Николаевичем очень быстро нашли общий язык, и во всем периоде моей деятельности в парткоме позитивного было значительно больше, чем негативного. Работая в контакте с Михаилом Николаевичем, я многому у него научился. До сих пор, хотя и прошло много лет, о специалистах, работавших с М.Н., говорят, что он (она) из школы Дедюкина.

Может быть, мало кто знает, что М.Н. Дедюкин случайно стал ректором института. Дело в том, что в 1953 году

был образован Пермский горный институт, директором которого был назначен некто, кто в Пермь не приехал, и тогда 3 августа 1953 года исполняющим обязанности директора Пермского горного института был назначен М.Н. Дедюкин. Как тут не вспомнить одну из любимых поговорок Михаила Николаевича: «Нет ничего более постоянного, чем временные решения». Пусть вначале и.о., но Пермь получила человека и руководителя в лице М.Н. Дедюкина, который стал родоначальником высшего технического образования в Перми. Вместе с ростом института рос и М.Н. Дедюкин как руководитель, росли его авторитет и влияние в Пермском крае. Недаром он дважды избирался в Верховный Совет СССР, однажды был делегатом съезда КПСС. Это под его руководством ППИ стал одним из ведущих вузов России и вырос до технического университета. Многие выпускники нашего университета (института) стали ведущими руководителями пермских, и не только пермских предприятий промышленности. Многие стали выдающимися руководителями производства. Среди выпускников ППИ (ПГТУ) немало тех, кто стал государственным и политическим деятелем. Все это означает, что ППИ – это источник кадрового потенциала Пермского края и России. Ценным качеством Михаила Николаевича была его способность подбирать кадры, создавать команду, которая бы работала самостоятельно, решая локальные задачи. Михаил Николаевич доверял людям, особенно тем, кто его окружал. Он старался не вмешиваться в деятельность тех, кто способствует делу. Он часто повторял: «Помогают тем, кто работает». Он мог и пожурить, но так, чтобы у того, кто попадал под его критику, не «опускались руки», чтобы упрек в сторону провинившегося воспринимался как необходимость, как урок на будущее.

Тогда было другое время, другие ценности, мы были воспитаны по-другому, искренне верили, что идем вперед, к лучшему состоянию общества. Было много того, что надо

делать, – другого пути нет! Все это, без сомнения, отражалось в нашей деятельности, на нашем понимании возникающих ситуаций. Несмотря порою на формализм, на то, что можно бы было сделать по-другому, но нельзя. Партийная дисциплина была обязательна.

Михаил Николаевич был человеком своего времени. Что следует отметить, так это его уважение к парткому, к его роли в жизни института. Он был бессменным членом парткома. Он никогда не пропускал заседания парткома без уважительных причин. Не знаю, вел ли он «кухонные» беседы, – я думаю, что нет. Наше поведение было, как выразился С. Михалков, «актуально времени».

Михаил Николаевич был скромным человеком, Он не выпячивал свое «я». Его было трудно найти среди людей, его окружающих.

Только на первый взгляд можно подумать, что Михаил Николаевич – человек суровый и строгий, к нему трудно подойти и тем более поговорить с ним. Это неправда! Он был очень отзывчивым человеком.

Вспоминается такой случай. Узнав о тяжелой травме, полученной студенткой на производственной практике, Михаил Николаевич, используя все свое влияние и авторитет, сделал все от него зависящее, чтобы помочь этой студентке получить превосходную медицинскую помощь.

Михаил Николаевич был ректором-строителем. Это не означает, что ему нравилось строить. Это не было его хобби. Он старался строить ради института и его коллектива. Я не застал того времени, когда возводился главный корпус на Октябрьской площади, но слышал из уст ветеранов ППИ, что главный корпус строили не только строители, но к строительству привлекались студенты и преподаватели. Шагая по коридорам главного корпуса, кое-кто и сейчас вспоминает, что, мол, эту плитку, этот паркет клал я. Уже

при возведении главного корпуса отрабатывалась модель привлечения студентов к строительству объектов института. Порою Михаил Николаевич брал всю ответственность на себя. Освобождение студентов от занятий – прерогатива Министерства, а тут на две-три недели студенты отправлялись на стройку, укорачивая семестр. Однако такая практика давала свои плоды: многие объекты института сдавались быстро и в срок. Детищем Михаила Николаевича был комплекс за Камой. Идея была замечательной: построить институт и жилье для сотрудников института на одной площадке, недалеко от города, но в то же время в лесу, в тишине, вдали от городского шума. Было множество трудностей в освоении комплекса. Первое время особенно было плохо с транспортом. Сейчас трудно, а в то время какво! Однако трудности преодолевались и комплекс рос. Сейчас на нем учится около половины студентов университета. Многие преподаватели и сотрудники вуза имеют на комплексе благоустроенное жилье. Уже сейчас учебные корпуса и жилой массив радуют глаз. Однако нет-нет, а раздаются голоса критики в адрес тех, кто видит в комплексе больше вреда, чем пользы. Но кто предполагал, что наша жизнь так круто изменится. И частным следствием будет «тишь и гладь» на недостроенном комплексе. Так и остался большой разброс корпусов института по городу. Для коллектива института были необходимы новые учебные и исследовательские корпуса, необходимо было новое жилье для сотрудников вуза. Мечты были заманчивы и хотя они осуществлялись медленно, но, как говорят, верно. Очень жаль, что не все осуществлено. Недостроенный комплекс поглощает огромные средства, создает проблемы и неудобства, – вот, в первую очередь, почему разносится критика в его адрес и его авторов. Едва ли эти изменения в нашей жизни способствуют окончанию строительства комплекса – великой мечты Михаила Николаевича!

Недаром на комплексе можно увидеть мемориальную доску, посвященную Михаилу Николаевичу, а одна из улиц комплекса по праву носит его имя.

Большое внимание Михаил Николаевич уделял художественной самодеятельности студентов. «Сливки» самодеятельности, конечно, сосредотачивались в студенческом клубе, где были настоящие лидеры этого дела. Таланты, которые нет-нет да возникали на подмостках «Театральных студенческих весен», радовали Михаила Николаевича. Он всегда был участником комиссии по подведению итогов студенческой самодеятельности, которая была в центре его забот. Он гордился студенческими талантами. Недаром на одном из юбилеев нашего вуза ректор Пермского института культуры Малянов говорил, что Институт культуры «по своей должности» обязан готовить кадры для культуры, а ПГТУ научился готовить и кадры для производства, и кадры для культуры. Это значит, что политех стал не только необходимым для подготовки инженерных кадров, но он стал культурным центром Прикамья. И в этом большая заслуга Михаила Николаевича.

Все, что здесь перечислено, только малая толика тех дел, к которым приложил «свою руку» Михаил Николаевич. Это только те дела и стороны жизни Михаила Николаевича, которые мне сейчас «пришли в голову». Конечно, их было больше, они были разнообразнее. Однако главное в том, что каждый из нас, современников Михаила Николаевича, прошел «школу Дедюкина», научился от него, как надо работать, подходить к жизни так, чтобы не было стыдно за прожитые годы, чтобы твои дела, твоя работа были полезны людям.

К.В. ГАРИШИН

Доцент,

бывший секретарь парткома ППИ,

Я Михаила Николаевича Дедюкина знал с 1965 года, но близко мы познакомились в 1968 году, когда меня избрали секретарем парткома. Одной из основных черт характера М.Н. Дедюкина было то, что он в своей работе ректора все вопросы решал обдуманно, всесторонне все проанализировав, взвесив. Он был очень мудрый человек. Особенно аккуратно и справедливо Михаил Николаевич решал кадровые вопросы. Я не помню, чтобы Михаил Николаевич принял неразумное решение. Прежде чем назначить человека, особенно на руководящую должность, Михаил Николаевич всесторонне изучал человека, старался лично познакомиться с ним. Я помню, как Михаил Николаевич устраивал мне различные проверки, прежде чем дал личное согласие на избрание меня секретарем парткома. Я понимаю, что ректору не безразлично, кто будет секретарем парткома. Или это будет помощник ректора, или это будет «заноза», которую ректору нужно будет вытаскивать. Конечно, секретарь парткома – это знаковая фигура в институте. Сначала М.Н. Дедюкин подключал меня к решению вопросов, затем послал в командировку в Челябинск для решения общественно-политической задачи. Вначале все эти манипуляции Михаила Николаевича вызывали у меня недоумение. Михаил Николаевич пользовался колоссальным уважением и доверием в коллективе института. Это не голословное заявление. В советские времена первый руководитель организации, подразделения обязательно должен был быть избран в состав парткома. И если руководитель забаллотирован и не избран, его сразу же освобождали от должности. В мою бытность в парткоме Михаил Николаевич пять раз избирался в партком, и каждый раз за его избрание голо-

совало абсолютное большинство коммунистов. Против него, я помню, голосовали всего два-три человека из тысячи голосовавших. Это абсолютное доверие, я бы сказал, редкое для первого руководителя. А Михаил Николаевич пользовался большим уважением и доверием не только внутри коллектива института, но и у руководства города и области. Он дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Я вспоминаю, каким энтузиастом он был в строительстве комплекса института. Мне кажется, это была главная мечта его жизни. Сколько сил, энергии отдавал Михаил Николаевич этому делу, подключал к строительству комплекса преподавателей и студентов в летнее время, создавая строительные отряды. Хотелось бы отметить заметную роль в строительстве комплекса доцента Бориса Александровича Балашова.

Самого Михаила Николаевича называли «главным прорабом» стройки, он проводил оперативки со строителями, был главным снабженцем стройки.

А как же родилась сама идея такой стройки? Конечно, собрать институт в единый комплекс было давней мечтой Михаила Николаевича. В то время институт размещался в корпусах, находившихся в различных местах города. Электротехнический факультет был в здании строительного техникума, машиностроительный факультет, военная кафедра – в 4-м корпусе у завода им. Свердлова. И вот однажды Михаил Николаевич посмотрел по телевизору передачу о строительстве институтского комплекса в Америке, как мне кажется, «Массачусеттского технологического института» (я не утверждаю), в пригороде, в лесном массиве. Михаилу Николаевичу эта идея понравилась, и он, что называется, «загорелся» (все это со слов его самого). Сам подобрал участок строительства – место бывшего испытательного полигона Мотовилихинских заводов – это сплошной лесной массив за Камой. Добился решения облисполкома о выделении этого участка под строительство комплекса, заручился поддержкой первого секретаря областного комитета партии Бориса Федоровича

Короткова, что очень существенно, потому что первый секретарь обкома в те времена был «царь и бог» в области. Не дожидаясь официального решения Министерства о строительстве нового комплекса института, потому что принятие официального решения затянулось бы на несколько лет, Михаил Николаевич на свой страх и риск развернул строительство. Он был смелый человек и не боялся взять на себя ответственность. Пользуясь своим авторитетом, он договорился с начальником Пермского комбината крупнопанельного домостроения (КПД) Коровниковым и управляющим трестом № 14 Шихманом о строительстве в долг с условием расчета в конце года. Это еще раз свидетельствует о высоком доверии к Михаилу Николаевичу как к человеку и руководителю со стороны строителей. Правда, часть сумм, отводимых Министерством высшего образования на обслуживание и материальное обеспечение учебного и научного процессов, Михаил Николаевич вкладывал в строительство комплекса. Это, конечно, затрудняло работу института. Коллективу института приходилось ужиматься и мириться с таким положением. Чтобы как-то отметить в городе начало строительства комплекса, Михаил Николаевич поручает парткому организовать мероприятие по закладке первого символического камня. Проректору института Ивану Антоновичу Шапореву поручается подобрать и подготовить такой камень-символ. Такой камень был установлен в правом углу поворота дороги с Гайвинского тракта на комплекс. К сожалению, до сегодняшнего дня этот камень не сохранился. Он развалился, и его убрали.

Прошло несколько лет с начала строительства комплекса. Стройка получила широкий размах. Много лет в эту стройку вкладывалось часть средств, выделенных на обслуживание действующего института. Это стало отрицательно сказываться на его работе. Я обратился к Михаилу Николаевичу с просьбой выйти на Министерство с предложением о включении в министерский план нашей стройки. Но Михаил

Николаевич уходил от этого вопроса под разными предлогами. Я пытался это сделать через городские и областные власти, и здесь все мои попытки Михаил Николаевич блокировал, но, наконец, всё-таки прислушался. Он зашел как-то в партком и сказал мне: «Собирайся, завтра вылетаем в Москву. Нас примет Евгений Михайлович Тяжельников, первый секретарь Центрального комитета комсомола (ЦК комсомола). Это очень высокая должность. Он кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС». Действительно, Евгений Михайлович нас с Михаилом Николаевичем принял. Мы обратились к нему с просьбой объявить нашу стройку всесоюзной комсомольской стройкой. Но Евгений Михайлович сказал, что наш объект строительства в масштабах страны очень незначителен, а вот объявить нашу стройку областной комсомольской он нам поможет. Но вскоре началась Горбачевская перестройка, а затем – Ельцинская разруха в стране. Михаила Николаевича не стало, и комплекс остался недостроенным. Много лет меня будоражил вопрос, почему Михаил Николаевич так не хотел включаться в строительный план Министерства и получать плановые средства из Министерства в начале года, а не потом, в конце года по факту построенного. Ведь это было бы для него проще. Потом до меня дошло. Да потому, что в этом случае значительно будут ограничены права ректора, а что и когда строить будет решать Министерство. Учитывая всеобщий дефицит и коллективную безответственность в стране, он понимал, что следует делать то, что выгоднее институту. На месте-то виднее, чем из Москвы! Я еще раз понял, насколько же Михаил Николаевич в жизненных ситуациях был мудрым. Пользуясь своими правами и сложившимися возможностями, Михаил Николаевич «под шумок» параллельно с общежитиями построил два жилых дома для преподавателей и сотрудников, чем значительно разрядил жилищную проблему в институте. В Министерстве считали, что строительство общежитий для студентов – это задача Министерства,

а преподавателей и сотрудников должен обеспечивать жильем город на общих основаниях. Министерство никогда бы не разрешило строительство жилого дома для сотрудников института.

Я уже сказал, что Михаил Николаевич пользовался колоссальным авторитетом в коллективе института, но он не давил авторитетом, а постоянно советовался с парткомом и другими общественными организациями, прислушиваясь к ним, особенно в решении кадровых вопросов. Мне думается, что его высокий авторитет строился именно на глубоко продуманных, всесторонне взвешенных решениях кадровых вопросов. Его решения никогда не оскорбляли достоинство человека, были проникнуты вниманием к людям, заботой о них. Вот несколько примеров, пришедших мне на память.

Приходит в институт из милиции извещение, что один из заведующих кафедрой, уважаемый человек, попадает в медвытрезвитель. В советские времена эти проступки карались строго. В институте эти дела курировал проректор по режиму Калясников Михаил Павлович, человек очень строгий, бывший работник КГБ. Он потребовал освободить виновника происшествия от занимаемой должности. Михаил Николаевич пригласил меня, сказал Калясникову: «Не горячись. Давай сначала сами разберемся с этой проблемой», – и попросил меня разобраться в этом деле. Оказалось, что товарищ был в гостях. Там, естественно, выпили. Его посадили в такси и отправили домой. В машине он уснул, и таксист привез его в вытрезвитель. Я понял, что это не система, а нелепый случай, позвонил начальнику УВД генералу Мажуре. Он меня принял и после моей информации дал указание отозвать милиционную бумагу из института. Так, по справедливости, «бескровно» был решен вопрос.

Другой случай, который мне вспоминается. Четыре сотрудника (преподаватели военной кафедры) написали в КГБ о якобы имеющихся личных злоупотреблениях начальника военной кафедры. Оттуда письмо для разбора пришло

в институт. Михаил Николаевич очень подробно разобрался сам в этих делах и попросил руководство Уральского военного округа принять справедливое решение по возникшему конфликту. Решение было принято в пользу начальника военной кафедры, полковника И.М. Дегтярева.

Михаил Николаевич пользовался уважением и в Министерстве высшего образования. Работа Михаила Николаевича одобрялась лично министром Столетовым, и это не голословное заявление. В те давние советские времена практиковались отчеты вузов на заседаниях коллегии Министерства высшего образования. Эти отчеты о работе вуза проводились ежегодно (в конце года), а приглашались на них ректор и секретарь парткома. Я помню, когда министр в своем заключительном слове давал оценку работе каждого вуза, то наш вуз всегда получал положительную оценку, и довольно часто министр работу ректора М.Н. Дедюкина ставил в пример.

Михаил Николаевич был очень ответственным и обязательным человеком. Если он кому-то что-то пообещал, то всегда выполнял свои обещания, и как ректор, и как депутат Верховного Совета. И примеров я мог бы привести много.

Я уже отмечал, что Михаил Николаевич был смелым человеком и не боялся принимать на себя решения, граничащие с судебной ответственностью. Вот пример. Для того, чтобы сдать в эксплуатацию пионерский лагерь, требуется заключение многих служб города: санэпидемстанции, пожарников и др. Пожарники потребовали, чтобы вокруг детских домиков все деревья были вырублены на расстоянии более 40 метров. Михаил Николаевич отказался вырубать лес и дал указание соответствующим службам института проработать с пожарниками вопросы дополнительных мер пожаробезопасности и убедил пожарников согласиться с ним. Я мог бы привести еще ряд примеров, где от ректора требовалось принятие очень ответственных решений, и Михаил Николаевич их принимал.

Следует отметить, что М.Н. Дедюкин очень много работал. Распорядок дня у него был такой: в 9.00 он приезжал, а чаще приходил пешком в институт, работал до 14.00. Уходил на обед. В 17 часов снова приходил на работу и работал допоздна, до 12 часов ночи и позднее. Иногда он работал даже в выходные дни.

Этот человек за свои дела, отзывчивость, целеустремленность, доброту как бы отмечен судьбой кем-то свыше. Вспоминаю еще один случай. Михаил Николаевич как депутат Верховного Совета СССР был награжден Правительством именными часами. Очень ценил и гордился подарком. В поездке за грибами он их в лесу потерял: наклоняясь, выронил их из кармана куртки. Обнаружив на обратном пути потерю, он очень долго переживал по этому поводу. И что вы думаете? В следующем году поехали за грибами в этот же лес, и он их нашел. Завёл, и часы пошли. Вот было радости! Не каждому человеку так повезет!

Михаил Николаевич при всех его положительных качествах был скромным человеком и не использовал свой авторитет, связи в личных целях. Например, когда его сыну Никите пришла пора служить в армии, Михаил Николаевич сказал: «Пусть служит, как все». И Никита отслужил свой срок где-то далеко за пределами Перми.

Михаил Николаевич любил жизнь и был счастлив. В работе он находил удовольствие, семейные «тылы» поддерживала в порядке его жена и подруга Людмила Николаевна, женщина, на мой взгляд, очень заботливая, порядочная и в меру строгая. Они вырастили и воспитали двух прекрасных детей. Появились внуки. Кажется, живи и радуйся.

Но не повезло Михаилу Николаевичу. Рано он ушел из жизни.

Он много сделал для института, оставив о себе добрую память. У меня лично остались самые теплые воспоминания. Я благодарю судьбу, за то, что мне посчастливилось близко общаться с таким уникальным человеком, как М.Н. Дедюкин.

И.А. ЗАХАРОВА

О ДЕДЮКИНЕ МИХАИЛЕ НИКОЛАЕВИЧЕ

Дедюкин Михаил Николаевич приходился мне двоюродным братом и был старше меня на 17 лет (мой год рождения – 1934-й). В детстве я видела его один-два раза, когда мы приезжали к их семье в гости в город Ахтырка на Украину. Слышала позднее, что он способный и умный, но с первого раза не был принят в институт из-за дворянского происхождения и сначала учился в техникуме. Повзрослев я впервые увидела его в начале 50-х годов. В то время я жила в Подмосковье в семье своей тетки и училась в восьмом классе. Родители мои к этому времени скончались: мать – в 1943 году, а отец – в 1949. Затем я жила в семье своей двоюродной сестры в Москве, и мы с ним стали чаще видеться. Даже один раз ходили вместе на футбол! В Москве меня больше всего интересовали театры, музеи и концерты в Большом зале консерватории. Я имела склонность к гуманитарным предметам, но поступать решила почему-то в технический вуз и не прошла по конкурсу. Надо было думать, что делать. Если я не пойду учиться дальше, то лишусь пенсии, назначенной мне до получения высшего образования (отец был военный фронтовик). И тут Михаил Николаевич скомандовал: «Собирайся, поедем ко мне в Сталинск (ныне – Новокузнецк)». Так я стала в 1952 году студенткой горного факультета Сибирского металлургического института. Семья Михаила Николаевича (его жена Людмила Михайловна, их маленькие дети – Никита и Марина) приняла меня душевно. Мне нравилась атмосфера в их доме: дружелюбие, веселье. Часто приходили гости – сотрудники института и другие интересные люди. Я очень беспокоилась о своем будущем, о возможных проблемах, но Михаил Николаевич «ожелезной» рукой заставил меня заниматься. Сам он писал в то время диссертацию и с вечера до 2–3 часов ночи

сидел за письменным столом, обложенный книгами. Пришлось и мне перейти на такой режим, конечно, не такой суровый, но полезный. В первом же семестре я получила «отлично» по высшей математике!

Перед тем, как Михаил Николаевич начал читать нашему курсу геодезию, я очень волновалась: как он будет читать, не будут ли шуметь студенты? Это иногда случалось на лекциях других преподавателей. И не будет ли он сердиться, если я не буду справляться? Читал он в особой манере: тихим голосом, не спеша, чертил на доске и иногда что-то стирал, исправлял. Никакого конспекта на столе. Иногда вынимал из кармана листок размером с почтовую открытку и заглядывал в него раза два за лекцию. Никто из студентов не разговаривал и не шумел, относились к Михаилу Николаевичу с уважением.

Когда сдавали экзамен, надо мной студенты шутили: «Могла бы дома за завтраком сдать!». Я получила «четыре», что было вполне педагогично. На следующий год я осталась в Новокузнецке одна, так как Михаил Николаевич получил назначение в Пермь.

Без Дедюкиных в Новокузнецке стало скучно и трудно. Помню длинную комнату на тринадцать человек в общежитии, морозную зиму и неустроенность. Михаил Николаевич и тут мне помог – я перешла на третий курс в Московский горный институт! И тут началось то же, что и в школе: театры, концерты, выставки... Но все же я благополучно закончила институт, даже два года проработала на шахте в г. Гремячинске, пока не вышла замуж и не переехала в г. Череповец, где дальше занималась патентно-лицензионной работой.

Всю жизнь я благодарна Михаилу Николаевичу за то влияние, которое он на меня оказал, за то, что помог выработать характер, научил работать. Помню его обаятельный и светлый образ, высокую ответственность за все, трудолюбие, интеллект. Я благодарна ему всю жизнь за его большую доброту и помощь.

И.А. ШАПОРЕВ

*Заслуженный работник высшей школы РФ,
с 1959 по 1988 г. начальник УМУ, НИСа, проректор
по вечерне-заочному обучению. Ответственный секретарь
по связям с общественностью*

КАК ЭТО БЫЛО

В жизни иногда случаются судьбоносные события, которые совершенно неожиданно меняют судьбу и жизненные планы человека. Так произошло и со мной.

Шел май 1959 года, я заканчивал географический факультет Пермского государственного университета имени А.М. Горького. Учился хорошо, был Сталинским стипендиатом, занимался общественной работой. До университета, после школы, окончил Ульяновское танковое училище, прошел фронт, а после войны – восемь лет работал в культурно-просветительских учреждениях на Алтае и в г. Перми.

В один прекрасный день меня вызвали в деканат и сказали, что необходимо явиться в ректорат к начальнику учебной части Сергею Викторовичу Владимирову. В ректорате меня знали по моей общественной работе. Будучи членом профкома, парткома, я отвечал за научно-исследовательскую работу студентов в университете. Эта работа мне нравилась и с помощью ректората, деканов и кафедр нам удалось значительно развить научно-исследовательскую работу студентов.

С.В. Владимиров мне сообщил, что к ректору университета, В.Ф. Тиуну, обратился ректор Пермского горного института М.Н. Дедюкин с просьбой порекомендовать выпускника этого года на должность начальника учебной части института.

Василия Филипповича я знал, когда он был ещё председателем Пермского облисполкома, а я работал заместителем директора городского сада имени Горького и обращался к нему с разными просьбами.

Сергей Викторович говорит, что ректорат остановился на моей кандидатуре, и, если я не возражаю, ему поручено сообщить М.Н. Дедюкину фамилию нашего выпускника. Я говорю: «Сергей Викторович, спасибо ректорату за доверие, но для меня это так неожиданно, да и работу учебной части я совсем не знаю». Он говорит: «Все с чего-то начинают. У тебя большой жизненный опыт, ты проявил себя хорошим общественным организатором, умеющим находить контакты с деканатами, кафедрами по развитию студенческой научно-исследовательской работы. Мы полагаем, что наш выбор не случаен. Ты справишься с этой работой, а мы поможем, будем курировать». И я дал согласие. Он сказал: «Ну, вот и хорошо, мы в этом не сомневались. Надеемся, что наше доверие ты оправдаешь». С.В. Владимиров тут же позвонил М.Н. Дедюкину, назвал мою кандидатуру, в нескольких словах охарактеризовал меня, и Михаил Николаевич тут же попросил передать мне телефонную трубку. Мы с ним договорились о встрече у него на следующий день.

Говорят, что первая встреча с человеком оставляет довольно полное представление о нем. Так оно и получилось. Михаил Николаевич показался мне довольно спокойным человеком, внимательным слушателем и неторопливым в приеме решений. Мне показалось, что у Михаила Николаевича уже сложилось обо мне определенное мнение, и в разговоре он просто проверял, насколько оно объективно. В конце встречи, а она продолжалась минут тридцать, он вдруг неожиданно спросил, не смогу ли я сразу приступить к работе. Я ему сказал, что у меня ведь еще нет диплома, хотя дипломную работу я защитил на студенческой научной конференции на «отлично», а государственный экзамен должен был сдавать в июне. Он говорит: «Диплом получите, но мне надо,

чтобы Вы поехали в город Инту и Воркуту (шахтерские города) для агитации молодежи поступать в Пермский горный институт». Работа в вузе стала смыслом всей моей дальнейшей жизни. Я считаю, что мне несказанно повезло что я встретился с таким замечательным, чутким и терпеливым человеком, каким был Михаил Николаевич Дедюкин. Он в меня поверил и доверил мне сложный участок работы, каким является учебная часть, а мне оставалось только своей кропотливой работой, своим отношением к труду оправдать это доверие.

Шел июль 1960 года. Мы в учебной части с диспетчером Л.Г. Чупиной проводили анализ работы государственных экзаменационных комиссий, итогов сдачи экзаменов, готовили переводные приказы на студентов, т.е. шла обычная работа в учебной части. Вдруг раздался телефонный звонок, я взял трубку. Звонил М.Н. Дедюкин. Поздоровались, он, как обычно, сказал: «Зайди ко мне». Захожу в кабинет, Михаил Николаевич подает мне бланк телеграммы и говорит: «Читай». Это была правительственная телеграмма о создании в Перми политехнического института на базе Горного и Вечернего машиностроительного институтов, двух кафедр Пермского госуниверситета и УКП Северо-Западного заочного института.

Руководство политехническим институтом возлагалось на М.Н. Дедюкина.

Внимательно прочитав эту телеграмму, я поздравил его с новым назначением и осуществлением его мечты о создании на Западном Урале мощного технического вуза. «Ну, что будем делать?» – спрашивает Михаил Николаевич. «Как, что? Надо делать структуру нового института», – отвечаю я ему. Михаил Николаевич в ответ: «Вот и делай». Я: «Мне делать структуру политеха?». «А кому же еще? Все в отпусках, разъехались кто куда, пока кого-то найдем, упустим время, а срок предельно сжатый: у нас на всё про всё около одного месяца. Надо успеть. Даю неделю. Представь первый вариант структуры».

Сразу в его кабинете прикинули, сколько и каких должно быть факультетов, кафедр и т.п. «С чего думаешь начинать работу?» – спросил Михаил Николаевич. Я ответил, что в основу положу существующие структуры вузов, анализ учебных планов, имеющуюся учебно-лабораторную базу, расчет штатов с учетом контингента нового плана приема. «Мыслишь верно. Приступай. Будут сложности – заходи. Что тебе надо?» – говорит Михаил Николаевич. «Кроме перечисленного, миллиметровку и цветные карандаши», – отвечаю я. «И все?» – спросил Михаил Николаевич. «Думаю, да». Уходя от Михаила Николаевича, я сказал, что я максималист и структуру раздую. «Ничего, посмотрим», – Михаил Николаевич сказал в ответ.

Когда я принес плакаты со структурой дня через три, он прежде всего спросил не о содержании, а кто мне писал шрифтами, ведь все в отпусках. Я ответил, что писал сам. «А что, в университете учат шрифтам?» – спросил Дедюкин. Отвечаю: «Учат, Михаил Николаевич, еще как учат! Я ходил, сдавал шрифты не меньше трех-четыре заходов». Он сказал: «Я тоже».

В общем, структуру я сделал развернутую: ректорат, отделы и службы без указания численности, факультеты – с кафедрами, лабораториями, кабинетами, кафедры общественных наук, общеобразовательные кафедры, а общетехнические расписал по принадлежности к факультетам. Чтобы сразу создать все дневные факультеты, а их я заложил девять, я внес на рассмотрение ректору предложение: принимаемый контингент вечерников распределить по дневным факультетам, чтобы иметь необходимую численность, а заочников – объединить в два заочных факультета.

Михаил Николаевич внимательно просмотрел структуру, сказал: «Пожалуй, тут надо убавлять, а добавить – нечего». Я ему ответил, что в процессе работы в качестве начальника учебной части я хорошо изучил структуру Пермского

госуниверситета, ознакомился с работой УПИ (Уральского политехнического института) и считаю, что чем полнее мы сформируем структуру при организации, тем сильнее облегчим ее совершенствование в перспективе. Всегда легче изменить название кафедры или факультета, чем открыть вновь. Михаил Николаевич в ответ: «Ладно, оставь. Я еще сам поработаю, встретимся завтра». Михаил Николаевич внес ряд существенных изменений в структуру института, и с этими изменениями мы поехали в Министерство в составе трех человек: ректор, главный бухгалтер Латышева и я.

С первого раза структуру не утвердили. Пришлось внести несущественные изменения, но со второго – структура была утверждена. Предстояла задача ее наполнения. Работа предстояла огромная.

Необходимо было сформировать управленческий аппарат. Приказом Минвуза был назначен только ректор М.Н. Дедюкин. Мне было поручено собрать штатные расписания вошедших в приказ подразделений, после чего Михаил Николаевич стал вписывать в штатный формуляр фамилии проректоров: по науке – доцента Лушникова, по учебе – планировал ректора вечернего института, доцента Г.А. Пинчука, и оставил вакантной должность зав. кафедрой «Сопrotивление материалов». Михаил Николаевич считал так: раз ректор из Горного института, то проректор по учебной работе должен быть из Вечернего машиностроительного института. Когда я брал штатное расписание Вечернего машиностроительного института в августе 1960 года, то обязанности ректора исполнял проректор В.Н. Светашев. По просьбе М.Н. Дедюкина я его спросил, какую должность он хотел бы занять в политехе. Поблагодарив за заботу, он вежливо отказался, сказав, что в политехнический институт он работать не пойдет.

В конце августа 1960 года штатные работники объединяемых вузов были введены в новое штатное расписание политехнического института. Михаил Николаевич, созвонив-

шись с Г.А. Пинчуком, попросил его посмотреть штатное расписание и сделать свои замечания. Г.А. Пинчук в моем присутствии сразу же отклонил свою кандидатуру как проректора по учебной работе. Он сказал, что если М.Н. Дедюкин не возражает, он хотел бы занять должность заведующего кафедрой «Сопrotивление материалов». Я сказал ему, что должность заведующего кафедрой свободна и он может собственноручно себя вписать, что он и сделал. Поскольку Г.А. Пинчук убрал свою кандидатуру с должности проректора по учебной работе, было названо две кандидатуры, в т.ч. и А.А. Глушкова. После переговоров с М.Н. Дедюкиным Александр Александрович Глушков дал свое согласие занять должность проректора по учебной работе. Работа предстояла огромная. Времени на раскачку и знакомство не было. Надо было формировать общеобразовательные кафедры, поскольку контингент первого курса более чем удвоился. Учебные планы даже одной группы специальностей (например, механиков или электриков) не стыковались по предметам в часах по семестрам, их нужно было приводить в соответствие, а времени уже не было. Шел сентябрь. Хорошо, что студентов первого курса отправили в колхоз на уборку картофеля. Это позволило нам нормально начать учебный год.

Вновь назначенный проректор по учебной работе Александр Александрович Глушков, человек по характеру спокойный, вдумчивый и трудолюбивый, за собой оставил право совместно с ректором формировать штабы (заниматься приемом преподавателей по специальностям: математика, физика, химия, иностранные языки, графика и т.д.), а мне поручил совместно с заведующими кафедрами составить единую предметную сетку семестровых часов для того, чтобы можно было формировать потоки и сетку контроля (это зачеты и экзамены), а потом приступить к составлению расписания учебных занятий.

**Родители Михаила Николаевича:
отец - Николай Иванович, мать - Надежда Ивановна**

**Михаил Николаевич (слева), Людмила Михайловна,
дочь Марина. Май, 1955 г.**

Дочь - Марина Михайловна

Сын - Никита Михайлович

Людмила Михайловна с дочерью и сыном

**Михаил Николаевич во время поездки
на теплоходе в Ростов-на-Дону**

**Михаил Николаевич с военным другом
при строительстве моста в Шлиссельбурге. 1950 г.**

Михаил Николаевич с супругой и другом военного времени. Шлиссельбург, 1950 г.

Михаил Николаевич с сотрудниками кафедры маркшейдерского дела. 1957 г.

Михаил Николаевич на прогулке с любимым псом

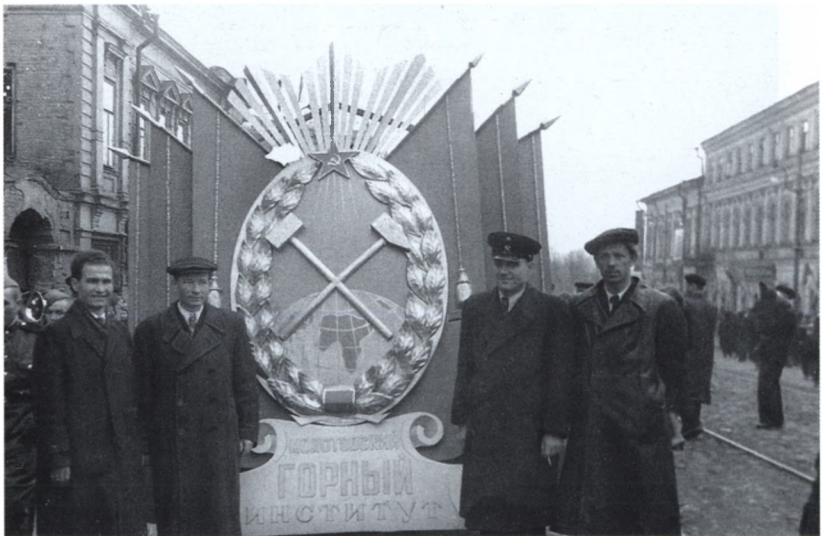
Михаил Николаевич на демонстрации. 1956 г.

Михаил Николаевич с Людмилой Михайловной.
Май, 1955 г.

М.Н. Дедюкин в 50-е годы

Горный институт на демонстрации

**Михаил Николаевич -
депутат Верховного Совета СССР**

Шахта Зыряновская. Кузбасс, 1953 г.

При восстановлении вокзала, станция «Чудов». 1945 г.

Михаил Николаевич в президиуме собрания
горного факультета

Вручение дипломов. 1964 г.

Строительный отряд комплекса. 1974 г.

День первокурсника

Михаил Николаевич с комсомольским активом института

Парадный вход в институт. Май, 1976 г.

Михаил Николаевич

**Ректор задумался...
Февраль, 1978 г.**

**Выступление ректора перед сотрудниками
горного факультета. 1974 г.**

Ректор в гостях у химиков. Май, 1974 г.

Обсуждение в кулуарах. Май, 1976 г.

Свой первый учебный год политехнический институт начал в сложных условиях. Имевшиеся учебные площади не вмещали весь контингент студентов даже при организации учебного процесса в три смены.

К началу занятий количество студентов по всем формам обучения составляло 5305 человек, в том числе дневников – 2537, вечерников – 1752, заочников – 1016 человек. Преподавателей было 282 человека (это более 18 студентов на одного преподавателя), из них только 80 человек имели степени и звания (28,4%). Подготовка специалистов осуществлялась по 23 специальностям.

7 октября 1960 года М.Н. Дедюкин в газете «Ленинец», обращаясь к коллективу института, писал: «В Перми создан мощный политехнический институт с контингентом студентов по всем видам обучения свыше 5 тысяч человек и с большими перспективами дальнейшего развития. Коллективу института в новом учебном году надо решить целый ряд серьезнейших задач, которые обусловлены запросами народного хозяйства и этапами реорганизации. Эти задачи определяют дальнейший путь развития института. Необходимо извлечь из опыта объединенных учебных заведений все разумное и ввести его в традиции нового политехнического института».

Так начался новый учебный год во вновь организованном Пермском политехническом институте, которому предначерталось большое будущее.

Вторично с М.Н. Дедюкиным я встретился в июле 1966 года по возвращении с Дальнего Востока. В 1962 году меня пригласил на работу в Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР А.С. Хоментовский, который был избран председателем президиума Дальневосточного филиала СО АН СССР, для выполнения правительственной темы «Типы местности береговой полосы Южного Приморья». На Дальнем Востоке специалистов этого профиля не было. Я дал согласие, и после убедительных разговоров

с Михаилом Николаевичем получил от него добро. И я уехал. Работа мне нравилась, было много полевых работ. Тему я закончил успешно, она была одобрена президиумом ДФ СО АН СССР. Я защитил диссертацию, и новый председатель президиума академии Б.А. Неунылов (он специалист по рису) предлагал мне большие перспективы. Но судьба распорядилась по-другому. В последние годы жизни во Владивостоке моя супруга стала часто болеть: климат Дальнего Востока ей не подходил, и врачи предупредили меня, что если я её не увезу, она долго не проживет.

В конце мая 1966 года я позвонил М.Н. Дедюкину, рассказал свою ситуацию и спросил, могу ли я рассчитывать на работу на кафедре геологии. Михаил Николаевич предложил мне срочно высылать документы для участия в конкурсе на должность доцента кафедры геологии. Я предложил выслать заверенной телеграммой заявление, а личное дело попросил поднять из архива. Так было и сделано. В июне я был избран доцентом кафедры геологии.

Прибыв в Пермь в июле, я зашел к Михаилу Николаевичу Дедюкину. Переговорив о делах, здоровье, он вдруг предложил мне занять должность начальника НИСа (научно-исследовательского сектора), которая в то время была вакантной. Причину он объяснил тем, что институту очень нужны деньги, а объемы научно-исследовательских работ в институте очень малы. Необходимо форсировать их рост.

Кто работал с Михаилом Николаевичем, знает, что ему в просьбе очень трудно было отказать: он умел убеждать. После убедительных и аргументированных доводов я дал согласие занять эту должность на три года, а потом вернуться на кафедру и заняться подготовкой написания докторской диссертации, т.к. у меня осталось много неиспользованного полевого материала по исследованию значительной территории юга Дальнего Востока. Проректором по научной работе в то время был доцент Н.Н. Ногтев, в ведении которого нахо-

дилось это подразделение и с которым Михаилу Николаевичу мою кандидатуру надо было согласовать. После недолгого отсутствия Михаил Николаевич вернулся и попросил меня пойти к Н.Н. Ногтеву на собеседование. Из разговора с Н.Н. Ногтевым я понял, что он не хочет, чтобы я возглавил НИС: по его мнению, этот участок должен был возглавлять механик, а не геолог. Я возразил, что руководитель НИСа не зависит от специальности, а должен обладать широким кругозором, научным чутьем и поддерживать развитие наиболее перспективных научных направлений, иметь навыки работы с финансами, находить взаимопонимание с работниками разных уровней и т.п. В заключение Николай Николаевич сказал, что в институте много кандидатов наук и докторов наук, с которыми у меня нет опыта работы. На это я ответил, что докторов в институте «раз-два и обчелся», да и их я хорошо знаю. Знаю многих заведующих кафедрами и назвал заведующего кафедрой «Станки и инструменты» доцента Ю.Б. Серебренника, заведующего кафедрой «Детали машин» Б.А. Иванова и других. Уходя, я понял, что меня не хотят видеть на этой должности, и принял решение, что завтра при встрече я скажу Николаю Николаевичу, что, хорошо подумав, решил, что, пожалуй, с этой работой не справлюсь. Но каково же было мое удивление: когда я пришел к Н.Н. Ногтеву, чтобы отказаться, он вдруг говорит: «Пишите заявление, я Вас беру на должность начальника НИСа». Я ему отвечаю, что уже на работе, так как избран по конкурсу на должность доцента на кафедру геологии. И Н.Н. Ногтев отдает приказ о переводе меня с кафедры на должность начальника НИСа. Так я стал начальником НИСа.

Как позднее мне стало известно со слов профессора Б.А. Иванова, Н.Н. Ногтев после моего ухода от него в первый наш разговор пригласил к себе Бориса Александровича и спросил его обо мне. Тот ему сказал, что И.А. Шапорев организовал в политехе учебно-методическое управление, про-

явил себя самостоятельным и требовательным руководителем, «к тебе по каждому вопросу бегать не будет, при решении вопросов ответственности не боится» и т.п.

Дела НИСа были в запущенном состоянии. Лимитов по фонду заработной платы работникам НИСа не хватало ровно на один квартал, т.е. заработная плата за III квартал выплачивалась за счет лимитов IV квартала, командировочных не хватало и т.д. Объемы Н.Н. Ногтев разрешал увеличивать не более чем на 10% от прошедшего года. Счета на приобретение материалов и оборудования подписывали все: начальник НИСа, проректор и ректор, исполнение сметы не контролировалось.

Проанализировав это состояние, я поставил вопрос перед ректором прекратить безответственное распоряжение кредитами по темам. Счета подписывать должен один человек – начальник. Если они подписаны ректором или проректором (без визы бухгалтерии НИСа), а на темах нет денег, они оплате не подлежат. Такое распоряжение мной было подготовлено, подписано ректором и доведено до всех подразделений. Такой жесткий порядок исполнения сметы многим не понравился, и был такой случай. Осенью 1967 года происходило выездное заседание Ученого совета института в спортивном лагере «Политехник» на берегу Камского водохранилища. Когда члены Совета «разогрелись», один из них вдруг спрашивает: «Михаил Николаевич, как это прикажете понимать? В институте появился второй ректор, Ваши распоряжения для него не имеют силы: Вы подписываете счета, а он их не оплачивает!». Я сидел за столом напротив Михаила Николаевича, – он весь напрягся, тяжело задышал. Ну, думаю, сейчас грохнет, – зреет скандал, надо упредить, и говорю: «Я поставлю вопрос по-другому. Михаил Николаевич, был ли хоть один случай, чтобы счет для нужд института, который Вы просили оплатить, мной не выполнен?». Ответ: «Такого не было». Я в ответ: «И не будет». Я не буду назы-

вать фамилию человека, поднявшего неуместный вопрос. Только я ему сказал: «Зачем Вы на таком мероприятии поднимаете вопрос, не имеющий к нему отношения? Мы с Вами на работе разберемся, что Вы имели в виду. Михаил Николаевич, скажите, пожалуйста, кто у Вас в доме распоряжается деньгами?». Он в ответ: «Как, кто? Людмила». (Людмила Михайловна – жена ректора). Вот, видите, говорю, деньги любят одного хозяина, иначе их всегда не будет хватать, если каждый будет тратить по-своему усмотрению. Скандала не получилось.

Второй пример. Конец года. На многих темах денег нет. Но в это время можно было приобрести строго «фондируемые» материалы на базах. Некоторым руководителям там выписывали счета, шли они по своим делам к ректору и между делом подсовывали ему счета, говоря, что деньги у них есть. Так поступил и секретарь парткома (фамилию называть не буду, но назову материал). Он подписал счет на никелевую проволоку на пять тысяч рублей. Сумма по тем временам приличная, а денег у него на темах уже не было, хотя ректору он сказал, что они есть. Когда я утром пришел на работу, заместитель главного бухгалтера (бухгалтер НИСа) Надежда Иосифовна Белоусова мне доложила, что поступил счет, подписанный ректором к оплате, но денег на темах у хозяина счета нет. Я взял этот счет и пошел к Михаилу Николаевичу. Говорю: «Как быть? Вы подписали счет, а денег у кафедры нет, и Вы нарушили наше соглашение». Он спрашивает: «Ты найдешь деньги на оплату?». Я отвечаю: «Найду, я займу их у кафедры, где еще деньги есть, но с возвратом в следующем году». Михаил Николаевич в ответ: «Это же надо! Секретарь парткома, а сказал неправду, попросту – солгал». Через три дня тот пришел в бухгалтерию за счетом, который должен быть оплачен. Надежда Иосифовна ему говорит, что счет находится у начальника НИСа. Но ведь его подписал ректор? Пришел он ко мне. Я ему говорю: «Зачем Вы пошли

со счетом к ректору, зная, что у вас нет денег? Вы его обманули, сказав неправду. Неужели бы я не смог для Вас найти эти пять тысяч рублей? Я согласен оплатить счет, но с условием, что в следующем году Вы оплатите мне счет на такую же сумму». Таким образом, вопрос был исчерпан. Подобных примеров было много.

В 1966 году главным в моей работе было ликвидировать разрыв между выполняемыми объемами хоздоговорных работ и лимитами по фонду заработной платы, увеличить процент средств на командировочные и полевые работы. Поэтому я был частым гостем в планово-финансовом управлении и управлении научно-исследовательских работ. За последние два квартала 1966 года мне многое удалось сделать как в институте, так и в Министерстве. Был наведен порядок поквартального подписания актов выполненных работ, строгая отчетность в расходовании средств по статьям сметы расходов.

В середине декабря 1966 года, подбив результаты закрытых актов за 1966 год, обнаружил, что мне для выплаты заработной платы не хватало 50 тысяч рублей. Я написал письмо о выделении дополнительных лимитов и приехал в планово-финансовое управление. Начальником отдела по кредитам была очень принципиальная женщина. Она прочитала мое письмо и говорит мне: «Я работаю с Вами полгода и не пойму: умный Вы или дурак. Сейчас все начальники НИСов стараются отказаться в конце годов от лимитов, а Вы просите». Я ответил, что за дела других начальников отвечать не могу, а мне очень нужны эти лимиты, чтобы нормально закончить год, и попросил ее увеличить институту лимиты на эту сумму. Она говорит: «Хорошо, я дам Вам эти пятьдесят тысяч рублей, но до представления баланса за 1966 год ко мне с подобными просьбами не приходите. И если хоть один рубль лимитов заработной платы останется неиспользованным, я с Вами не захочу иметь дело». Я сказал, что согласен с ее решением, так как объемы актов на выполненные работы у меня уже были.

После представления в планово-финансовое управление Минфина годового баланса, недельки через три я пришел в отдел кредитов. Она встретила меня вопросом: «Ну-ка, ну-ка, расскажи мне, как это у тебя получился такой баланс, как ты этого добился». Я вкратце обрисовал картину принятых мер. И стал я у нее самым надежным и ответственным просителем, и работал потом с ней долгие годы, будучи уже проректором политеха.

Проректором я стал очень просто. Отработав три года начальником НИСа, как и договорился с Михаилом Николаевичем, я многого добился: навел порядок в учете и отчетности, значительно, в разы, увеличил объемы хозяйственных работ на кафедрах, предоставив заключать договоры на любые объемы, но при условии, что если хоть по одному договору не будут закрыты акты, то зав. кафедрами не получают заработную плату. Так я и поступал. Жестко, но это действовало отвращающе. Заведующие кафедрами стали подходить взвешенно и лишние объемы не брали, кроме одной кафедры, которой заведовал профессор Х.Г. Давлетшин. Заканчивается год, акты закрываются, а отчетов по выполненным темам нет. На мои неоднократные просьбы не реагирует. Я доложил Михаилу Николаевичу, что мне не подчиняется профессор Х.Г. Давлетшин. Он говорит мне в упрек, что я не умею работать с докторами наук. При разговоре присутствовал профессор Александр Александрович Поздеев, проректор по научной работе. Михаил Николаевич говорит ему: «Саша, сходи на кафедру, посмотри, в чем дело». Я говорю: «Сходите, Александр Александрович, там сейчас как раз второй день идет заседание кафедры». Михаил Николаевич удивленно спрашивает: «Как второй день может продолжаться заседание кафедры?». Я говорю: «А Вы что, не знаете, что они порой заседают по три дня кряду».

Поздеев ушел, и пока мы обговаривали наши вопросы, вернулся весьма возбужденный Александр Александрович

со словами: «Хамзиада, Хамзиада», бросил на стол папку, будучи не курящим, трясущимися руками взял сигарету со стола ректора, а у него всегда на столе лежала открытая пачка сигарет, так как Михаил Николаевич непрерывно курил. Закурил и говорит: «Михаил Николаевич, надо решать. Это чёрт-те что за человек! Надо наказывать! Это безобразие, и с ним надо кончать!». Отчеты о выполненных работах я получил, закрыв получение заработной платы по НИСу.

Вернувшись из отпуска, я вернулся к Михаилу Николаевичу узнать, когда мне идти работать на кафедру. Он говорит: «У меня заболел проректор по заочно-вечернему обучению Александр Иванович Фролов. Ты знаешь институт, учебный процесс, прошу начать учебный год». Я согласился на время болезни подменить проректора, а он вскоре умер. Похоронив его, я предпринял первую попытку уйти на кафедру, но каждый раз получал отказ. Так продолжалось полтора года. Однажды утром мне позвонил секретарь парткома и попросил зайти в партком. Зайдя в кабинет секретаря парткома, я увидел, что там присутствовали ректор и секретарь райкома Юрий Михайлович Колбенов, а на большом столе лежал чистый лист бумаги. Я улыбнулся, а секретарь парткома говорит: «Чему улыбаешься?». Я отвечаю, что догадываюсь о предстоящей теме разговора. Он отвечает, что раз догадываешься, садись и пиши заявление о согласии утверждения на коллегии Министерства в должности проректора. Говорю: «А если я откажусь?». На что Ю.М. Колбенов ответил: «Сегодня партком, а завтра райком». «Следовательно, – говорю я, – у меня выбора нет. Из вуза я уходить не собираюсь». Сел и написал заявление. Вскоре был вызван на коллегию и утвержден в должности проректора по безотрывной форме обучения, где проработал почти двадцать лет, до шестидесятипятилетнего возраста. В то время было Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о том, что лица административно-управленческого персонала (для вузов – ректоры, проректоры, деканы и заведующие ка-

федрами) при достижении шестидесятипятилетнего возраста оставляют свои должности и переходят на преподавательскую работу. Поэтому в ноябре 1988 года приказом Министерства я был переведен на педагогическую работу на кафедру геологии нефти и газа.

Сама по себе работа проректора по заочно-вечерней форме обучения не требовала большого внимания и траты времени. Вполне можно было при хорошем планировании рабочего дня, недели, месяца найти время для докторской диссертации, материал для которой был собран мной во время полевых работ по югу Дальнего востока. Основное внимание и большую часть рабочего времени приходилось тратить на организационные вопросы, связанные со строительством учебно-лабораторных корпусов в городах Чайковском и Кунгуре, да к тому же общественные поручения по линии парткома. Еще в мою бытность начальником НИСа на меня были возложены обязанности председателя вновь созданного в 1967 году Совета по военно-патриотическому воспитанию, а в 1970 году добавились обязанности председателя Художественного совета по эстетическому воспитанию молодежи, включая и физическое воспитание. Можно сказать, это весь комплекс воспитательной работы в институте, и свободного времени, чтобы заниматься докторской диссертацией, не оставалось, да и много времени уходило на вопросы по строительству комплекса за Камой, особенно, когда Михаил Николаевич стал заметно сдавать, и вопросы строительства поручил мне, с проведением ежедневных оперативок.

Припоминается такой случай. В институте была зимняя спортивная база «Увал», где культивировались горно-спортивные виды спорта, оборудованная подъемниками, баней с бассейном, комнатами отдыха, лыжехранилищем и другими помещениями. Нашим Минвузом РСФСР было принято решение провести в Перми зимнюю студенческую олимпиаду по биатлону. Ответственным за ее проведение назначили

наш институт. Вопрос находился на контроле у первого секретаря обкома КПСС тов. Б.В. Коноплёва. Обсуждая на ректорате вопрос о месте строительства биатлонного комплекса, я внес предложение строить его на территории комплекса за Камой, но все высказались за «Увал»: это Ю.А. Бурьян, И.В. Пугачев, В.В. Манторов, Ю.П. Сирин, Ю.Г. Ковалев. Михаил Николаевич с мнением большинства согласился. Приняли решение строить базу на «Увале». Время показало, что именно мое предложение о строительстве биатлонного комплекса за Камой было наиболее оправданным, т.к. со временем «Увал» перестал существовать. А как бы он был нужен теперь для нынешних студентов, проживающих на комплексе.

Михаил Николаевич был очень скромен, он не имел привычки самовосхваляться, рассказывать о своих достижениях и успехах даже тогда, когда у него в этом была острая необходимость.

Мне вспоминается такой случай. Занимаясь вопросами формирования контингента и плана приема студентов, а также другими поручениями ректора, я довольно часто бывал в Министерстве, был вхож к начальникам главков, заместителям министра и во многие отделы. Будучи человеком общительным, со многими сотрудниками я установил доверительные отношения. И в один из приездов я вдруг встречаю довольно сухой прием. Захожу в один из отделов и вместо доверительного разговора получаю краткие, лаконичные ответы. Захожу в другой отдел, – картина повторяется. То же произошло и в управлении кадров. Если вначале я полагал, что сотрудники отдела просто не в настроении, то, когда это повторилось трижды, я подумал, что это уже не случайно, а что-то произошло и решил идти «в открытую». Спрашиваю: «Мужики, что произошло? Я что-то не так сделал? В чем моя вина? Скажите, и я постараюсь объясниться». Ответ: «А что, ты не знаешь, что произошло?». Говорю: «Конечно,

не знаю. Что, «телега» министру?». Ответ: «Да нет, повыше, в ЦК КПСС». Прошу их хоть вкратце рассказать суть жалобы, а они разводят руками и показывают наверх. Спрашиваю, у кого, а они отвечают, что информацию можно получить только у заместителя министра по кадрам. Знаем, мол, только одно, что вопрос будет обсуждаться на большой коллегии, и могут освободить Вашего ректора от работы.

Иду в приемную к заместителю министра по кадрам Вячеславу Павловичу Усачеву, а его секретарь на вопрос, как попасть к Усачеву, ответила, что он занят, готовит доклад и никого не принимает. Пытаюсь объяснить, что мне очень надо минут на пять-десять обязательно попасть к нему сегодня, так как у меня билет на вечерний рейс, но она неумолима, говорит, что он просил к нему сегодня не входить. Я спросил ее, пообедал ли Вячеслав Павлович, она сказала, что пока нет. Я попросил ее разрешения дожидаться, когда он пойдет обедать, чтобы его в это время перехватить. Вячеслав Павлович в прошлом был секретарем одного из обкомов партии, человек очень внимательный и доброжелательный. При встрече всегда спросит, как обстоят дела, и никогда не пройдет мимо, не переговорив с проректорами с периферии. Обязательно поинтересуется здоровьем Михаила Николаевича и попросит передать ему привет. Следует сказать, что в Министерстве многие сотрудники любили Михаила Николаевича за его скромность, терпение и настойчивость в решении вопросов, да и Вячеслав Павлович к Михаилу Николаевичу относился с большим уважением. В то время немного было ректоров крупных вузов, которые бы проработали в этой должности двадцать и более лет, тем более, что Михаил Николаевич начал организацию института с нуля, не имея ни одного квадратного метра собственной площади, а уже развернул крупный технический вуз, который входит в первую десятку.

Видимо, Вячеслав Павлович услышал мою настойчивую просьбу (разговор с секретарем), так как вскоре он вышел

в приемную. Поздоровавшись, спросил: «Чего сидишь?». Я попросил его уделить мне хотя бы минут пять-десять по вопросу, касающемуся лично Михаила Николаевича. Он спросил, обедал ли я. Я сказал, что нет. «Сейчас, минут через десять пойдем обедать, там и поговорим». Я сказал: «Большое спасибо за оказанное внимание». По дороге в столовую я сказал, что здесь, в Министерстве, я узнал, что по жалобе в ЦК КПСС на М.Н. Дедюкина готовится материал на большую коллегия Минвуза, и стоит вопрос о его освобождении. «Кто Вам об этом сказал?». Я ответил, что стены Минвуза к нам благосклонны. «А что, разве Михаил Николаевич Вам ничего не рассказал?». Я ответил: «Вы же знаете Михаила Николаевича, что он никогда никого не просит ни о чем в решении своих личных дел, а тем более по жалобе в ЦК КПСС». «А, собственно, какие вопросы поднимает «заявитель» в своей жалобе или заявлении?». Ответ: «Во-первых, что Михаил Николаевич самоустранился от решения основных вопросов по учебному процессу и занимается строительством, ходит в кирзовых или резиновых сапогах, рабочем плаще, фирменной фуражке горняка, а порой и в каске, как прораб». Правильно подмечено, Михаил Николаевич почти ежедневно выезжает на стройку учебного корпуса, так как институт очень быстро растет, идет открытие новых специальностей, создаются новые кафедры, лаборатории. Институт разбросан по городу, ютится в арендованных, не приспособленных подвалах и на цокольных этажах, и ректор много внимания уделяет вопросам строительства, так как институт пока не имеет собственных зданий, кроме одного здания бывшего вечернего института. По инициативе профессорско-преподавательского коллектива на профсоюзной конференции было принято обращение к преподавателям: за счет своего отпуска, по возможности, отработать один месяц своего отпуска. Сотрудники политеха с пониманием отнеслись к этому призыву и изъявили желание в июле или августе отработать часть своего отпуска на объектах института. Для этого

были сделаны дополнительные бригады штукатуров, маляров и даже паркетчиков. Специалистов таких в тресте № 14 было мало, и приняли решение создать четыре-пять бригад из числа студентов, которых бы обучили опытные инструктора треста № 14. Паркетных работ было много, так как все полы в аудиториях и коридорах по проекту были паркетными. Группу паркетчиков возглавил профессор А.С. Хоментовский, зав. кафедрой геологии, который позднее был избран членом-корреспондентом Сибирского отделения АН СССР.

Вячеслав Павлович сказал, что у нас в институте нет ни одного доктора физико-математических наук. Да, у нас их пока нет, но их нет и в нашем госуниверситете им. Горького. Михаил Николаевич пригласил доктора физико-математических наук Н.В. Азбелева, который дал согласие приехать в город Пермь на работу при условии, если ему будет построен коттедж на строящемся комплексе за рекой Камой в лесу. «Но по имеющейся у меня информации от проректора Куйбышевского политехнического института Н.В. Азбелев едет работать к ним», — сказал В.П. Усачев. Я ответил, что не знаю, насколько это достоверная информация, но я две недели тому назад встречался лично с Николаем Викторовичем, которого Михаил Николаевич пригласил посмотреть коттедж, который мы готовили к сдаче, и высказать свои пожелания. Ему все понравилось. Коттедж 2-квартирный, 2-этажный, с подземным гаражем и кладовками. Он сказал, что поскольку коттедж практически готов и подходит, он в сентябре приедет с группой математиков, имеющих степени кандидатов физико-математических наук. Был затронут еще целый ряд вопросов, поднятых заявителем, на которые я давал исчерпывающие ответы. И Вячеслав Павлович сказал: «Нам тоже ряд недостатков, о которых пишет заявитель, кажется не соответствующим действительности, но жалоба есть жалоба, и ее надо проверять. Я сейчас найду к первому заместителю министра А.Г. Лебедеву, попрошу его собрать всех заместителей министра, где я должен буду ответить на их вопросы,

чтобы мы могли принять решение. А Вы не испугаетесь?». Я в ответ: «Не беспокойтесь, Вячеслав Павлович, я не из пугливых». Вскоре он вышел от Александра Григорьевича и говорит, что Лебедев не хочет собирать нас у себя, а попросил его собрать всех замов, а он подойдет, – хитрый, не хочет брать на себя ответственность.

Минут через десять все заместители министра собрались и пригласили меня. Многие вопросы, на которые я ответил Вячеславу Павловичу, были затронуты повторно, но был поднят важный вопрос о подготовке научно-педагогических кадров в политехе, который был поднят заместителем министра по науке Эльвином Константиновичем Калининым. Он сказал, что ректор самоустранился от подготовки научно-педагогических кадров, что, как пишет заявитель, эта работа пущена на самотек. Такая его постановка вопроса от меня потребовала большой силы воли, чтобы не сорваться, не испортить ту доброжелательную атмосферу, которая царила в кабинете, и не отвлечь замов от информации о состоянии фактических дел в институте, которая их заинтересовала. Выдержав короткую паузу (взяв себя в руки), я начал с того, что еще в 1960 году, когда я был начальником учебно-методического управления, М.Н. Дедюкин принял решения направить порядка 300 студентов старших курсов в ведущие вузы г. Москвы и Ленинграда, такие как Ленвоенмех, Кораблестроительный, МАИ, МВТУ им. Баумана и другие, и ряд преподавателей в целевую аспирантуру. Этого принципа он долгие годы и придерживался. Конечно, не все «целевики» возвращались в родные пенаты, но именно это помогло институту в формировании научно-педагогических кадров из выпускников разных вузовских школ, а не замыкаться только на выпускниках собственного вуза.

Вторым источником подготовки научно-педагогических кадров стало развитие научно-исследовательских хозяйственных работ на кафедрах. Это позволило, с одной стороны, обновлять современным оборудованием лабораторную базу,

а, с другой стороны, привлекать студентов к научным исследованиям кафедр. Получили широкую практику такие студенческие формы, как НИРы, УИРы, что способствовало повышению качества подготовки инженеров и пополнению педагогических кадров из числа наиболее подготовленных выпускников. Эти и другие мероприятия позволили институту получить возможность организации собственных Советов по защите как кандидатских, так и докторских диссертаций.

Затрагивались и другие вопросы, на которые я старался давать объективные ответы.

Вскоре в институт прибыла министерская комиссия, которая в основном не нашла подтверждений излагавшихся «фактов» в письме заявителя. И, как результат, вопрос слушания отчета ректора М.Н. Дедюкина был снят с большой коллегии на малую.

В день отчета на коллегии поздней ночью у меня дома раздался телефонный звонок – звонил Михаил Николаевич. Не здороваясь, он сказал: «Можешь меня поздравить». Говорю: «С чем? С представлением к очередной правительственной награде или званию заслуженного деятеля?». Ответ: «Ты все шутишь... Мне объявили строгий выговор». Отвечаю: «Подумаешь, строгий выговор! Могло быть и хуже. Поймите и Вы министра. Ему ведь на жалобу надо отвечать о состоянии дел и принятых мерах. От того, что Вам объявлено взыскание, в Министерстве Вас уважать меньше не станут, да и в Перми в партийных и советских органах Ваш авторитет и уважение не уменьшатся. Не расстраивайтесь и не берите во внимание. Вы же волевой, сильный организатор и управленец. Помните русскую поговорку: «За одного битого двух небитых дают». Да и в родном политехе Вас уважать меньше не станут. А на злопыхателей, завистников не обращайтесь внимания. Помните: собаки лают, а караван идет! Ложитесь спать, а завтра – домой и с новыми силами за работу в родном для Вас политехе».

Вспоминается еще такой случай. Вечерами после работы ректор и проректоры подписывали почту. Зазвенел внут-

ренный телефон. Я взял трубку. Звонил М.Н. Дедюкин. Он говорит: «Зайди ко мне». Прихожу. Он подает мне бумагу и говорит: «Читай». Это оказалась кляуза на доцента З.И. Файнбурга и его сотрудников лаборатории социологии.

Захар Ильич, будучи человеком разносторонне образованным, организовал лабораторию социологических исследований, пожалуй, одну из первых в Советском Союзе. Подобрал в штат молодых энергичных ребят, которые с большим энтузиазмом принялись за работу. Атмосфера в лаборатории была творческая, доверительная и весьма плодотворная. З.И. Файнбург относился к сотрудникам по отечески и демократично. Мы обращали внимание Захара Ильича, что не все могут такие отношения правильно понимать, и могут возникнуть неприятности. Так оно и случилось. З.И. Файнбург подготовил докторскую диссертацию и представил ее к защите в Ученый совет.

Прочитав заявление сотрудников лаборатории, я вернул его М.Н. Дедюкину. Он спрашивает, что будем делать. Отвечаю: «Пока не знаю. Надо думать. В создавшейся ситуации о защите диссертации речи быть не может. З.И. Файнбурга надо защищать. Думай и заходи». На следующий день я позвонил Михаилу Николаевичу и говорю: «Есть одна идея». Михаил Николаевич: «Заходи. Ну, что предлагаешь?». Я отвечаю, что в данной ситуации надо упор делать на Марка Абрамовича Слюсарянского. Михаил Николаевич: «Почему ты так считаешь?». Я: «Потому, что в данное время З.И. Файнбург находится в творческом отпуске по написанию докторской диссертации и лабораторией не занимается, а на время его отпуска обязанности исполняет М.А. Слюсарянский, – с него и спрос». «Но он может не согласиться», – говорит М.Н. Дедюкин. Я отвечаю, что третьего решения нет. Если мы сейчас не поможем З.И. Файнбургу, то в перспективе ничего не получится и у Марка Абрамовича. Надо его приглашать и все объяснить. Михаил Николаевич: «Прошу тебя, приглашай Марка Абрамовича и разговаривай». «Но

почему я?» – спрашиваю. Михаил Николаевич: «А потому, что если у тебя разговор не получится, мы обменяемся мнениями, и тогда придется договариваться уже мне». Я ушел от Михаила Николаевича и позвонил Марку Абрамовичу, чтобы он зашел ко мне. Когда он пришел, я его спросил, известно ли ему о письме сотрудников лаборатории. Он ответил, что, конечно, известно, и это такой удар по Захару Ильичу. А я ему в ответ: «А почему по нему, а не по Вам? Ведь сейчас лабораторией руководите Вы, а не Файнбург, и Вам следует понять, что если сейчас сорвется защита у Захара Ильича, то нам с Вами неизвестно, как на это отреагирует сам Захар Ильич при его взрывном характере. Он потом, может быть, вообще на защиту диссертации откажется выходить. А это значит, что и Вам будет путь закрыт. Вам надо найти в себе мужество и взять всю ответственность на себя. Это будет по-мужски. И в институте, и в райкоме партии Ваш поступок правильно оценят. Да, Вас накажут, но время пройдет, и выговор снимут. Вас меньше уважать не станут. А, став доктором философских наук, Захар Ильич, при его пробивном характере, и Вам окажет содействие в Вашей дальнейшей творческой работе». Марк Абрамович говорит: «Иван Антонович, Вы умеете убеждать, и после таких доводов мне действительно надо соглашаться. Я готов отвечать за действия наших сотрудников». Я: «Если так, то я звоню Михаилу Николаевичу, чтобы Вы могли лично Ваше решение ему объяснить». Когда мы пришли с Марком Абрамовичем к М.Н. Дедюкину, состоялся доверительный разговор, после которого было проведено собрание в лаборатории социологии. Все было расставлено по местам, пришли к обоюдному согласию. Марк Абрамович был наказан по партийной линии, а Захар Ильич успешно защитил докторскую диссертацию и стал у нас в институте первым доктором философских наук.

Вот так Михаил Николаевич мог спокойно решать непростые жизненные вопросы.

Михаил Николаевич по своей натуре был сильным и волевым, целенаправленным человеком, умел прощать, признавать свои ошибки, мог постоять и защитить уважаемого им человека перед высоким начальством, не задумываясь о последствиях по отношению к себе, а вот постоять за себя, постараться показать себя с лучшей стороны – это он считал недостойным поступком. Вот таким он был, таким и останется в нашей памяти – примером для подражания.

Работая с материалами и переосмысливая пройденные этапы развития и становления высшего технического образования на Западном Урале, невольно возникает вопрос: как молодому техническому отраслевому (горному) институту, возникшему на голом месте, не имевшему ни одного квадратного метра собственных учебных площадей, а разместившегося на арендованных площадях строительного техникума, в сравнительно короткое время удалось создать (построить) свою современную учебно-лабораторно-научную базу и завоевать звание ведущего вуза среди политехнических вузов России, войти в десятку лучших учебных заведений страны, оставив позади себя многие известные «старые» вузы. На мой взгляд, это произошло, во-первых, потому, что Пермь была очень нужна технический институт, который отвечал бы запросам промышленных предприятий Пермской области, во-вторых, Горный институт возглавил молодой и талантливый организатор – Михаил Николаевич Дедюкин, который на первом, самом трудном этапе становления сделал ставку на своих коллег, выпускников Ленинградского горного института, которые заложили основы творческого отношения к получению знаний, умений и навыков, обладали высокой культурой, интеллигентностью и беззаветной преданностью и ответственностью к порученному делу. Среди них следует назвать таких преподавателей, как С.П. Васильевский, К.В. Люতারевич, К.Г. Синопальников, В.А. Галутвин, С.А. Петров, А.А. Кузнецов, Г.В. Верстаков, И.И. Медведев, Н.Н. Бабкин, С.В. Медве-

дева и многие другие, которые с развитием института были проректорами, И.И. Медведев, который вернулся в Ленинград в альма-матер и был там избран проректором, а К.В. Люতারевич был избран ректором Курского политехнического института. К.Г. Синопальников, В.А. Галутвин, С.А. Петров были деканами горного факультета, многие возглавляли кафедры, а такие ученые, как С.П. Васильевский, И.И. Медведев создали свои научные школы. В-третьих, в Пермский горный, а позднее, в Пермский политехнический институт пришло много солдат и офицеров, прошедших горнило Великой Отечественной войны, большинство из которых закончили вузы после демобилизации, получили фронтovou закалку, умели ценить время и относились к делу с энтузиазмом, которые на первый план ставили добросовестное отношение к порученному делу – обучению молодежи, созданию для нее нормальных учебных условий и отдыха, не считаясь с личными делами. Они «заражали» коллектив сотрудников и студентов неуёмным желанием получения знаний, создавали для этого различные кружки, семинары, олимпиады и т.п. В числе фронтовиков следует назвать профессора А.С. Хоментовского, ставшего первым членом-корреспондентом АН СССР, М.П. Бормонтова, возглавившего первый партийный комитет, Р.А. Богатырева, создавшего прекрасную кино-фотолабораторию – студию, В.А. Голева, Героя Советского Союза, создавшего школу самбо не только в политике, но и в городе, А.И. Девятьярову, создавшую и до конца жизни возглавлявшую медпункт института, много внимания уделявшую оздоровлению студентов, Р.В. Балашову, служившую в ВМФ и долгое время работавшую учебным мастером на кафедре «Детали машин», И.М. Дегтярева, начальника военной кафедры, создавшего прекрасные условия для подготовки офицеров запаса, много внимания уделявшего военно-патриотическому воспитанию молодежи, С.М. Карпова, Е.А. Лучникова, Е.А. Лушникова, В.П. Максимова, Г.А. Михайловского, В.А. Оленева, М.В. Пальшина, Н.И. Романова,

П.П. Симулина, П.Н. Тарасенкова, З.И. Файнбурга и многих других. В институт пришло много тех, кто в годы Великой Отечественной войны работал на оборонных заводах, фабриках, в колхозах и совхозах, тех, кто обеспечивал фронт всем необходимым – оружием, техникой, кормил, обувал и одевал фронтовиков. Все это они делали в тяжелейших условиях военного лихолетья, не доедая и не досыпая, работая по 10–12 часов в сутки. Для них девизом было: «Все для фронта, все для Победы». В их числе А.Ф. Ложкин, организатор химико-технологического факультета, Е.Г. Романова, заведующая кафедрой, в годы войны занимавшаяся порохами, И.Ф. Бурлак, декан ЭТФ и заочного электроприборного факультетов, С.А. Амирова, заведующая кафедрой ТНВ, работавшая в Березниках и Чусовом, Н.Н. Ногтев, проректор по НИР, в годы войны работавший на заводе им. Сталина, И.Р. Кривошлык, заведующий кафедрой ТКМ, М.Н. Осокин, декан ЭТФ и многие другие. Вот эти люди пришли в молодой институт, принесли оптимизм, веру в необходимость создания нормальных условий для организации учебного процесса и отдыха студентов.

Вот такой симбиоз фронтовиков, тружеников тыла, воодушевляемых ректором М.Н. Дедюкиным и его командой, сумел в короткие сроки сделать, казалось бы, невозможное: за короткие сроки потеснить старейшие именитые вузы и занять достойное место среди ведущих вузов сегодняшней России.

Пришедшие молодые сотрудники политеха хорошо вписались в этот слаженный рабочий механизм, подхватили темп жизни и творчества и достойно приумножают славные традиции ветеранов политеха. И хочется сказать всем работникам Пермского государственного технического университета: «Так держать!».

А.Ф. ЛОЖКИН

*Кандидат химических наук,
профессор, декан ХТФ*

ИСПЫТЫВАЮ ЧУВСТВО ПОЛЕЗНОСТИ СВОЕГО БЫТИЯ

Перепечатка из книги «Путь к университету»

Уже в 50-е годы на Западном Урале стал остро ощущаться недостаток в инженерных кадрах, без которых невозможно было решить крупные народно-хозяйственные задачи. Подпитка и комплектование предприятий инженерными кадрами из Москвы, Ленинграда и других городов центральных районов страны оказалась малоэффективной, так как после двух – трех лет обязательной «отработки» молодые инженеры покидали Урал, отдавая предпочтение более теплым и более сытным родным краям (благо, что и там требовались инженеры). Встал вопрос о подготовке инженерных кадров в Перми.

На первых порах было решено открыть в Пермском университете технический факультет. В 1949 году был сделан первый набор 100 студентов.

В 1955 году на базе авиамоторостроительного завода в Перми развернул работу вечерний Машиностроительный институт, организаторами которого были ведущие конструкторы и руководители машиностроительных заводов Перми.

В 1953 году состоялось решение Правительства об открытии в Перми Горного института для подготовки инженеров горной и некоторых других специальностей. Директором Горного института назначили М.Н. Дедюкина. Новому институту поручалось готовить инженерные кадры и для самых

современных оборонных производств – для ракетостроения и связанного с этим приборостроения. Возможно, последнее обстоятельство было одним из главных аргументов в пользу открытия в Перми политехнического вуза. На ряд оборонных специальностей М.Н. Дедюкину было дано право принимать на 2-й и 3-й курсы студентов из других вузов.

Михаила Николаевича как ректора Горного института нарядили в «генеральскую форму», как тогда принято было одевать командный состав горняков. Его зычный голос в сочетании с брюками с широкими лампасами и кителем, унизанным металлическими пуговицами, производил впечатление не только на студентов и преподавателей, но и на сотрудников областных учреждений, от которых во многом зависело становление нового вуза: предоставление квартир преподавателям, общежитий студентам, подключение строительных организаций для строительства корпусов института и т.д.

М.Н. Дедюкин был талантливым администратором-организатором и отличался одним весьма ценным качеством: он был энтузиастом создания в Перми крупного многопрофильного вуза для подготовки инженерных кадров, в которых остро нуждалась развивающаяся промышленность Западного Урала.

С М.Н. Дедюкиным было легко работать: любая новая мысль или дельное предложение, от кого бы они не исходили, немедленно обсуждались, принимались активные меры к их реализации. Он умел подбирать таких помощников, с которыми легко было решать вопросы (А.А. Глушков, Е.А. Лушников, Н.Н. Ногтев и т.д.). Вопросов же на первых порах было больше, чем достаточно.

Вскоре началось строительство учебного корпуса для Горного института, часть которого удалось ввести в эксплуатацию в 1960 году. На строительстве широко использовался

труд студентов и преподавателей, которые оставили на память для истории свои факсимиле, выложенные плитками.

Вклад студентов и преподавателей в строительство Пермского политехнического института столь велик, что, будь мое право, установил бы на фасаде памятную доску, на которой золотыми буквами выбил бы надпись о том, что в 1955–62 годах это здание построено строителями Западуралстроя при активном участии многих студенческих отрядов – энтузиастов создания собственными руками своего института.

В 1960 году вышло Постановление Совета Министров Союза об организации в стране ряда вузов, в том числе в Перми Политехнического института на базе Горного, вечернего машиностроительного институтов и технического факультета Пермского университета.

Работая семь лет на техническом факультете Пермского университета, я привык к тому, что на партийных и профсоюзных конференциях и собраниях дискуссии обычно затягивались до 12 часов ночи и даже переходили эту временную черту. Юристы, историки и филологи – великие мастера поговорить. Иной раз, что называется, «заведутся» из-за пустяка, а 200 человек должны внимать их риторическим трелям.

Другое дело – в политехническом: здесь выступающие, как правило, лаконично излагают существо проблемы. Поэтому собрания не затягиваются, проходят по-деловому.

Осталось у меня в памяти первое объединенное партсобрание Политехнического института. Это было в начале 1960–61 учебного года, и проходило собрание в актовом зале строительного техникума.

Так случилось, что меня избрали председателем. В президиуме ректор М.Н. Дедюкин, М.П. Бормонтов – секретарь партбюро Горного института, Мелешков – первый секретарь Свердловского райкома партии, еще кто-то. В зале располо-

жились человек 120–130, разбитые на четыре группы, далеко отстоящие друг от друга, благо, что рассчитанный на 500 человек актовый зал позволял это. Кучка 20–25 человек – это работники вечернего машиностроительного института, кучка 70–75 человек – это сотрудники и студенты Горного института, человек 15 – студенты и преподаватели госуниверситета и столько же, в кучке преподавателей межобластной Высшей партшколы во главе с директором школы Марией Яковлевной Кокшаровой. Это преподаватели политэкономии, философии и других обществоведческих дисциплин, перешедшие на постоянную работу в политехнический, так как пермская межобластная ВПШ к тому времени была закрыта, а слушателей перевели в Свердловск.

Как председатель собрания, я сделал ироничное замечание, что в зале члены партии разделились на оппозиционные фракции и обсуждают в каждой группе свои проблемы, хотя нам предстоит обсудить общие проблемы по созданию политехнического института. Вы знаете, меня и членов президиума даже несколько удивила реакция зала: товарищи стали пересаживаться, смешавшись, на первые ряды. Обсуждение проблем прошло по-деловому и продуктивно.

В 1960 году, с организацией политехнического института, было существенно расширено химико-технологическое образование в Пермской области: был удвоен прием по специальности ТНВ, открыта подготовка специалистов по технологии нефти и газа, механиков и инженеров по КИП и автоматизации. Кроме дневного отделения, была расширена подготовка по вечерней форме обучения. Позже открыли общетехнические факультеты в Березниках и Закамске, где, по сути, подготовка велась на всех курсах и эти факультеты ничем не отличались от обычных вечерних факультетов и институтов.

Меня назначили деканом химико-технологического факультета, которому предстояло обеспечивать инженерными кадрами химическую и нефтеперерабатывающую индустрию.

Вспоминаю 1960 год. Помещений под лаборатории химико-технологического факультета нет. За сохранение аудиторного фонда начальник учебной части Любовь Григорьевна Чупина готова идти в бой с кем угодно... Нет и оборудования для лабораторий, да и преподавателей для комплектации шести кафедр факультета не хватает. Предстоит еще «саманивать» из Свердловска, Томска, Уфы, Казани и других промышленных центров, где уже сложились сильные научные и методические школы. Из Москвы и Ленинграда, Киева и Харькова в Пермь редко кто едет: мало привлекателен им наш город, хотя и расположен на берегах красавицы Камы, хотя здесь, на Западном Урале, функционирует почти 500 промышленных предприятий, в том числе и уникальные. Только крупных заводов химико-технологического профиля – более 25 (сейчас 35): азотно-туковый, содовый, калийные, анилино-красочные, целлюлозно-бумажные, спецхимия и т.д.

В конце 1960 года, когда плановые фонды на оборудование, как водится, уже «расташены», М.Н. Дedyкину из Москвы «подбросили» несколько миллионов рублей. Один миллион он выделил нашему химико-технологическому факультету. Срочно в различные города посылаем специалистов искать лабораторное оборудование, декан со своим верным «снабженцем» Придатченко едет в Москву, вытягиваем, что удастся, из Главснаба Минвуза, затем запрашиваем кое-что из оборудования химического факультета Московского университета...

Следует отметить, что городские и областные власти Пермской области внимательно относились с просьбам политехнического.

Так, в сентябре 1962 года я как декан химико-технологического факультета докладывал на заседании бюро Пермского горкома партии об организации нового факультета. На этом заседании присутствовали специально приглашенные руководители химических и других предприятий. М.Н. Дедюкин, также принимавший участие в заседании, зачитал целый список материалов и приборов, в которых нуждался факультет. Чего в этом списке только не было: листовой прокат, трубы, уголок, швеллер, цемент, стекло и т.д. Факультетские потребности, конечно, были намного скромнее, хотя, естественно, я поддержал своего начальника. Он решил воспользоваться случаем, так как не часто удастся вытащить руководителей заводов для подобного диалога. Подумал про себя: «Во дает Дедюкин: для всего института хватит с лихвой». Разумеется, не все наши просьбы были удовлетворены, но кое-что удалось получить от заводов и Управления материально-технического снабжения Совнархоза. Это управление тогда возглавлял Николай Николаевич Ногтев. Именно от него химико-технологический факультет получил всемерную поддержку, позволившую нам выполнить в своем корпусе значительный объем работ: установить 24 вентиляционных системы, оснастить все лаборатории канализацией и водопроводом, установить дополнительный трансформатор мощностью 600 кВт, проложить километровый силовой кабель к учебному корпусу, выполнить внутреннюю силовую разводку и другое.

Я должен подчеркнуть, что почти все эти работы выполнялись студентами. С этой целью в первый же год одну группу механиков-химиков направили на производственную практику в мастерские треста Уралсантехмонтаж, где студенты за два месяца получили специальность «сантехник» и сумели отлично выполнить весь объем необходимых нам сантехнических работ. В последующие годы, уловив наши хитрости,

ректор часто «вытаскивал» именно этих студентов даже со старших курсов для выполнения сантехнических работ в учебных корпусах и общежитиях. Из этих студентов получились хорошие механики по оборудованию химзаводов, где сантехническая обвязка аппаратов играет важную роль.

В последующие годы становления политехнического все большую самостоятельность набирали факультеты, комплектуясь кадрами, оборудованием, обогащаясь опытом научной и учебной работы. Мои суждения основываются на делах химико-технологического факультета, с которым моя жизнь и деятельность оказались так прочно связаны, что даже словом «прикипел» вряд ли можно охарактеризовать эту связь.

Теперь химико-технологический факультет располагается в замечательном здании на комплексе за Камой, все кафедры имеют хорошие лаборатории для учебной и научной работы, современное оборудование и, что самое главное, располагают квалифицированными кадрами преподавателей, мастеров и лаборантов. Подготовку инженеров для предприятий химико-технологического профиля и научно-исследовательских институтов Западного Урала и других регионов страны осуществляют профессоры и доценты, кандидаты наук. Это крупный отряд ученых, способный решать многие научные задачи прикладного и фундаментального характера. К сожалению, в последние годы переход на товарно-рыночные отношения привел к потерям кадрового состава ученых вузов. Не избежал этого и наш факультет.

В большой созидательной работе ХТФ отражены труд, опыт и знания не только ветеранов политехнического (С.А. Амирова, В.В. Печковский, Ю.Р. Дадимов, В.А. Козлов, В.С. Колеватова, В.В. Вольхин, А.Р. Бабенко, Р.Х. Курмаев, В.А. Рупчева, А.В. Софронова и многие другие), но и преподавателей пермского университета, которые на первых порах создания ХТФ оказывали существенную помощь (про-

фессора В.В. Кузнецов, К.И. Мочалов, В.В. Усть-Качкинцев, М.Н. Полукаров, В.П. Живописцев, И.И. Лапкин и другие).

Без излишней скромности можно сказать, что на кафедрах ХТФ созданы целые научные школы, разработки которых реализованы в промышленном производстве и получили высокую оценку в научных учреждениях. Например, на кафедре ТНВ (С.А. Амирова, В.В. Печковский, С.В. Островский, Р.Г. Кефер, В.З. Пойлов) – по теории технологических процессов и интенсификации технологий (ванадия, фтористого водорода, обжигу сульфатов, сульфидов, окислов, по переработке карналлитов, баритов и др.), на кафедре «МАХП» (В.Н. Пашенко, Н.М. Рябчиков, С.Х. Загидуллин) – по разработке процессов и аппаратов гранулирования порошковых материалов и их переработке. Широким фронтом на кафедре общей и неорганической химии проводятся исследования по технологии неорганических сорбентов, в том числе и таких, которые умеют обезвреживать радионуклиды цезия.

Теперь выпускники химико-технологического факультета руководят заводами, производственными установками, коллективами научно-исследовательских институтов. Список высоких должностей можно и продолжить, однако суть инженерного образования и квалификации инженера должна оцениваться не должностным положением, а тем конкретным вкладом, который вносит инженер своим творчеством в производство и науку.

М.С. ТЕР-МХИТАРОВ

*Кандидат технических наук, профессор кафедры
«Информационные технологии
и автоматизированные системы»*

ЕГО НЕ ТОЛЬКО УВАЖАЛИ, НО И ЛЮБИЛИ

Познакомился я с Михаилом Николаевичем Дедюкиным в конце августа 1956 года в первый же день приезда из Москвы.

Сразу после защиты кандидатской диссертации мне и моей жене была предложена преподавательская деятельность на кафедре «Общая и горная электротехника» нового Молотовского горного института.

Войдя в ректорский кабинет, я увидел сидящего за столом приземистого еще молодого мужчину. Принял он нас не слишком приветливо и предложил поселиться в одной из комнат трехэтажного общежития. На это я ответил, что приехал с тремя членами своей семьи и не намерен в ближайшее время менять место своей работы. Михаил Николаевич пытливо взглянул мне в глаза и без дальнейшей дискуссии дал распоряжение выделить две комнаты. Меня и жену зачислили на должности ассистентов. Для кандидата наук из Москвы такая должность в провинциальном вузе воспринималась как преднамеренное оскорбление, но я промолчал. Впоследствии я понял, насколько серьезно и осторожно относился Михаил Николаевич к подбору кадров. Была в этом и другая подоплека, сильно влияющая на внутреннюю жизнь института в первые годы. Дело в том, что ректор, являясь выпускником Ленинградского горного института, делал основную ставку на кадры из этого вуза. Заведующими специальными кафедрами, а также деканами были ленинградцы, составившие

некоторую обособленную «семью», которая к выходцам из иных школ относилась весьма ревниво. Как человек умный Михаил Николаевич по многим вопросам должен был считаться с этим фактором. Сразу замечу, что если проблемы касались стратегии развития института, М.Н. Дедюкин без колебаний преодолевал любое внутреннее сопротивление.

Видимо, я за короткое время смог проявить себя с положительной стороны, т.к. в ноябре месяце был переведен на должность старшего преподавателя, а в декабре 1956 г. меня избрали в партком института. Общаясь с Михаилом Николаевичем именно в парткоме, я начал глубже понимать его как человека.

Для меня (и, наверное, для многих) наиболее сильной и привлекательной чертой Михаила Николаевича был постоянно проявляемый им интерес к людям, к их судьбам. Он всегда подмечал в людях положительные черты их личности. Так, однажды один из преподавателей в присутствии Дедюкина поделился своим «рецептом» чтения лекций. Оказывается, он каждый раз по дороге в институт заходил в попутный буфет и принимал там ставший традиционным стаканчик водки. Некоторые из присутствующих при этом впоследствии требовали строгого наказания своего коллеги. Михаил Николаевич же, вспоминая эту сцену, по-доброму посмеивался, а затем уже серьезно обратил наше внимание на то, что этот преподаватель прошел суровую школу жизни, воспитывался в детдоме, а как специалист достиг многого.

М.Н. Дедюкин высоко ценил людей, искренне увлеченных своим делом. Он с радостным восхищением рассказывал, как однажды на улице в сильный мороз его остановил молодой преподаватель и в течение получаса излагал тонкости своей научной работы. Михаил Николаевич, вследствие чрезвычайной занятости институтскими делами, лишен был возможности лично заниматься научными исследованиями, но проявлял искренний и глубокий интерес к решаемым на

кафедрах проблемам. Увлекаясь такими беседами, он часто забывал о длинной очереди посетителей в своей приемной.

После защиты кандидатской диссертации научные руководители предрекали Михаилу Николаевичу блестящую научную карьеру. Но, не имея жилплощади в Ленинграде, М.Н. Дедюкин дал согласие на работу в далеком сибирском вузе, где вскоре стал деканом одного из факультетов. Ректор сибирского вуза обещал через три года отпустить его в ленинградскую докторантуру. Однако судьба распорядилась жизнью Михаила Николаевича по-своему. Тот ректор был переведен в Москву на очень высокую должность в Министерство высшего образования и вскоре издал распоряжение о назначении (тогда не было выборов) М.Н. Дедюкина на должность проректора открывающегося в Молотове Горного института.

В своих материальных запросах наш ректор был очень скромен. С людьми он общался очень демократично. Если он испытывал симпатию и доверие к человеку, то обращался к нему на «ты», тем самым собеседник чувствовал, что ему предлагают разговор на равных. Михаил Николаевич, если считал нужным, мог спокойно, но очень весомо указывать на недостатки даже очень уважаемых им сотрудников, пестуя и воспитывая их. Отношения между преподавателем и студентами Михаил Николаевич считал очень важным показателем профессиональной деятельности педагога. Так, в свое время он назначил на заведование новой кафедрой достойного и симпатичного ему молодого кандидата наук. Я был свидетелем того, как М.Н. Дедюкин при назначении задал ему вопрос: «Ты знаешь, что студенты считают тебя скучным и надоедливым воспитателем?».

Будучи известным, уважаемым деятелем культуры Перми и области, депутатом Верховного Совета СССР двух созывов, М.Н. Дедюкин несомненно заслуживал улучшения материального положения своей семьи. Однако до конца

жизни он даже не пытался сменить на лучшую свою квартиру, полученную им по приезду в наш город. Он имел в своем распоряжении шофера и автомашину «Победа». В личных целях он использовал этот транспорт лишь в исключительных случаях. В свое время правительством было принято решение о возможности приобретения в личное пользование соответствующими руководителями своих старых служебных автомашин. Под давлением многих советников Михаил Николаевич, в конце концов, выкупил свою «Победу». Однако она так и простояла без использования в одном из частных гаражей, пока не пришла в состояние полной ветхости.

Мы с Михаилом Николаевичем были знакомы около 30 лет. Из них четверть века я заведовал кафедрой. Вполне осознаю степень влияния личности этого выдающегося человека на формирование моего мировоззрения. Я уверен, что то же могут сказать о себе многие ветераны нашего вуза.

Через год моей работы в новом институте произошли события, определившие на долгие годы мою судьбу. Я серьезно был намерен продолжить свои научные исследования, на чем настаивали и мои московские учителя. Только начал я создавать необходимую для исследований материальную базу и подбирать сотрудников, как со стороны ректора последовало предложение возглавить нашу кафедру «Общая и горная электротехника». Это было связано с переводом моего заведующего кафедрой в другой город. Я всячески сопротивлялся такому решению, ссылаясь на свою молодость, отсутствие организаторского опыта, необходимость продолжения научной работы. Спустя несколько недель после того, как Михаил Николаевич пригрозил насильно назначить меня и.о. зав. кафедрой, минуя выборы, я вынужден был дать свое согласие. Я сразу столкнулся с проблемами двух категорий. Внутренние проблемы были связаны с незавершенностью формирования кафедры. Нужно было найти преподавателей для ряда новых дисциплин, создать несколько учебных лабо-

раторий, организовать первый выпуск специалистов. На все это оставался лишь один год. Михаил Николаевич всегда был готов выслушать мои просьбы и оказать возможную помощь. Его советы, выраженные в товарищеской форме, способствовали принятию мною правильных решений, позволили избежать ошибочных шагов. Внешние трудности были связаны с налаживанием отношений с другими, уже маститыми, ведущими кафедрами. Я был в их глазах не только «недопустимо» молод, но еще и «чужаком». Об этом мне нередко давали понять на заседаниях Ученого совета. Михаил Николаевич внимательно наблюдал, как я прохожу и эти испытания. Он никогда явно не вмешивался в эти отношения, но не менял своего ко мне доброго отношения. Я так подробно пишу о себе, потому что в этих делах проявлялся принципиальный подход нашего ректора к людям. По тем временам (сейчас это может восприниматься с иронией) Михаил Николаевич стал для меня истинным руководителем-коммунистом.

Первым его социальным объектом стал жилой дом для преподавателей, что на углу улиц Куйбышева и Луначарского. Ранним воскресным утром 1957 года жильцы общежития были разбужены громкими призывами немедленно прибыть в кабинет ректора. Пришедших встречали ректор, секретарь парткома и председатель профкома. Михаил Николаевич с пожеланием счастья и успехов сам вручал ордера на квартиры. По его сияющей улыбке и крепкому рукопожатию можно было судить, какой это большой праздник и для него лично.

Обладая обширным кругозором, наш первый ректор тонко улавливал новые возможности в изменяющейся ситуации.

Летним днем 1960 года я сидел с удочкой на берегу реки Сылвы. Вдруг на дороге, что шла вдоль реки, показалась знакомая автомашина. Через опущенное стекло я услышал: «Михаил Степанович! Поехали! Тебя вызывает Дедюкин!». Вскоре я в своей рыбацкой одежде предстал перед Михаилом

Николаевичем. Глядя испытующе мне в глаза, он произнес: «Слушай, Михаил Степанович! Я сегодня получил известие об образовании новой специальности «Автоматизация производственных процессов (АПП). Что будем делать?». Мое сердце учащенно забилося. Ведь до сих пор ни один вуз Перми не готовил инженеров-автоматчиков. А эта специальность была мне очень близка. Я ответил: «Конечно, будем осуществлять в этом году набор». Дедюкин: «На днях я уезжаю в отпуск и отдаю распоряжение о наборе. Ты подумай, может быть стоит сделать набор и на 2-й курс из наших студентов других специальностей? Я не буду возражать!». Все преподаватели кафедры в отпусках. А надо ставить новые курсы, создавать лаборатории. Я решил дать всем преподавателям поздравительные телеграммы об открытии на кафедре новой специальности. Через неделю все мои коллеги были на месте. Работа закипела. Анализ учебных планов свидетельствовал о принципиальной возможности формирования групп АПП даже на 4-м курсе из студентов специальности «Горная электромеханика».

Вернувшись из отпуска, Михаил Николаевич сразу поинтересовался, как идут дела с новой специальностью. Я доложил, что идет учеба с первого курса по четвертый. Последовала длительная пауза, а затем и вопрос: «Михаил Степанович! Ты это не слишком?». Затем я ознакомил ректора с ходом работ по переоборудованию лабораторий и с планом развития кафедры. По всему было видно, что Михаил Николаевич остался доволен нашей работой. Все преподаватели кафедры не жалели сил для становления новой специальности. Особо весомый вклад в это дело внесли доцент М.Н. Осокин и старший преподаватель Н.М. Лицын. Трудно переоценить роль ректора в наших успехах. Помимо текущей помощи в выделении новых площадей, приобретении необходимых приборов, выделении дополнительных ставок, Михаил Николаевич учил не упускать из вида стратегических

проблем. Однажды он предложил обсудить кадровый вопрос в свете предполагаемого преобразования нашего института в политехнический. По его прогнозам учебная нагрузка кафедры вскоре должна была многократно возрасти, а надежда на получение преподавательских кадров из других городов была весьма слабой. Михаил Николаевич предложил подумать о срочном комплектовании преподавательских и научных кадров из первого выпуска специалистов по АПП. Я подобрал около 10 самых способных ребят. Их Михаил Николаевич перевел, чтобы избежать централизованного распределения, на заочное обучение. Проблема была решена. Однако наш ректор, кажется, получил выговор за эту операцию. Ведь наш выпуск специалистов стал первым в стране, и за их распределением высшие инстанции строго следили. Почти все из этих ребят впоследствии защитили диссертации, стали видными преподавателями и общественными деятелями. Стоит упомянуть еще о том, что после получения дипломов всем этим молодым специалистам ректор предоставил комнаты в общежитии.

Я очень благодарен Михаилу Николаевичу за то, что он пошел мне навстречу и рискнул меня, заведующего новой кафедрой и секретаря партийной организации вновь созданного электротехнического факультета, отправить вместе с несколькими дипломниками в 1961 году на 6 месяцев в Минск осваивать предназначенную для института большую ЭВМ. Мы не подвели нашего ректора. Вскоре вступил в строй созданный на базе этой машины один из первых в городе вычислительный центр.

По своей человеческой сущности Михаил Николаевич, безусловно, был романтиком. Он всегда был инициатором крупных трудновыполнимых, но так нужных институту проектов. Существующее положение дел никогда не устраивало его. Динамика, бурное развитие ситуации – вот любимая стихия

Михаила Николаевича. И всегда главной действующей силой был сам ректор.

Строительство главного корпуса института на Октябрьской площади велось, в основном, силами нашего вуза. Причем к непосредственной работе на этой стройке привлекались все сотрудники, начиная от лаборантов и заканчивая членом-корреспондентом АН СССР А.С. Хоментовским. Строительство было завершено в короткий срок. Наш, уже политехнический, институт получил отличную базу для своего дальнейшего развития.

Вскоре Михаил Николаевич задумал создать институтский спортивный лагерь. В поисках подходящего места он с шофером на автомашине носился по заснеженным пригородам Перми. В одну из таких поездок автомашина перевернулась, и наш ректор получил заметные травмы лица. Как этот эпизод характеризует романтическую сторону личности Михаила Николаевича!

Вершиной деятельности Михаила Николаевича, безусловно, является создание институтского комплекса за р. Камой. Это грандиозное дело и люди, принимавшие в нем участие, заслуживают того, чтобы им была посвящена отдельная книга. Опять необходимость преодоления множества трудностей, опять основная опора на собственные силы института, опять организация штаба стройки. Только благодаря воле нашего ректора, его умению сплотить единомышленников, постоянному личному участию в этом грандиозном деле была реализована эта мечта. В то время существовала и внутренняя оппозиция этому проекту. А сейчас трудно представить себе жизнь нашего университета без огромной учебной базы за Камой, без тамошних общежитий и жилых зданий.

Для полной характеристики личности нашего ректора стоит привести еще несколько примеров отношений его с людьми, с коллективом института. Михаилу Николаевичу

чу, несмотря на его скромные внешние данные, была органически присуща способность очаровывать собеседников. Чувствовался глубокий ум, интерес к человеку, искреннее его стремление помочь любому. Я не знаю ни одного случая, когда бы ректор не сдержал своего слова. Очень многие обязаны ему своим благополучием и карьерой. Михаилу Николаевичу был свойственен демократический стиль управления. На заседаниях Ученого совета он часто выслушивал очень резкие суждения о своих действиях без всяких неприятных последствий для выступавшего. То же допускалось и в личных беседах. Мне кажется, что он проникался дополнительным уважением к людям, твердо отстаивавшим свое собственное мнение. Однажды я услышал такое суждение от одного профессора, уже не работавшего в нашем вузе: «Ты знаешь, несмотря на наше серьезное отчуждение с Михаилом Николаевичем, я верю, что он в трудную минуту обязательно придет мне на помощь».

Михаил Николаевич любил быть в обществе, любил застолье. Однако держался он при этом довольно странно. Он обычно молча наблюдал ситуацию, о чем-то глубоко задумывался.

Влияние личности Михаила Николаевича на преподавателей и сотрудников было огромным. Многие молодые люди непроизвольно подражали даже его жестам, мимике, манере вести беседу.

С начальством М.Н. Дедюкин стремился не конфликтовать, но и в обиду своих сотрудников не давал. Этот стиль отношений стал традиционным в институте. Так, на одном из институтских партийных собраний присутствовал сам первый секретарь обкома («царь и бог»). На этом собрании выступил заведующий кафедрой социологии, очень заслуженный ученый, участник ВОВ, профессор З.И. Файнбург. Он высказал некоторые пожелания в адрес руководителей области.

На это секретарь обкома отреагировал весьма грубыми, недостойными, совершенно безосновательными намеками в адрес выступавшего. Зал замер, считая, что карьере профессора пришел конец. Однако на этом собрании в своей устной справке Файнбург поставил на место зарвавшегося руководителя, защитил свое человеческое достоинство. Тем самым всем был преподан полезный урок принципиальности и демократии. Следствием столкновения «бунтаря» с «грозным начальством» был лишь легкий упрек в излишней эмоциональности выступления, высказанный в парткоме института в неофициальной беседе.

А теперь хронология велит сказать о самом печальном. Весь наш вуз, как собственное несчастье, переживал семейную трагедию семьи Дедюкиных и, как следствие, неизлечимый недуг самого Михаила Николаевича. Последний раз я видел его, идущим медленно по тропинке в спортлагере. Я окликнул его, он, улыбаясь, ответил, но долго не мог определить моего месторасположения, хотя я был почти рядом. Сердце мое тоскливо сжалось ...

Долгое время на стене рекреации второго этажа главного корпуса висела прекрасная цветная фотография нашего первого ректора. На нас со знакомой легкой улыбкой смотрел не только уважаемый, но близкий и любимый каждым из знавших его Человек.

Жаль, что этот портрет куда-то перенесли, и мы лишены возможности вновь «пообщаться» с дорогим нам Михаилом Николаевичем Дедюкиным.*

* Прим. отв. редактора – портрет перенесен в кабинет ректора В.Ю. Петрова.

Е.С. ШАЙДАРОВА

Кандидат философских наук, доцент

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я приехала в Пермь летом 1962 года. В первом корпусе ППИ достраивали крыльцо главного входа.

Приняли меня ассистентом кафедры политэкономии, которую возглавлял тогда В.С. Тимофеев. На кафедре меня сразу узнали З.И. Файнбург и Г.П. Козлова: мы вместе учились в МГУ им. Ломоносова. Когда я пришла на 1-й курс экономфака, Галина Петровна перешла на 3-й курс, а З.И. Файнбург перешел на 5-й курс. После окончания его, москвича и добровольца-фронтовика (и при том, что учился он блестяще), «сослали» преподавать в Йошкар-Олу. Шел 1949 год, а он был сын «врагов народа» (его отец и мать были репрессированы и погибли в сталинских лагерях). В Йошкар-Оле он во всем и всегда был «виноват», и, в конце концов, он решил оттуда уехать. И вот мои воспоминания о Михаиле Николаевиче Дедюкине начинаются с рассказа о том, как он принимал З.И. Файнбурга и его жену Г.П. Козлову на работу в ППИ. Меня при этом не было: я приехала в Пермь позднее их примерно на полтора-два года, но воспользуюсь рассказами прямых участников. А проблема заключается в том, что З.И. Файнбург был евреем, и по тем временам требовалось испросить разрешения ОК КПСС, и, кроме того, на нем висел строгий выговор по партийной линии. Тем не менее Михаил Николаевич принял на работу и его, и его жену. Поговорив с Файнбургом, он быстро разобрался в том, какой это искренний, умный, творческий человек, который может быть очень полезен на кафедре. Но для этого ему, несомненно, пришлось брать личную ответственность за него перед партийной

властью. Он, Михаил Николаевич, уже тогда обладал большим авторитетом, и ему поверили. Тем не менее З.И. Файнбург до конца дней своих ощущал жесткий «присмотр» и недоверие со стороны комитетов КПСС. Бывали и прямые, очень грубые и несправедливые (причем публичные) нападки, на которые З.И. Файнбург жестко отвечал, после чего сам был уверен, что его выгонят и с работы, и из партии. Однако этого не случилось, думаю, только потому, что М.Н. Дедюкин «стенной» вставал на его защиту. При всем этом личные отношения между Дедюкиным и Файнбургом были далеки от идеальных. Иногда они жутко ругались, «взрывались» так, что смотреть было страшно. Но ни разу такие «бои» не породили ни обид, ни вообще ничего негативного. Они очень любили и уважали друг друга, они знали настоящую человеческую «цену» друг другу, и это было главным.

А вот история, в которой я сама была участником. В 1974 году летом в наш ОК КПСС обратился ОК КПСС Ярославской области с требованием, чтобы наша Лаборатория социологии немедленно прекратила социологические исследования, которые мы проводили на заводах Ярославля и Рыбинска (на основе хоздоговоров). Якобы анкеты у нас неправильные, идеологически невыдержанные и т.п., и вообще, чтобы «духу нашего там не было». Анкетирование было прекращено, хотя не слишком пугливые сотрудники тех заводов требовали продолжения исследований. Ярославский ОК КПСС эти свои претензии и требования сообщил в наш, Пермский ОК КПСС, причем в такой форме, что наши партийные власти жутко занервничали. Понять, в какой мы оказались ситуации, могут только люди, которые жили в то время и нечто подобное испытали на себе. На нас нападали сразу два обкома! З.И. Файнбург, еле живой, лежал в больнице, его готовили к операции по поводу язвы желудка. Я поехала в Ярославский обком доказывать нашу правоту и добиваться справедливости (это было, конечно, безнадежно). Человека,

который там меня принял, я никогда не забуду, ибо через несколько дней я сама уже слегла в нашу областную больницу с тяжелейшим нервным расстройством: лечили месяц. Но еще до этого, как только я вернулась в Пермь, меня и Г.П. Козлову вызвал Михаил Николаевич. Там же был Юрий Геннадьевич Ковалев (он был тогда секретарем парткома ППИ). Они сказали, что их вызывают в обком и что они должны быть уверены, что мы правы. Мы все рассказали, показали анкеты, и они убедились. Михаил Николаевич позвонил в обком и сказал, что было бы рационально пригласить на встречу и кого-либо из нас: меня или Г.П. Козлову. Но в этом было отказано: даже по телефону с нами говорить отказались. Михаил Николаевич и Юрий Геннадьевич ушли вдвоем. И опять они «стали стеной» и поручились, что мы правы, а Ярославский ОК не прав. По тем временам это было невероятно, но для нас дело тем и кончилось. Вернее, кончилось тем, что мы вскоре благополучно завершили исследования для Ярославских заводов.

Мои воспоминания складываются из серии эпизодов, потому что в них, на деле, в действиях, наглядно проявилось, каким человеком был М.Н. Дедюкин, как он относился к людям, как умел защитить, выстоять перед любой силой, проявляя мужество и бесстрашие, умел брать ответственность на себя. Показать человека в действии – это, на мой взгляд, важнее всего. Никакие комплименты сами по себе не заменят этого. Михаил Николаевич был предельно доступен для всех в институте и очень демократичен в отношениях с людьми. Он создал, вместе со своей «командой», ту особую демократическую атмосферу в нашем институте, которая выделяет наш ПГТУ из всех пермских вузов и которая жива до сих пор, и в духе которой выстраивал свою работу и А.А. Бартоломей, и сейчас продолжает В.Ю. Петров. У нас легко дышится, а это так много значит в наше время! И еще, в связи с этим, эпизод. Нередко З.И. Файнбург, отчаявшись прорваться к М.Н. Дедюкину сквозь толпу жаждущих приема, возвра-

щался на кафедру, бросал мне свои срочные бумажки и начинал «психопатствовать»: «Вот, я не могу к нему попасть, я так не могу, иди ты!» (я много лет была зам. зав. кафедрой). Я забирала бумажки, но в толпу не лезла. Я дожидалась вечера, и часов в восемь, когда пустел институт, отправлялась на свою авантюру. Из кабинета Дедюкина, кроме двери в приемную, была еще дверь в коридор, а над нею – маленькое застекленное окошко. Михаил Николаевич часто оставался работать вечером, зажигал на столе маленький грибочек-ночник, и света в окошко было не видно. Но тот, кто знал, приглядевшись, все же мог заметить слабенький отблеск. А я знала. Я шла к этой двери и начинала в нее стучать. Ни звука, ни движения, ни шороха. Но я стучала и стучала, и, наконец, Михаил Николаевич «сдавался», подходил и отпирал дверь. «А, это ты, – говорил он, – ну, заходи». И ни разу ведь не укорил, не отругал! А следовало бы! Сейчас пишу, и стыдно, – какая же я была нахалка! Как мы его не жалели! Вечером в его кабинете часто пахло корвалолом. «Вот, – начинала я, – Захар Ильич не может к вам попасть, а у нас срочные дела...». И он забирал бумажки, решал наши дела, я говорила «спасибо» и поворачивалась уходить. «Да ты садись, – говорил Михаил Николаевич, закуривая, – давай покурим». Это означало: поговорим «за жизнь». Он курил, и о чем только ни говорили мы в эти тихие вечерние минутки! С благодарностью судьбе вспоминаю сейчас о них.

И еще эпизод, раскрывающий его сердечность, человечность, доброту. В 1979 году я, наконец, «защитилась», а в сентябре мне исполнилось пятьдесят. Но юбилей я передвинула на октябрь, почти на месяц. Дело в том, что в сентябре хоронили Никиту, сына Михаила Николаевича. В другое время я пригласила бы Михаила Николаевича, но тут об этом нечего было и думать. Горе его было огромно, мы все сочувствовали и переживали всей душой. И вот в октябре, в столовой корпуса «А», прозвучали уже первые речи и тосты

в честь моего юбилея, как вдруг открывается дверь, и входит Михаил Николаевич. Я бросилась ему навстречу, обняла и заплакала. И сейчас снова плачу, вспоминая об этом. Он сел за стол, выпил рюмочку и вскоре, извинившись, ушел. Да разве такое забудешь? Такая беда, он тогда еле ходил, тем не менее вспомнил, что у человека торжество и надо поздравить.

Вот таким человеком был Михаил Николаевич Дедюкин, наш незабвенный первый ректор, бесконечно дорогой и почитаемый всеми, кто его знал, кто имел счастье работать вместе с ним. Конечно, эти воспоминания – только часть того, что я могла бы о нем рассказать. Да ведь всего не напишешь...

ПЕРВЫЙ РЕКТОР ПОЛИТЕХА М.Н. ДЕДЮКИН И НАУЧНЫЙ ТАНДЕМ ФАЙНБУРГ – КОЗЛОВА

*Подготовлено к печати профессором Г.З. Файнбургом
по материалам личного архива
З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой*

Роль первого ректора Пермского политехнического института Михаила Николаевича Дедюкина в жизни супружеской четы и научного тандема Захара Ильича Файнбурга и Галины Петровны Козловой трудно переоценить... Кто знает, но без его поддержки, без атмосферы творчества и деловитости, созданной им в политехе, быть может, и не состоялся бы Захар Ильич как выдающийся ученый, ссылки на которого и положительная оценка деятельности которого все еще, спустя более пятнадцати лет после его смерти, даже в новых идеологических условиях забвения или охаивания социалистического прошлого, идут и идут... Кто знает, может быть, не стала бы Галина Петровна блестящим лектором, воспитавшим не одно поколение экономистов Западного Урала, если бы у руля Пермского политеха, закладывая традиции и порядок на многие годы вперед, не стоял Михаил Николаевич Дедюкин.

Приведем всего один, но очень характерный штрих, чтобы понять узы, связывающие чету Файнбурга – Козловой с М.Н. Дедюкиным. Они никогда не дружили с М.Н. Дедюкиным семьями, не отдыхали вместе, не встречали праздники за одним столом. Их общение было исключительно деловое и рабочее: общение первого руководителя и его подчиненных, т.е. достаточно далекое от тесной дружбы. Но портрет ректора М.Н. Дедюкина был повешен, висел и все еще висит среди портретов самых близких и любимых родных и друзей Захара Ильича и Галины Петровны напротив рабочего стола Захара Ильича (а затем, после его смерти, – Галины Петровны). На этом портрете Михаил Николаевич сидит за столом и смотрит вперед на воображаемого собеседника – а потому, сидя за рабочим столом четы Файнбурга – Козловой, подняв голову от рукописи, можно встретиться взглядом с М.Н. Дедюкиным. Взгляд этот, тяжелый и пристальный, чуть-чуть исподлобья, внимательно Вас разглядывающий, даже изучающий – характерный взгляд Дедюкина, хорошо известен всем, кто был с ним лично знаком. Давно уже нет в живых самого Михаила Николаевича, Захара Ильича, Галины Петровны, но портрет все еще висит на своем месте, характеризуя деловые (не семейные), но очень важные узы, связывающие семью Захара Ильича и Галины Петровны с Михаилом Николаевичем.

Чтобы понять смысл этих уз, надо заглянуть в прошлое, в такое, каким оно было...

В одном из своих писем середины 90-х годов Галина Петровна писала: «Почему нам пришлось уехать из Москвы, ведь я москвичка, а Захар был одним из лучших студентов их курса [*экономического факультета Московского государственного университета*]? Как сыну «врагов народа» сталинская стипендия не полагалась Захару, но ему присуждали Калининскую, Чернышевского... [*Несмотря на отличие в учебе*] в аспирантуру его не оставили. На работу в Москве его нигде не брали. Это было ужасное время [*1949 год – разгар борьбы с космополитизмом*]. Поэтому я знаю, как быть

безработным, униженным без вины. Два месяца Захар методично обходил все возможные места работы, и везде, где видели его еврейскую физиономию, тут же суетились и отказывали в работе, хотя места были, но не для него. Наконец, в управлении лесных вузов какой-то чиновник потребовал у Захара сводить его в ресторан, тогда он попробует что-то сделать. Собрали последние деньги, Захар повел его в ресторан. Сам он есть ничего не мог, а тот жрал за двоих. Но слово свое сдержал. Подложил дело Захара на подпись к начальнику среди других, и тот его подписал, не глядя. Так ли, нет ли, кто знает, но Захар получил направление в Йошкар-Олу, в лесотехнический институт, фактически в место ссылки: там работали сосланные из Москвы, Ленинграда, вернувшиеся из лагерей... Захару там было самое место. Понятно, что начальник такое направление подписал, – он ничем не рисковал. Так мы уехали из Москвы *[в Йошкар-Олу, в Поволжский лесотехнический институт, на кафедру политэкономии. В этом институте Захар Ильич и Галина Петровна проработали до 1960 года. Здесь в 1958 году началась их успешная научная работа, Захар Ильич написал и защитил в МГУ кандидатскую диссертацию, но гонения продолжались...]*.

Г.П. Козлова так вспоминала это событие: «В 1960 г. *[наша]* жизнь еще раз изменилась, после того как на *[Всесоюзной научной]* конференции *[преподавателей общественных наук]* в Москве я доложила результаты наших исследований. *[З.И.Файнбурга Марийский обком КПСС не пустил, несмотря на вызов, подписанный самим министром высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютиным]*.

Доклад имел невероятный успех – это был настоящий, корректный научный доклад. *[В нем впервые после долгих лет господства цитат из классиков на основе эмпирического материала, сведенного в различные таблицы, был дан конкретный анализ]*. Его выводы полностью подтвердила жизнь.

Я и сейчас горжусь нашим докладом. Никогда впоследствии мне не устраивали такую оваацию. В результате мы с Захаром получили имя, друзей, которые нам помогли не раз, внимание Министерства, обеспечившего наш переезд в крупный промышленный город, в новый технический вуз. Я выбрала Пермь как центр многоотраслевой промышленности».

Переезд в Пермь, работа в Пермском политехническом институте под руководством М.Н. Дедюкина изменила всю жизнь Захара Ильича и Галины Петровны. Много лет спустя, уже после смерти Захара Ильича, она писала друзьям: «Жизнь моя делится как бы на две половины: до того и после того. И этот перелом произошел в возрасте Христа, когда мне было тридцать три года. Летом 1960 года я забрала детей и чемоданы, уехала из Йошкар-Олы, решив сделать все для переезда в другой город. Делать в Оле было нечего: научные возможности исчерпали себя, мы в глазах обкома [КПСС] были семьей врагов народа, нам ничего не светило, даже из списка на квартиру в новом доме, в котором мы были в самом начале (ведь к тому времени проработали в [Йошкар] Оле десять лет) в последнюю ночь перед выдачей ордеров нас вычеркнули. Квартиру получил племянник председателя Верховного совета Мар[ийской АССР], молодой человек без заслуг. Народ не знал, и все поздравляли нас с квартирой, мы не выходили из дому. Дети плакали. Захар отвечал, что он, по-видимому, не дорос до марийца. Завели партийное дело об оскорблении национального чувства, хотели исключить Захара из партии. Но партийное собрание института не пошло на поводу у обкома партии, хотя на собрание прибыл член обкома, начальник КГБ с охраной. Охранники с оружием встали в дверях, мы все оказались как бы арестованными. Видимо, здесь и случился перебор (все-таки «оттепель» была на дворе) – как ни заставляли присутствующих проголосовать за исключение, прошел выговор без занесения в учетную карточку! Все-таки большинство оказалось порядочными людьми, не дали уничтожить Захара.

Конечно, оставаться в *[Йошкар]* Оле не имело смысла. Несколько позже эту же мысль подтвердил и начальник Управления преподавания общественных наук Минвуза СССР Семен Алексеевич Юдачев, которому мы обязаны переездом в Пермь. *[Обративший внимание на блестящий доклад из глубинки и решивший поинтересоваться жизнью его авторов]*. Он сказал: «Пусть великий марийский народ сам решает свои дела, а вы поезжайте в русский город!», вызвал подчиненного и велел нас устроить хорошо: «Эти ребята десять лет оттрубили в национальной республике, сделай для них все, что надо». Меня провели в комнату, положили передо мной две толстые клеенчатые тетради со списками вузов, где нужны специалисты по политэкономии. Мама родная! Везде нужны. Я стала выбирать. Все национальные республики – Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика были сразу отложены в сторону, не говоря уже о Кавказе и Средней Азии. Все западные области с их антисемитизмом тоже не подходили. Урал, Сибирь – далеко, мама не доедет, она стала сильно болеть. Остановилась на Предуралье, на Перми.

Промышленный регион, разнообразная промышленность (что еще нужно для наших исследований характера труда), лес, река (для Захара – рыбака и охотника), новый технический вуз (политехнический образовался из горного в 1960 году) – склок не будет, сдают новый дом, – будет квартира. Зам. Юдачева удивился моему выбору, а когда я объяснила, одобрил, добавив, что там еще и ректор – мировой дядька! *[Речь идет о М.Н. Дедюкине]*.

Так все и вышло – Пермь стала нашей судьбой, и счастливой судьбой. Минвуз связался с Пермским ОК *[обкомом КПСС]*, получил его согласие (без этого преподавателей общественных наук на работу не брали), – еще бы, от Юдачева звонят! Приняли нас в Перми очень хорошо.

Приехали мы с Захаром в Пермь 29 августа 1960 года, а 30 августа нас приняли ректор Михаил Николаевич Дедюкин

и секретарь парткома, бывший полковник Михаил Петрович Бормонтов. Первый вопрос: не склочники ли мы? Склочников мы не любим. Мы удивились и говорим, что сами от склочников убежали. Они засмеялись – ну, ладно. Второй вопрос: поди с выговором приехали? Конечно. – С занесением? – Нет. – И хорошо, будете оформлять документы, выговор не заносите, бог с ним. Третий вопрос: родителей [Захара Ильича] реабилитировали? – Да. – Обязательно напишите, что Вы сын репрессированных родителей, теперь это не минус, а большой плюс.

Видимо, мы им понравились, так как они стали при нас, незнакомых людях, крыть Пермский ОК за его глупость. Дело в том, что на заводе работали два друга, один из которых поступил в институт. Где-то встретились, не поладили, достали ножи – студент оказался более шустрым – убил приятеля. На бюро ОК ректор и парторг получили по строгому выговору за то, что плохо воспитывают студентов – понимаешь, режут рабочий класс! Михаил Николаевич говорит: зарезал бы рабочий студента, выговор получил бы директор завода за то, что плохо воспитывают рабочих – понимаешь, режут интеллигенцию! Ха-ха-ха! Выговор как дали, так и снимут, без выговора не проживешь.

Спросили, как устроились в общежитии, сказали, что к ноябрьским праздникам дом сдадут, мы вам квартиру дадим, как кандидату наук – двухкомнатную (Захар защитил кандидатскую диссертацию летом 1959 года). Работайте, желаем успеха!

С 1 сентября 1960 года мы были приняты на работу в Пермский политехнический институт, на кафедру политической экономии. Оба – и ректор, и парторг – нам понравились своей непосредственностью, живостью, умом, доброжелательностью. Так радостно началась наша жизнь в Перми. Стояла прекрасная погода. Город утопал в зелени и цветах. Катил свои воды Кама. Мы вздохнули полной грудью,

распрямились, перестали чувствовать себя изгоями, заработали в полную силу. Наступила счастливая полоса нашей жизни ...»

Больше чета Файнбурга–Козловой места своей работы и жизни (несмотря на многочисленные приглашения в Москву, Уфу и т.п.) не меняла. В Пермском политехническом институте Захар Ильич проработал 30 лет до самой своей смерти в сентябре 1990 года, Галина Петровна – почти 40 лет (умерла в феврале 2000 года). И все созданное ими – и научные труды, и замечательные ученики – все это было сделано в вузе, созданном и руководимом М.Н. Дедюкиным.

История с квартирой, а нормальная квартира для семьи Файнбурга–Козловой, много лет жившей в одной комнате с печным отоплением, в деревянном двухэтажном доме коридорного типа, была чем-то очень желанным и практически недостижимым явлением, также характеризует М.Н. Дедюкина. У него был четкий подход к выделению квартир – деловые качества и соответствующие им формальные признаки. Все остальные критерии только сопутствовали основным. В первую очередь, трехкомнатная квартира предназначалась для ведущих кафедр, двухкомнатная – для кандидатов наук, однокомнатная – для перспективных молодых специалистов. Чете Файнбурга–Козловой с двумя детьми и бабушкой «полагалась» двухкомнатная квартира, но поскольку З.И. еще не утвердили и, вообще, они люди были новые, им была выделена старая кем-то освобожденная квартира при переезде в новый дом, б/у квартира. Новый дом сдавали к празднику – к 7 ноября – дню Великой Октябрьской социалистической революции. Но за два месяца выявились деловые качества четы Файнбурга–Козлова. В те годы никто из обществоведов Перми на заводах не работал, а чета Файнбург–Козлова уже имела успешный опыт выполнения хоздоговорных работ на двух заводах – Волжском целлюлозно-бумажном комбинате и Волжском деревообрабатывающем комбинате по исследова-

нию механизации труда. Такая работа была предложена «Камкабелю» и принята им, оставалось подписать договор у ректора, и Галина Петровна пришла к нему. «Узнав, что мы, только что приехав в город, уже подписали договор с крупнейшим заводом «Камкабель» – провести анализ загруженности оборудования и рабочих методом моментных наблюдений, ректор был просто потрясен. Мне он задал вопрос – разве от обществоведов может быть какая-то польза заводу? Я ответила – это наш третий договор. На другой день Захара пригласили получить ордер на новую квартиру – нам дали хорошую квартиру в новом доме, во дворе института». В этой квартире чета Файнбург–Козлова прожила всю свою оставшуюся жизнь.

Осенью 1961 года З.И. Файнбурга направили руководить сельхозработами студентов в Большесосновский район. Имея большой опыт, полученный еще в Йошкар-Оле, он прекрасно справился с этим поручением. Несколько позже, идя по коридору, он попался «под ноги» ректору, периодически появлявшемуся в коридоре на отрезке «кабинет ректора» – «мужской туалет» второго этажа корпуса по ул. Луначарского. М.Н. Дедюкин остановил молодого преподавателя и сказал, имея в виду успехи студентов в Большой Соснове: «Оказывается, Вы можете быть полезны!». Полезен для института, полезен для дела – это был основной критерий оценки человека для М.Н. Дедюкина.

В 1964 г. по инициативе и при поддержке ректора Пермского политехнического института М.Н. Дедюкина Захар Ильич становится заведующим кафедрой научного коммунизма. За этой короткой фразой стоит целая эпопея и огромная работа М.Н. Дедюкина.

Дело в том, что такие кафедры создавались вновь, как и сам курс. Никто не знал, что читать и как читать. Просто в 1964 году главный идеолог КПСС – секретарь ЦК КПСС и член Политбюро М.А. Сулов вдруг обратил внимание, что из «трех источников, трех составляющих марксизма», пере-

численных в известной работе В.И. Ленина, философия и политэкономия преподаются, а научный коммунизм – нет! И было велено ввести новый курс.

Легко сказать ввести в обучение в высшей школе новый курс... Ведь речь шла об общественных науках, и ошибки преподавания легко могли обернуться обвинением в идеологических ошибках, в политической близорукости, а за ними могло последовать все, что угодно – от снятия с работы до.... (прошло всего десять лет, как умер И.В. Сталин, и прекратились массовые аресты «врагов народа», но все это было в памяти всех работавших в те годы руководителей). Ошибаться было нельзя...

Надо отдать должное таланту М.Н. Дедюкина как руководителя – он безошибочно выбрал человека, которому была под силу эта задача – создать марксистский курс научного коммунизма и соответствующий коллектив преподавателей. Но сама личность З.И. Файнбурга многих не устраивала, особенно в аппарате обкома партии. И здесь М.Н. Дедюкин в полной мере проявил свою волю и политическую смелость – за все истинные или мнимые ошибки З.И.Файнбурга – зав. кафедрой – отвечать должен был он – ректор института. Не все бы поступили так, но М.Н. Дедюкин поступил так, как было лучше для дела.

Сегодня, спустя более 40 лет, хорошо видно, что М.Н. Дедюкин не ошибся. Более того, именно тогда в далекие советские годы он заложил нынешний успех гуманитарного факультета, а также возможность Пермскому политеху стать в сложные годы начала 90-х «университетом». Ведь должность заведующего кафедрой, а затем и научного руководителя двух лабораторий социологии, созданных при активной поддержке М.Н. Дедюкина, позволили З.И.Файнбургу создать известную сегодня всем Пермскую школу социологии, подготовить многих кандидатов и докторов наук, заложив тем самым научную базу для гуманитарного факультета.

Цена чету Файнбург–Козлова за их деловые качества, М.Н. Дедюкин неоднократно хотел видеть в должности заведующего кафедрой политэкономии Г.П. Козлову. Позже Г.П. Козлова писала в одном из частных писем друзьям: «Было время, когда наш ректор [М.Н. Дедюкин] хотел видеть меня в роли зав. каф. политэкономии (Захар тогда был зав. каф. научного коммунизма/социологии). Я сказала ему [М.Н. Дедюкину]: Захар – президент, а я – советник президента. Это моя жизненная роль, она подходит мне по характеру, быть завом я не могу, согласия моего не будет...».

В те годы в институте, как и во всех других вузах, помимо Ученого совета был Совет заведующих кафедрами общественных наук. По положению возглавлял его ректор – М.Н. Дедюкин. Были на совете и дежурные вопросы, были и споры... Как-то, по случаю, Галина Петровна вспомнила, как однажды Михаил Николаевич ей сказал: «Какие вы разные... Сижу я на Совете, говорю, смотрю на Захара – он морщится – что-то не так, как ему хотелось бы. Смотрю на тебя, Галочка, ты киваешь мне головой – так, так, так...поддерживаешь...». Михаил Николаевич ценил советы Галины Петровны, мудрой и одновременно скромной женщины, хорошего советчика, звонил ей домой, просил зайти, посоветоваться... Было это, вероятно, относительно часто, ибо только текущих дел, связанных с кафедрой и двумя лабораториями социологии Захара Ильича, хватало – и забегая к родителям, я сам был свидетелем этих звонков.

Не могу не сказать несколько слов и о роли Михаила Николаевича в моей жизни. С 12 лет (с 1960 года) я постоянно в разговорах моих родителей слышал имя Михаила Николаевича. Он был начальником моих родителей, и чем сложнее был обсуждаемый вопрос, чем сильнее он затрагивал самую жизнь Захара Ильича как заведующего кафедрой научного коммунизма, Галины Петровны как ведущего до-

цента кафедры политэкономии, тем чаще неизбежно в разговоре упоминались руководители института и, конечно, ректор. За долгие годы эти разговоры растворились в памяти, но остался общий уважительный тон (даже в жестких спорных вопросах), безусловно, уважительное отношение к М.Н. Дедюкину и его мнению.

В семье Захара Ильича и Галины Петровны воспитывалось и поддерживалось крайне уважительное отношение к М.Н. Дедюкину. Об этом отношении свидетельствует такой факт. По своему физическому состоянию я не бегун (да еще на длинные дистанции), но когда в память о Михаиле Николаевиче был впервые организован Мемориал его имени (пробег от главного корпуса политеха на комплекс за Камой), я не мог не принять в нем участие, ибо это было единственным способом выразить свое уважение и свою добрую память о М.Н. Дедюкине.

Вот и сейчас, много-много лет спустя после всех описанных выше событий, когда я пишу эти строки, я испытываю чувство огромной невыразимой словами благодарности и за судьбу моих родителей, и за свою собственную судьбу замечательному человеку, великолепному организатору, уважаемому руководителю, первому ректору нашего института Михаилу Николаевичу Дедюкину. Думаю, что все мы, ныне работающие в крупнейшем вузе Западного Урала – Пермском государственном техническом университете, должны быть благодарны Михаилу Николаевичу за все, что он сделал для вуза, и тем самым – для нас. И лучшее, что мы можем сделать в память о нем, всемерно развивать и укреплять его детище – Пермский политех.

Т.С. СЕРОВА

Доктор педагогических наук, зав. кафедрой

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Когда я пришла в сентябре 1961 года в Пермский политехнический институт работать на кафедру иностранных языков, я уже была знакома с Михаилом Николаевичем Дедюкиным, еще будучи студенткой Пермского педагогического института, где являлась заместителем секретаря комитета ВЛКСМ по культурно-массовой работе. Работа в городском оргкомитете по подготовке и проведению студенческих фестивалей и вёсен самодеятельного искусства дали возможность узнать, видеть удивительного человека, руководителя уже тогда ведущего вуза, Михаила Николаевича, которого обожали и считали близким по духу и задору, своим человеком студенты не только горного института, но и других вузов. К нему можно было идти с любыми вопросами и предложениями и всегда встретить обращенный на тебя внимательный взгляд, доброжелательную улыбку и полное понимание, что, однако, не означало, всегда согласие. И уже к концу первого учебного 1961/1962 года работы ассистентом на кафедре иностранных языков Михаил Николаевич приглашает к себе в кабинет и произносит слова: «Надо посоветоваться», – которые обращены к совсем еще неопытному молодому специалисту, каким я тогда являлась. – «Был в Ленинграде, в Ленинградском политехническом институте, и там работает клуб интернациональной дружбы. А можем мы в нашем институте организовать такой клуб, как ты думаешь, Тамара? И скажи, что для этого нужно, я поддержу», – говорит Михаил Николаевич.

И мы с энтузиазмом организуем интернациональный клуб «Факел», а Михаил Николаевич поддерживает все интересные и очень нужные дела: поездку делегации в Ленин-

град, в которую вошла я, первый президент клуба Юрий Авраменко, Игорь Тернавский, преподаватели кафедры и несколько студентов; поездки студентов в ГДР; студенческие театрализованные вечера в актовом зале, пользующиеся большой популярностью у студентов всех вузов города в 1962–1967 годы. На сцене выступали студенты разных факультетов с песнями разных стран: Великобритании, Германии, Франции, Чехословакии, Польши. Ставили сцены на французском из «Трех мушкетеров», исполняли сонеты Шекспира, мелодекламация под рояль на английском, танцевали танцы народов мира.

Для всего этого нужны были костюмы, обращались к Михаилу Николаевичу, а он решал вопрос с дирекцией оперного театра. Михаил Николаевич сам приходил на эти вечера и с трудом проходил через толпу жаждущих попасть на вечер, теряя порой пуговицы со своего пальто.

В сентябре 1970 года он снова произносит: «Надо посоветоваться! Ко мне обратилась Надежда Николаевна Сильвестрова, заслуженная артистка СССР, за поддержкой, поставить к студенческой театральной весне в марте 1971 года оперу С. Рахманинова «Алеко», о тебе, Тамара, она говорит как о главной исполнительнице в этой опере и организаторе ее подготовки. Скажи, сможем мы это сделать, кто у нас солисты, будем объединять усилия с другими вузами или хватит своих сил, финансирование я поддержу.» И Михаил Николаевич Дедюкин действительно поддержал и морально, и материально от начала до конца подготовку и постановку оперного спектакля: репетиции вокальных партий, всех солистов взяли только политехников, репетиции танцев, которые ставил Игорь Шаповалов, в результате чего родился коллектив «Солнечная радуга», репетиции хора. Постановкой спектакля занимался И. Келлер, репетиции с оркестром оперного театра дирижировал Шморгонер. А сам спектакль

состоялся на сцене оперного театра. И все это благодаря авторитету, увлеченности, необычайному энтузиазму Михаила Николаевича Дедюкина. А какая была искренняя радость и гордость у него за всех участников этого оперного спектакля, когда он после окончания спектакля повел ректоров Поволжья, Урала, Сибири (они были тогда в гостях нашего Политеха в связи с каким-то совещанием) за кулисы, чтобы там выразить нам всем вокалистам свое восхищение и слова благодарности.

Таким мог быть человек только интеллигентный, каким и был Михаил Николаевич, щедрый и доброжелательный, слушающий и понимающий других, сочувствующий и глубоко сопереживающий, искренне и по-детски радующийся, созидающий и сотруidничающий.

Я.С. САДИКОВ

*Доктор технических наук, профессор, директор
Инженерного центра прикладной механики*

ВОСПОМИНАНИЯ

О МИХАИЛЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ДЕДЮКИНЕ

С Михаилом Николаевичем Дедюкиным я впервые встретился в 1960 году, когда по совместительству начал читать в Пермском политехническом институте лекции по ракетостроению. Работа для меня была новой, так как до этого я всегда занимался практической работой непосредственно на производстве в конструкторском бюро. Михаил Николаевич относился ко мне очень доброжелательно. Он проявил большую заинтересованность в создании и организации нами совместно с М.Ю. Цирульниковым новой кафедры «Летательные аппараты», которую я возглавил в 1965 году.

Михаил Николаевич неоднократно давал ряд ценных советов, которые в дальнейшем помогли коллективу кафедры занимать одно из первых мест в институте.

Каждая встреча, беседа с Михаилом Николаевичем приносила радость общения. Он был отличным организатором, умел оценить (хотя не был специалистом в области ракетостроения) достижения нашей работы.

В жизни М.Н. Дедюкин был очень скромным человеком. Он часто отдыхал с семьей в лагере «Политехник», где не без его участия нашей кафедрой был построен четырёхкомнатный домик, в котором могли отдыхать наши сотрудники.

Когда у Михаила Николаевича возникли проблемы со зрением, он обратился за советом к моей жене, врачу-офтальмологу. В дальнейшем он был прооперирован в глазной клинике, совершенно не претендуя на особые условия.

Скромность, доброжелательность по отношению к сотрудникам, умение оценить деловые качества, помочь не только советом, но и делом – прекрасные человеческие качества светлого человека, Михаила Николаевича Дедюкина, память о котором навсегда сохранится в наших сердцах.

С.А. АМИРОВА

*Доктор технических наук, профессор кафедры
«Технология неорганических веществ» ХТФ*

ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ДЕДЮКИНЕ – ПЕРВОМ РЕКТОРЕ ПЕРМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Меня попросили написать воспоминания и Михаиле Николаевиче Дедюкине, первом ректоре политехнического института. Это оказалось довольно трудно. Но я очень ценю

нашего первого ректора, учителя и руководителя, и преклоняюсь перед его деятельностью. Поэтому с любовью и интересом пишу свои впечатления, тем более, что по роду своей работы мне пришлось участвовать под его руководством в создании, становлении и развитии кафедры «Технология неорганических веществ».

Я начала свою трудовую деятельность с первого дня Великой Отечественной войны. Работала на заводах по выпуску военной продукции – меланжа, бутылки с которым наши бойцы бросали под немецкие танки, по выпуску индикаторов для отравляющих веществ. Затем я работала в Уральском научно-исследовательском институте при Академии наук. Моими руководителями или начальниками были производственники или учёные, взаимоотношения с которыми у меня всегда были доверительные и хорошие. Я всегда любила своё дело, увлекалась им, болела за него, и в целом, как считали мои руководители, достигала положительных результатов. Но ни с кем из весьма хороших начальников у меня не было такого единства в понимании предстоящих рабочих задач, как с первым ректором ППИ М.Н. Дедюкиным. Случилось так, что мы оба должны были на пустом месте создать новые структуры (он – институт, я – кафедру) по выпуску инженеров для промышленности. Таких кафедр, как «Технология неорганических веществ», у Михаила Николаевича было много, и каждая из них имела свою специфику. Я поражаясь тому, что, будучи по специальности маркшейдером-строителем, он знал и учитывал нашу специфику при подготовке и выпуске нами инженеров. Например, он понимал, что технического прогресса в химической технологии не может быть без науки и творческих исполнителей-инженеров. Поэтому он всячески поддерживал хоздоговора и научную работу по подготовке кандидатов и докторов наук. За сравнительно короткий срок на кафедре было подготовлено свыше 50 кандидатов наук и 5 докторов наук, создано и внедрено несколько новых технологий, по отдельным курсам создали про-

блемное обучение, так называемое творческое обучение студентов, которые при этом и сами начинали проектировать что-то новое. Именно так Михаил Николаевич понимал повышение качества подготовки инженеров. Преподаватели, профессора и студенты должны были не только осваивать новые знания, но и сами создавать новые технологии, открывать новые законы, участвовать в техническом прогрессе, усовершенствовании существующих технологий и разработке новых. Для этого обучение должно быть активным. Преподаватели должны были разрабатывать новые методы обучения и связывать его с задачами производства на основе новейших достижений науки в исследовании основ ряда существующих процессов и разработке принципиально новых способов, улучшающих экономику переработки сырья. Это глубокая и сложная задача, требующая от руководителей и исполнителей постоянного творческого горения, интереса и желания, иногда в ущерб личной жизни.

Эта трудная, но основная работа не всегда понималась преподавателями и студентами, но всегда активно поддерживалась М.Н. Дедюкиным и полностью им одобрялась, иногда в противовес парткому и другим организациям. И за это я ему глубоко благодарна.

Нужно отметить большое внимание М.Н. Дедюкина к женщинам-руководителям. Он понимал, насколько трудно нам порой сочетать работу с домашними обязанностями жены, матери. И поэтому, если надо было, наши производственные ошибки или недоработки очень тактично мог объяснить этими трудностями.

В отношении других сотрудников и преподавателей он был весьма человечным. Если возникала необходимость, он обеспечивал нам консультации и лечение лучших медицинских светил Пермского края и даже Союза.

Этим летом я отдыхала на базе отдыха «Политехник», в 40 минутах езды на машине от Перми. В городе – жара, пыль, тяжелый загрязненный воздух. Это и понятно, так как

город со всех сторон окружен химическими и нефтехимическими комбинатами. А в «Политехнике» – рай земной. Лучшего места для отдыха в г. Перми, да и на Урале не найти. Кама там образует залив, вода в нем чистая и теплая. Берега и дно залива покрыты чистым, промытым песочком. По берегам залива растет густой смешанный лес, где даже больным людям дышится легко. В столовой работают молодые, но удивительно профессиональные повара. Я не раз вспоминала и мысленно благодарила М.Н. Дедюкина за этот отдых взрослых и детей. Помню, сколько сил и забот в 60-е годы он вместе с помощниками вложил в это дело.

А сколько сил и умения он вложил в создание учебных корпусов за Камой? Об этом лучше расскажут его помощники.

В заключение хочу подчеркнуть, что нашему институту и всем нам повезло, так как принципиальные основы его создания в учебном процессе, в науке были заложены нашим первым ректором, который был весьма умным и тактичным человеком. Светлая тебе память, наш дорогой учитель и друг.

Е.А. ЛУШНИКОВ

*Доктор геолого-минералогических наук, профессор,
проректор по научной работе ППИ (1960–1963 гг.)*

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ М.Н. ДЕДЮКИНЕ

В жизни человека бывают периоды и встречи с людьми, которые оставляют глубокий след на всю жизнь. К такому периоду относится наша работа (моя и жены) в Молотовском (Пермском) горном и политехническом институтах, директором и ректором которых был Михаил Николаевич Дедюкин, талантливый педагог, воспитатель и организатор высшей школы.

В 1953 году наша семья переехала в Пермь. Я был утвержден по конкурсу доцентом кафедры динамической геологии и гидрогеологии госуниверситета, который мы закончили еще в 1939 году, а моя жена, Полякова Фелицата Васильевна, была переведена из Уфимского нефтяного института на кафедру марксизма-ленинизма только что открытого Молотовского горного института. Директором этого института был назначен кандидат технических наук, доцент Дедюкин Михаил Николаевич. Но института еще не было, все начиналось с нулевого цикла. Получив часть арендованного учебного здания строительного техникума и общежитие, Михаил Николаевич решал два главных вопроса – обеспечение института преподавательскими кадрами и проведение приема абитуриентов. Помог университет, который провёл приёмные экзамены и оказал помощь в комплектовании преподавательского состава. Так, мне было разрешено по совместительству работать в горном институте, и приказом по Министерству культуры (№ 162-к от 6.10.1953 г.) я был утвержден исполняющим обязанности заведующего кафедрой геологии и горного дела. Так я оказался в штате горного института. Позднее приказом № 500-к от 30 июля 1954 года по Минвузу я был назначен заместителем директора по учебной и научной работе Молотовского горного института. В этой должности я проработал шесть лет. Как я убедился в дальнейшем, Михаил Николаевич умело подбирал кадры. Мы работали, не считаясь со временем, творчески, энергично, с интересом и ощущали результаты своего труда. К 1960 году горный институт был вполне сложившимся техническим вузом, в котором на всех формах обучения училось более 1600 студентов на 7 специальностях, работало 19 кафедр, 113 преподавателей, из них почти 40% имели ученые степени и звания. Состоялось три выпуска горных инженеров. В горном институте сложился очень хороший, дружный и работоспособный коллектив преподавателей и сотрудников, неплохое студенческое самоуправление. Штат преподавателей и сотрудников в значительной степени

состоял из фронтовиков, окончивших после демобилизации институты и аспирантуру (Дедюкин М.Н., Лушников Е.В., Лютаревич К.В., Василевский С.П., Кузнецов Н.А., Лучников Е.А., Лыхин П.А., Михайловский Г.А., Пальшин М.В., Томилов Ф.М., Рейнер М.Г., Тер-Мхитаров М.С., Ярьско В.Ф., Файнбург З.И., Кристалев П.В., Богатырев Р.А., Дерендяев И.М., Иванов Г.В., Медведев Г.М., Бормонтов М.П., Пермяков М.К., Пономарев Т.А. и др.), составлявших актив института, на который опирался Михаил Николаевич в своей работе.

Михаил Николаевич много времени уделял развитию института, строительству комплекса зданий (учебного корпуса, дома преподавателей, общежитий), осуществлял связь с различными организациями и предприятиями, Министерством. Вся текущая работа (планирование, отчетность, учебная, методическая, научная работа) выполнялась мной, сотрудниками учебной части, заведующими кафедрами, деканами и сотрудниками развивающегося научного сектора (НИС). Достоинством Михаила Николаевича как руководителя было полное доверие подчиненным, предоставление возможности самостоятельно проявить себя в порученном деле. У нас с ним не было каких-либо конфликтных ситуаций. Он был порядочным и творческим человеком, организатором, умеющим работать с людьми, успешно решать иногда возникающие в новом коллективе конфликтные ситуации.

За достигнутые результаты в научной деятельности приказом Минвуза РСФСР № 242-НФ от 5 мая 1960 года была объявлена благодарность и выдана премия директору Горного института, доценту М.Н. Дедюкину и заместителю директора, доценту Е.А. Лушникову. Позднее, 15 сентября 1961 года за большие заслуги в подготовке специалистов и развитии науки Президиумом Верховного Совета СССР были награждены орденами и медалями 11 сотрудников Пермского политехнического института, в том числе ректор М.Н. Дедюкин, проректоры (А.А. Глушков, Е.А. Лушников) и зав. кафедрами, декан.

Пермский политехнический институт был организован приказом Минвуза РСФСР № 540 от 15 июля 1960 года на базе объединения горного института, вечернего машиностроительного и технического факультета госуниверситета. Ректором его был назначен доцент М.Н. Дедюкин, проректором по учебной работе – доцент А.А. Глушков и проректором по научной работе – доцент Е.А. Лушников. В этой должности я проработал до 1 марта 1963 года. Таким образом, я почти 10 лет был заместителем Михаила Николаевича. Но нас связывала не только совместная работа, а то, что мы оба были одного поколения строителей-созидателей и защитников Родины, почти одногодки (1915 г., 1916 г.). Многие черты наших характеров совпадали. Жили мы в одном доме и подъезде, дружили семьями, посещали друг друга, нередко гостили друг у друга, о чем у нас с женой остались самые добрые, сердечные и теплые воспоминания. Я был его доверенным лицом на выборах в Верховный Совет СССР. Человек долга и данного слова, целеустремленный, преданный своему делу, Михаил Николаевич брался за крупные дела, не боясь элементов риска и ответственности. Так было с осуществлением его идеи строительства учебно-научного комплекса на правом берегу реки Камы, чему он посвятил многие годы. На этой базе развивался будущий технический университет, крупнейший вуз Западного Урала.

Михаил Николаевич был всегда доступен и внимателен к людям. В нем не было и тени высокомерия и зазнайства. Его простота в общении, выдержанность, интеллигентность и человечность, готовность оказать помощь другим вызывали глубокое уважение к нему всех, с кем он работал и общался.

К сожалению, он не обращал достаточного внимания на свое здоровье. Вероятно, у него не всегда было благополучно с лёгкими и сердцем. Трагическая гибель единственного сына – Никиты, тяжелые переживания подорвали его здоровье. После операции к нему не вернулась прежняя работоспособность.

Последняя наша встреча происходила у него на квартире, но он уклонился от беседы с нами (со мной и женой), ушел в институт, не хотел показать свои переживания, бессилие перед болезнью. Мы с Фелицатой Васильевной долго беседовали с Людмилой Михайловной, которая подробно рассказала о его болезни, об операции и о своей жизни. Необходимо отдать должное этой мужественной женщине, которая потеряла вначале сына, потом мужа и, наконец, дочь, осталась в жизни одна.

Наша семья уехала из Перми в г. Курск в январе 1971 года, но мы не переставали переписываться с семьей Михаила Николаевича и продолжаем переписку с Людмилой Михайловной и сейчас.

Очень отранно, что ректорат технического университета, председатель Совета ветеранов И.А. Шапорев не забывают Людмилу Михайловну и первого ректора горного и политехнического институтов, чтят память и выдающиеся заслуги этого человека, который на протяжении трех десятилетий (с 1953 по 1982 гг.) в тяжелых условиях, прилагая нечеловеческие усилия, осуществлял строительство и развитие первого технического вуза на Западном Урале и в Приуралье, создавая мощный учебный и научный комплекс современного Пермского государственного технического университета.

На склоне лет, когда уже нет в живых любимых мне людей – жены и дочери, многих друзей и знакомых, я обращаюсь к прожитой жизни и прихожу к выводу, что самым продуктивным, творческим и результативным периодом была наша работа с Фелицатой Васильевной в Молотовском горном, а затем Пермском политехническом институте, которая началась с нашей встречи с замечательным человеком – Михаилом Николаевичем Дедюкиным. Память о нем сохраняется в совершенных делах и в сердцах родных и друзей, многих людей, с которыми он жил и работал.

Ф.Х. ХАКИМОВА

*Кандидат технических наук, профессор,
заведующая кафедрой «Технология целлюлозно-
бумажного производства» АКФ*

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Воспоминания о Михаиле Николаевиче Дедюкине у меня всегда очень добрые, теплые, светлые. В нем всегда органично сочетались таланты ученого, организатора, администратора, общественного деятеля.

При любой встрече с Михаилом Николаевичем я невольно обращала внимание на его интеллигентность, а также открытость, простоту и искренность в общении с собеседником. В то же время уже внешний вид Михаила Николаевича говорил о его фундаментальности, о том, что его слова – это последняя инстанция в решении обсуждаемого вопроса или проблемы. Его суждения по четкости и емкости, он сам – серьезный и решительный невольно рождали аналогию с великим полководцем нашей страны, маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым и его словом и делом в годы Великой Отечественной войны.

Все эти замечательные качества позволили Михаилу Николаевичу успешно строить работу творческих коллективов одного из крупнейших вузов Урала. При этом он уделял большое внимание кадровому вопросу. Для него не было малозначимых дел. В качестве примера – решение кадровых вопросов на кафедре технологии целлюлозно-бумажного производства и моя первая встреча с этим удивительным человеком в 1970 году. Кафедра ТЦБП официально еще не была открыта, но две группы студентов, принятых на специальность «Технология целлюлозно-бумажного производства», учились уже третий год. Близился выпуск, а на кафедре не

было человека с опытом производственной работы. Я к этому времени имела 10-летний опыт работы на производстве и закончила целевую аспирантуру при Ленинградской лесотехнической академии (с защитой диссертации), куда была направлена от Уральского лесотехнического института после окончания его заочного отделения. Мои родные и сын жили в Перми, в Свердловске же решение квартирного вопроса было более чем проблематичным. Однако отпускать готового кандидата технических наук ректор Уральского лесотехнического института (УЛТИ) не собирался. Обращение мое в Министерство образования также не дало результатов. Тогда я обратилась к Михаилу Николаевичу, объяснила ситуацию. Вопрос был решен тут же. Михаил Николаевич позвонил ректору Уральского политехнического института и попросил помочь в решении: повлиять на ректора УЛТИ. Ответ был положительным, решение – незамедлительным.

Исключительное трудолюбие Михаила Николаевича, организованность, целеустремленность, самоотверженная любовь к своему делу, ставшему делом всей жизни, его высочайший авторитет способствовали поднятию престижа нашего института на самый высокий общественный и социальный уровень в регионе.

Все мои воспоминания о Михаиле Николаевиче связаны только с уважением и восхищением им.

Л.М. ВЕДЕНЕВА

Кандидат технических наук, доцент

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ДЕДЮКИНЕ

Чем дальше время отделяет нас от живого М.Н. Дедюкина, тем он становится значительней для нас политехников. Получается как бы обратная перспектива: уходя, человек не

уменьшается, а наоборот, вырастает, и, как мне кажется, причина здесь в одном: многие успехи и достижения, которые имеет наш университет сегодня, были заложены еще в идеях Михаила Николаевича.

Мои воспоминания о М.Н. Дедюкине связаны, в основном, со строительством комплекса за Камой, со студенческими строительными отрядами, с работой в комсомоле. Да так уже сложилось, что и вся моя жизнь связана с политехническим институтом, и во многом её линию определил Михаил Николаевич. Может быть, так мне казалось или хочется думать, а может быть, так и было на самом деле, но Михаил Николаевич относился ко мне как-то по-отечески. Он вообще с уважением относился к людям, независимо от их возраста, положения, которые добросовестно работали на благо и во славу института.

М.Н. Дедюкина можно назвать ректором-строителем. Он всю жизнь строил политех и «лебединой песней», его детищем был комплекс ППИ. На этом поприще и произошло моё личное знакомство с Михаилом Николаевичем.

В семидесятые годы активно развернулось студенческое строительное движение. Местами дислокации строительных отрядов были практически все районы Пермской области. На строительстве объектов Нечерноземья студенты-политехники осваивали ежегодно 5–7 миллионов рублей (это в ценах 1975–1980-х годов). Михаил Николаевич всегда поддерживал строительное движение и интересовался результатами работы стройотрядовцев. На базе института формировались четыре зональных отряда «Уралец», «Западный», «Энергия» и «Политехник». Кандидатуры командиров, комиссаров и начальников штабов этих отрядов подбирал комитет комсомола института совместно с парткомом, но утверждались они только после согласования с ректором института. Первые строительные отряды отделочников появились в 1973 году. Наш отряд «Меллори» необходимые навыки отделочных работ получал на субботниках, которые проходили на

строящихся объектах столовой и корпуса машиностроительного факультета на комплексе. Там многие члены отряда впервые взяли мастерок в руки и получили строительное крещение. Да, надо сказать, что бойцы всех строительных отрядов института участвовали в субботниках на комплексе, и в планах работы на подготовительный период к трудовому лету этот пункт участия был обязательным. За три трудовых лета девушки из отряда «Меллори» стали профессиональными отделочницами. На счету отряда были три завершённых и сданных в эксплуатацию объекта: две школы и один торговый центр. Пермской студией телевидения об отряде был снят документальный фильм «Меллори в Вассятах», который показывали как по пермскому, так и по центральному телевидению. За успехи в производственной и общественно-политической работе в 1975 году отряд был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ и ценным подарком, а меня, как командира отряда, представили к награждению орденом «Знак Почета».

Михаил Николаевич верил в наш профессионализм настолько, что когда зашла речь о ремонте вестибюля главного корпуса института и надо было экономно и быстро провести ремонтные работы во время уже начавшегося учебного семестра, то он предложил: «А пусть Люда со своими девочками займётся этим делом». На что ему И.А. Шапорев мягко и деликатно заметил: «Ну, Михаил Николаевич, не совсем удобно будет привлекать на эти работы девушек. Представляете, студенты ходят толпами, а Люда с мастерком в грязном комбинезоне стоит возле колонны и приклеивает плитку. Как она себя будет ощущать?». На что Михаил Николаевич ответил: «А что тут особенного? Она ведь работать будет, а не танцевать».

Комплекс ППИ за Камой строился в режиме величайшей экономии. Михаил Николаевич использовал все возможности, чтобы привлечь внимание областных, городских партийных органов, Министерства образования к нашим проблемам и получить от них помощь. И когда институту

предоставляли трибуну для выступлений, то зачастую он отдавал её студенческой молодёжи, чтобы та от себя озвучивала эти проблемы. Так, перед Пленумом обкома КПСС и встречей в Министерстве образования во время XVIII съезда комсомола Михаил Николаевич попросил, чтобы в моих выступлениях обязательно прозвучала просьба к руководству области и руководителям крупных предприятий о спонсировании, а к министру – об увеличении финансирования строительства новых корпусов института.

Зональный отряд «Политехник» формировался на базе строительного факультета. Бойцы этого отряда работали на строительстве общежитий и учебных корпусов на комплексе. Летом 1978 года командиром ЗССО «Политехник» был В. Мальцев, начальником штаба – В.А. Меркушев, а комиссаром – я. Перед началом строительного сезона Михаил Николаевич пригласил нас к себе в кабинет и дал напутствие. Дело в том, что с контингентом этого отряда было работать не так-то легко, так как студенты работали в счет производственной практики и, естественно, особого энтузиазма не проявляли и на стройке не «горели». Но тем не менее они помогали расти комплексу, внося свой ежегодный вклад. Михаил Николаевич просил нас создать в отряде такую обстановку, чтобы ребята осознавали, что они делают важнейшее дело и своим трудом вписывают себя в историю политехнического института. И к осени 1978 года кирпичные стены общежития (ныне это общежитие электротехнического факультета) были возведены, но отделочные работы не выполнены. По тем временам строительство такого 9-этажного здания обходилось примерно в 1 миллион рублей. Министерство образования выделяло нашему институту ежегодно на новое строительство этот миллион. И если за год институт его не осваивал, то на следующий год финансирование сокращалось. Бригада отделочников треста № 14, которая тогда работала на стройке, за столь короткий срок до нового года не могла осилить таких

объемов. Тогда Михаил Николаевич принял решение выполнять отделочные работы силами студентов. Он пригласил меня к себе где-то в конце сентября, извинился за то, что срывает с работы, объяснил ситуацию и просил организовать процесс отделочных работ. Было несколько вариантов. Один из них – собрать всех стройотрядовцев-отделочников и им поручить выполнение этих работ. Но так как девочки только что закончили свои трудовые семестры, ещё не успели отдохнуть, да и снимать их на целый семестр с занятий было бы не совсем правильно, поэтому остановились на втором варианте: приказом ректора с каждого из факультетов снимались с занятий на 2 недели по 75–100 человек. Моя задача была организовать их обучение отделочным работам (за 3–4 дня) и затем расставить по рабочим местам и определить объем выполняемых работ. И надо сказать, эта идея была неплохо реализована. И всё шло гладко, пока на улице стояла теплая погода. Но с наступлением холодов начались проблемы. Застывал раствор, и его нельзя было подавать на верхние этажи здания с помощью насоса и шлангов. Поэтому раствор приходилось разогревать с помощью печек-буржоек, которые мы устанавливали в ящик с раствором. Топили буржуйки по ночам, чтобы наутро пришли рабочие и тепленький раствор закачивали в здание. Эти ночные бдения я и сейчас вспоминаю как некоторые экстремальные ситуации своей жизни. К Новому году мы работы завершили, общежитие было сдано в эксплуатацию с небольшими недоделками, а институт получил на строительство в следующем году от Министерства полное финансирование. Михаил Николаевич поблагодарил меня за проделанную работу, сказал, чтоб я занялась наукой, и что меня для выполнения общественных поручений такого характера пока не будут привлекать.

Но не прошло и двух месяцев после Нового года, как стали готовиться к проведению отчетно-выборной комсо-

мольской конференции института. Встал вопрос о переизбрании секретаря комитета комсомола. Почему-то партком института (зам. секретаря Ю.П. Сирина) и секретарь обкома комсомола Л.С. Захарова настоятельно рекомендовали меня на эту должность. А мне и вовсе не хотелось тогда примерять на себя этот чин, поскольку я знала, насколько это хлопотно и тяжело. На кафедре уже наметилась интересная работа, да у меня уже и настрой был совсем другой. Тогда подключили Михаила Николаевича, и разговор он начал с того, что помнит о данном мне слове, приносит извинения за то, что снова обращается с просьбой – согласиться на должность секретаря комитета комсомола института. Я ему говорю: «Михаил Николаевич, неужели в вузе, где обучается 14 тысяч студентов только дневного отделения, не найдется парня, энергичного, грамотного, который бы возглавил комсомольскую организацию института». На что он мне ответил, выдержав паузу и закурив: «Понимаешь, Люда, иногда отношение к целой организации зависит от отношения к конкретному человеку, который возглавляет эту организацию. И в настоящий момент в качестве такого человека мы видим тебя». Ну и как же мне было дальше сопротивляться, если сам Михаил Николаевич сказал мне такие слова. Так я оказалась в роли секретаря комитета комсомола института.

Михаил Николаевич всегда внимательно следил за общественной жизнью в институте, за настроением молодежи. Он поддержал идею проведения совещания, в котором принимали участие комсомольский актив ППИ, комсомольские руководители ведущих предприятий города и представители их администрации. Предметом разговора на совещании было повышение качества профессиональной подготовки специалистов, воспитания специалистов и укрепления связи с производством. Сам Михаил Николаевич не мог присутствовать на этом мероприятии, но поручил представлять администрацию института проректору по учебной работе Ю.А. Бурьяну.

В рамках подготовки к празднованию 110-й годовщины со дня рождения В.И.Ленина проходил зачет по общественно-политической практике (ОПП). Для аттестации по ОПП актива факультетов М.Н. Дедюкин предоставил свой кабинет, в котором стояли знамена института. И для многих студентов возможность посетить кабинет самого ректора была уже формой поощрения. Сохранились фотографии с этих аттестаций, где на фоне знамен улыбающийся Михаил Николаевич окружен активистами.

Когда стало известно, что соревнование по биатлону в рамках III Всероссийских студенческих зимних игр поручено подготовить политехническому институту, нашлось немало скептиков, сомневающихся в успешной подготовке лыжной базы «Увал». Они аргументировали свои сомнения тем, что слишком много предстоит доделать на базе за такой короткий срок. Но сомневающихся были единицы, а за дело взялся институт. Был создан оргкомитет, работу которого возглавил сам ректор М.Н. Дедюкин. И на «Увале» закипела работа. Как всегда, выручали студенты: на базе организовывались субботники, и многие студенты добровольно жертвовали своими выходными днями. И к началу зимних игр, которые открылись 1 марта 1980 года, база была подготовлена, да так, что специалисты, принимавшие трассу, сказали, что здесь можно проводить соревнования стреляющих лыжников любого ранга, вплоть до международных. За шесть месяцев были построены раздевалки, помещения для хранения оружия, восстановительный центр, на стадионе сооружены трибуны для зрителей, оборудовано прекрасное стрельбище на 24 мишени, подведена и асфальтирована дорога. И, действительно, соревнования прошли отлично. Общекомандную победу среди облсоветов одержали пермяки. А вот среди вузов наш политехнический занял только второе место, пропустив на первое Белорусский институт физкультуры. И хотя Р. Валеев, который выступал за команду ППИ и от которого все ждали победы,

не занял призового места, итоговыми результатами все были довольны. Был доволен и Михаил Николаевич.

Однажды Ирина Шухта, редактор молодёжной редакции Пермской студии телевидения, сказала мне: «Как-то не звучит название вашего института «за Камой». Уж больно оно ассоциируется с другим комплексом («Майский»). Вот то место, где сейчас возвышаются новые учебные корпуса и общежития, когда-то называлось «Оленьи горы». Московский государственный университет стоит на Воробьёвых горах, а ваш ППИ пусть будет стоять на Оленьих горах». Когда я об этом разговоре сказала Михаилу Николаевичу, он задумался, как всегда закурил, а потом сказал: «Идея интересная. В этом что-то есть. Надо подумать». Но, к сожалению, в то время Михаил Николаевич уже сильно болел, и многие его идеи, в том числе и о переименовании комплекса ППИ, остались нереализованными. Но главная его идея – строительство института за Камой осуществилась и комплекс является ему величайшим памятником.

Г.А. ТИМОФЕЕВА

*Кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Экономика и организация промышленного производства»*

РАДУЖНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Мои воспоминания о первом ректоре ПГТУ будут связаны, прежде всего, с танцевальным ансамблем «Солнечная радуга» под руководством народного артиста России И.А. Шаповалова. Возникновение и становление этого коллектива в начале 70-х годов осуществлялось при полной поддержке Михаила Николаевича и понимании им социально-психологической роли студенческих коллективов художественной самодеятельно-

сти в нравственном воспитании молодежи и формировании творческой активности будущих инженеров.

Вспоминается 12 декабря 1975 года. «Солнечная радуга» отмечает свой 5-летний юбилей и присвоение звания «Народный коллектив». Праздник проходил на сцене ДК им. Ленина. Михаил Николаевич приехал на это, казалось бы, не самое важное для ППИ событие, поздравил нас и, можно сказать, благословил на долгие радужные десятилетия.

В 1978 году наш коллектив в составе советской делегации был приглашен к участию на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване. Художественной группе делегации (это более 500 человек) были поставлены конкретные задачи: подготовить и показать самый лучший в мире Гала-концерт и выступать самостоятельно на различных сценических площадках Фестиваля. Для подготовки этого всемирного действия были подключены самые именитые творческие работники страны, профессиональные исполнители и лидерские по тем временам коллективы: Симфонический оркестр ГОСТЕЛЕРАДИО под управлением Ю.Силантьева, Московский цирк под управлением Г.Каштеляна, звезды советского балета, ВИА «Пламя», «Самоцветы», Р. Рождественский, И. Кобзон, Л. Лещенко, В. Винокур, Г. Хазанов, Татьяна и Сергей Никитины, И. Понаровская, ансамбль «Сувенир» и т.д. И только два самодеятельных коллектива были приглашены к участию в этой работе: танцевальный ансамбль «Молдовеняска» (г. Кишинеу) и «Солнечная радуга» (г. Пермь).

К поездке на Кубу нас готовили капитально, почти как космонавтов: тренировки (репетиции), выступления, собрания, лекции, торжественные встречи и мероприятия в Перми, Москве и Ленинграде.

Для отправки советской делегации в Гавану был предоставлен самый классный по тем временам океанский лайнер «Шота Руставели», который обслуживал тогда только иностранцев, т.е. «работал на валюту».

После торжественных проводов в Ленинграде нас привезли в порт и разместили на 11 палубах этого теплохода. Мы заняли свои комнаты (каюты) и ждали, когда лайнер «отдаст швартовые». Вдруг по динамикам разносится голос капитана: «СТОП команда! «Солнечная радуга»! Срочно отправьте представителя на берег! К вам приехал ректор!». Мы бросились к окнам, на палубу и видим – внизу на пустом, но хорошо охраняемом километровом пирсе стоят две человеческие фигурки – М.Н. Дедюкин и И.А. Шапорев. Оказывается, наши руководители приготовили нам сюрприз – буклеты о нашем коллективе, смогли проникнуть в порт и передать их нам. Буклеты были выполнены на высочайшем полиграфическом уровне, красочно, художественно, интересно. По тем временам изготовление такого рода продукции представляло не только огромную организационно-техническую задачу, но и являлось дерзким инновационным проектом. Само понятие «реклама» было знакомо советскому народу только по художественной литературе, а тиражирование самых невинных текстов называлось «самиздатом» и было уголовно наказуемо. Промышленное, типографское издание любого информационного сообщения требовало долгих проверок на секретность и ДСП (для служебного пользования).

Позже мы поняли, что этот сюрприз – не только для нас, этот сюрприз был для всех участников Всемирного фестиваля. После первых дней репетиций и концертных выступлений нашего коллектива на «ШОТЕ», столичные звезды стали искать город Пермь на карте, а в барах, ресторанах, магазине «Березка», практически везде, где были витрины и полки, появились наши буклеты. Они легко вписались в евродизайн нашего многоэтажного плавучего дома и реально украшали его. Только русские буквы «выдавали» происхождение этой продукции: «Солнечная радуга», Пермский политехнический институт, 1978 г. (ответственный за выпуск – И.А. Шапорев).

Воспоминания о нашем первом ректоре хотелось бы продолжить фрагментом сценария, подготовленного нами

к 30-летию «Солнечной радуги». Юбилейный концерт проходил на сцене ПГТУ 28 января 2000 года. Ведущие – Андрей Кибанов (А), Галина Тимофеева (Г):

– А.: Галка, а помнишь, как Михаил Николаевич, встретив нас в коридорах Политеха, пожал тебе руку и сказал: «Вы – знамя нашего института!»?

– Г.: Да, и на нашем знамени «Солнечной радуги» всегда были начертаны слова самого высокого человеческого значения. И сейчас мы стараемся передать это нашим детям и нашим студентам».

Идейно-воспитательное значение сценического искусства студентов, художественной самодеятельности в вузе было поднято М.Н. Дедюкиным на очень высокий уровень. Сейчас можно сказать, что это стало исторической тенденцией в ПГТУ. Мы же всегда знали, что за нами стоит М.Н. Дедюкин, его поддержка теплым человеческим словом и делом.

И сегодня мы, уже ветераны художественной самодеятельности, благодарны нашему первому ректору за счастливые студенческие годы, давшие нам дополнительный импульс творческого развития и самореализации в дальнейшей профессиональной деятельности.

Б.А. БАЛАШОВ

Доцент кафедры

«Автомобили и автомобильное хозяйство»

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ М.Н. ДЕДЮКИНЕ

За прожитые мною 73 года жизнь сталкивала меня с разными людьми: хорошими, очень хорошими, не очень хорошими в Перми, Монголии, Москве. Но М.Н. Дедюкин был одним из немногих, о работе с которым на протяжении 27 лет мне всегда приятно вспоминать.

Первое, что мне запомнилось, это роль Михаила Николаевича в моем поступлении (в 1955 году) в Пермский горный институт. Сдал я все нормально, даже больше того: помню, что было шесть экзаменов, и в листе стояли шесть «пятерок». Но вот ведь незадача! Комиссия по зачислению должна была заседать спустя несколько дней, а мне приходит повестка в военкомат (кружка, ложка, вещмешок и «под ружье»). Что делать? Иду в институт и прямо к ректору. Посмотрел он мой экзаменационный лист и говорит секретарю: «Таисья Федоровна, выпишите ему справку, что он зачислен». А зачислен я еще не был. Времена были совершенно другие, превышение власти не приветствовалось, но Дедюкин смело и не раз (как я после видел) брал на себя ответственность, вопреки формальным правилам.

Ещё один случай, свидетельствующий об огромной (большой) выдержке Михаила Николаевича. В те годы он усиленно развивал периферийные центры института в городах Березники, Лысьва, Чайковский. Один из проректоров был категорически против этих центров. Вынесли вопрос на партийный комитет для того, чтобы определиться с дальнейшим путем развития или постепенной приостановкой работы периферийных подразделений. Выступления были разные. Кто-то поддерживал идею Дедюкина, кто-то – нет. Но, что характерно, за все время Михаил Николаевич не подал ни одной реплики, дав тем самым членам парткома возможность самим разобраться и принять решение. Он не сделал ни малейшей попытки надавить на членов парткома. Партком поддержал начинание ректора.

В ряде случаев, когда того требовали обстоятельства, Михаил Николаевич мог быть достаточно строг. Помню случай, когда на совещании, где присутствовали 15–20 человек, он объявил одному заведующему кафедрой выговор за опоздание к началу учебного года на 12 дней, когда тот объяснил, что не мог купить билет на электричку от Кунгура (90 км от Перми).

Михаил Николаевич был человеком большой скромности. У него были персональная машина и персональный водитель (Иван Васильевич). Но он старался не тревожить водителя в субботние и воскресные дни. А необходимость поездок возникала. Зная мою привязанность к машинам, он звонил накануне и обязательно спрашивал, чем я занят на следующий день. Только прояснив это, он обращался с просьбой увезти его, например, в аэропорт, спортивный лагерь или куда-нибудь еще. Я всегда это делал с большим удовольствием. Было приятно поговорить с ним в спокойной, несуетной обстановке.

Еще один случай говорит о большой выдержке Михаила Николаевича и поистине питерском (довоенном) воспитании. Комплекс ППИ входил в строй. Входил он не одновременно, но аэрокосмический факультет уже работал на комплексе. А связи с городом не было никакой. От города до комплекса можно было добраться только автотранспортом. Михаил Николаевич, будучи делегатом партийного съезда, договорился с закрытым, оборонным предприятием, как, не знаю, что нам выделяют комплект радиотелефонной аппаратуры. Я был отправлен старшим на двух машинах в Москву за этим комплектом. Под Самарой пропала одна из машин – никаких следов, а, как впоследствии выяснилось, водитель был страстен к алкоголю. Мы сообщили в Пермь о случившемся, доехали до Москвы, сообщили органам ГАИ, нашли фирму, получили груз и стали ждать, когда что-то прояснится. Дедюкин был, оказывается, в командировке в Москве, пригласил меня приехать в гостиницу «Университетская». Судя по разговору, он о происшествии уже знал. Мы выпили чаю, позвонили в Пермь, нам дали слабенькую «защепку», что машину нужно искать в районе метро «Сокол». Я этот район хорошо знал. Вечером сел в автобус (наугад, по собственному разумению) и доехал до конечной остановки, с час бродил по дворам и нашел пропажу. Так вот, Михаил Николаевич удивил

меня в этой истории тем, что не сказал мне ни одного нехорошего слова. Думаю, такие руководители уже перевелись.

В 1976 году, когда я был назначен заведующим кафедрой «Автомобили и автомобильное хозяйство», остро встал вопрос о преподавательских кадрах. Студенты в это время заканчивали второй курс, а осенью на третьем курсе их ждали спецпредметы, читать которые было некому. Я обратился к знакомому в «Пермтрансавто» с просьбой выручить, некому читать курс «Техническая эксплуатация автомобилей». Он, немного подумав, говорит: «А ты знаешь, есть такой специалист. Он на днях ушел от нас с должности заместителя начальника отдела. Беда в том, что он, похоже, устроился на работу и сегодня должен уехать из города на пару недель. Но ты все-таки попробуй поговорить с ним». Речь шла о П.П. Винсе. Я нашел его, уговорил, хотя это было непросто. Он забрал трудовую книжку, и я занялся его трудоустройством в институт. Проректором по учебе был в то время Ю.А. Бурьян, человек, с которым у меня всегда (и до сих пор) были и есть отличные отношения. Я ему рассказываю, что и как, и прошу принять П.П. Винса старшим преподавателем. Надо понимать, что времена были другие, это сейчас можно стать доцентом и без степени, и без звания. Так вот, Ю.А. Бурьян мне говорит, что может принять П.П. Винса только ассистентом. Я и с одной стороны убеждаю, и с другой, но он, будучи проректором по образованию, никак не возьмет в толк, что кандидатов по нашей специальности в Перми вообще нет. Что мне делать? Иду к Михаилу Николаевичу. Рассказал о Винсе П.П., о том, что с Бурьяном общего языка найти не могу. Михаил Николаевич без лишних слов пишет на заявлении: «Зачислить на должность старшего преподавателя». П.П. Винс работал на кафедре более 15 лет, сменил меня на должности заведующего (не без моего участия). С 1993 года он живет в Германии.

В 1973–74 годах во время одного из разговоров у Михаила Николаевича в кабинете он спросил меня, почему я не в партии. Попутно он мне растолковал, что, не будучи членом партии, рассчитывать на какое-то продвижение по службе бессмысленно. Открывает ящик стола, достает лист: «Вот тебе моя рекомендация, а дальше – как знаешь». С его легкой руки пробыл я в партии четверть века и не просто пробыл, а два состава был членом парткома, в 1974–75 годах руководил от имени парткома коллективом института в строительстве закамского комплекса института. Оглядываясь назад, можно сказать, что сделано за те годы немало хороших дел.

Еще одно воспоминание о Михаиле Николаевиче связано с аспирантурой. Как-то он меня спрашивает, а не собираюсь ли я в аспирантуру. К тому времени после окончания МАИ им. Орджоникидзе я проработал в институте три года. Я говорю, что об этом я не думал: работа, семья, обязанности зам. председателя профкома института. М.Н. Дедюкин: «Работа – работой, семья – семьей, а поезжай-ка ты в Москву и договаривайся об аспирантуре». Был этот разговор в середине лета. Осенью 1965 года я поступил в аспирантуру МАИ (в Перми по этой специальности аспирантуры в то время не было). Москвичи задачи мне очень непростую задачу, решение которой затянулось до 1972 года (до защиты). За это время Михаил Николаевич неоднократно сам бывал в МАИ, интересовался моими делами. Так он растил первое поколение «остепененных» преподавателей для молодого политехнического института.

Беседа с проректором
И.В. Пахомовым. 1973 г.

1954 г.

Выступление ректора. Май, 1976 г.

Торжественное заседание, посвященное
Дню Советской Армии. 1978 г.

Обмен мнениями.
Март, 1974 г.

Доклад ректора,
посвященный 7-му ноября.
Ноябрь, 1977 г.

Заседание ректората. Май, 1976 г.

Ректорский семинар. Июнь, 1961 г.

**Вручение секретарем Обкома И.П. Быковой
правительственной награды. Декабрь, 1976 г.**

**Секретарь Обкома И.П. Быкова в Политехническом
институте. Декабрь, 1976 г.**

Секретарь Паркома Ю.Г. Ковалев поздравляет ректора с правительственной наградой. 1976 г.

Поздравление коллег

**И.П. Быкова демонстрирует
Орден Октябрьской Революции**

Аплодисменты в честь награждения

Ответное слово ректора

Михаил Николаевич читает Орденскую книжку

Поздравление коллектива «Солнечной радуги»
с присвоением звания «народный». Декабрь, 1975 г.

**Расширенное заседание Ученого совета института
посвященное 60-летию ректора М.Н. Дедюкина.
Октябрь, 1976 г.**

Встреча в 2006 г. выпускников группы АПП-56

Надгробье на могиле
М.Н. Дедюкина

Главный корпус ПГТУ

Пейзаж комплекса

**Студенческое общежитие
на комплексе**

М.Н. Дедюкин. 1983 г.

Руководство Политехнического института на трибуне,
по случаю эстафеты

Эстафета на приз газеты «Ленинец»

Старт эстафеты на Октябрьской площади

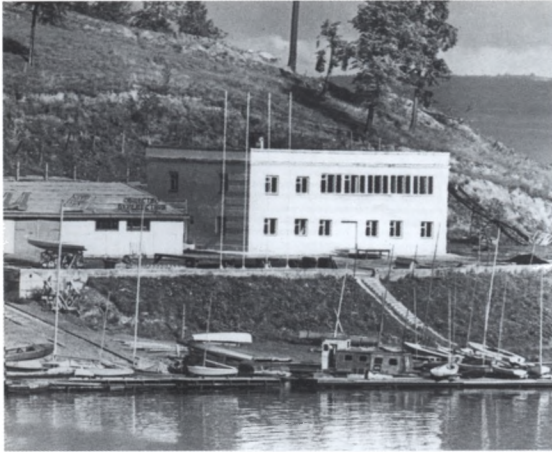
Легкоатлетический пробег
«Мемориал Дедюкина»

Эстафета на приз газеты «Ленинец»

Спортивная эстафета на комплексе

Общий вид
яхт-клуба «Бриз»

На лыжной базе
«Увал»

Столовая
в спортивном
лагере

П. ВДОВИН

Член Союза писателей СССР, полковник

НЕТ, НЕ УМЕР ПРОФЕССОР ДЕДЮКИН

С пышной ветки на древе науки,
Год от года родившей бойчей,
Добро сеял профессор Дедюкин,
Будто пахарь с сумой на плече.

Он был рад зеленеющим всходам
И побегу любовно растил,
И трудился на благо народа,
Не жалея затраченных сил.

Следил зорко, как с этих посевов
Вырастала достойная рать.
И в сердца молодежи он сеял
Свою жажду творить и дерзать.

Как грибы, выростали строенья.
Словно юность, наука цвела.
А дела не узнают старенья,
Если пользу приносят дела.

И коллеги, и «дети», и «внуки»
Продолжают деянья его...
Нет, не умер профессор Дедюкин!
Он в сердцах наших вечно живет.

02.08.1982 г.

А.В. МОЛОДЧИК

*Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой*

«Менеджмент и маркетинг», директор РМЦПК ПГТУ

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

Большое видится на расстоянии, а расстояние в жизни – это прошедшие годы и собственный опыт. Вот уже нам, соратникам Михаила Николаевича Дедюкина по «политеху», под шестьдесят, а в то время было меньше тридцати!

Многие могут сказать то же, что и я: он оказал решающее влияние на карьеру и всю последующую жизнь. Но у каждого – это своя история, например, такая, как моя. До сих пор в своём архиве я храню приказ, подписанный Михаилом Николаевичем: «Назначить Молодчика А.В. деканом Специального факультета переподготовки кадров по новым перспективным направлениям науки и техники». Безусловно, Михаил Николаевич шёл на риск, поручив новое дело, находившееся под контролем обкома КПСС, молодому, «зелёному», не имеющему опыта руководящей работы, да ещё и беспартийному преподавателю. В этом вся суть ректора М.Н. Дедюкина: уметь видеть новое, не бояться брать на себя ответственность, быть наставником и примером отношения к профессии и окружающим людям. Можно сказать о нём словами китайской мудрости:

«Плохой лидер – тот, кого народ презирает.

Хороший лидер – тот, кого народ уважает.

Великий лидер – тот, кому народ говорит:

«Мы сделали это сами».

Михаил Николаевич был хорошим и великим лидером одновременно. Вероятно, эти качества заложили хорошую школу для его последователей.

В.А. ЛАЛЕТИН

*Кандидат технических наук, доцент, заведующий
кафедрой «Дизайн, графика и начертательная
геометрия», декан ФАД (1974 – 1983 гг.)*

ЭТО БЫЛИ ИНТЕРЕСНЫЕ ГОДЫ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Для всех, кто работал под руководством Михаила Николаевича, это время останется в памяти.

Это был человек высокой эрудиции, с большим авторитетом, и мы, в то время молодые и «зеленые», смотрели на него, как на Бога.

В 1966 году, когда меня назначили на должность начальника пионерского лагеря «Мечта», и мне довелось с ним работать. Для меня это была проверка на зрелость. Отказываться было нельзя, просто этого я не смог бы сделать. На территории лагеря была столовая и только один корпус – для малышей. Остальные – пионеры и сотрудники жили в палатках. Было непросто, ведь надо было не только организовать процесс отдыха, но и создавать материальную базу.

Следующая наша с Михаилом Николаевичем встреча по работе состоялась в 1974 году, когда мою кандидатуру выдвинули на должность декана факультета «Авиационные двигатели». Помню, звонит он мне домой и спрашивает: «Ты согласен быть деканом?». Со мной уже была проведена работа, поэтому я не удивился. Я согласился, но поставил три условия: первое – в течение года никто не мешает моей работе, второе – отремонтировать деканат, третье – одному из заместителей декана дать ставку старшего преподавателя. «И всё?», – спросил Михаил Николаевич. «Да», – ответил я. «Так мало», – удивился Михаил Николаевич.

Он был неплохим дипломатом. Однажды на большом Учёном совете он произносит, указывая на меня: «Вот мастер спорта, декан АДФ не хочет строить стадион на комплексе». А я впервые об этом слышу. После заседания подхожу к нему и говорю: «Не было такого разговора». И слышу в ответ: «А ты согласен?». Попробуй, откажись. И пришлось строить. Затем построили ещё и лыжероллерную трассу.

В те годы ректорат, партком и профком очень много внимания уделяли соцсоревнованию. Факультеты возглавляли самолюбивые деканы. Среди них Ю.Н. Иванкин, Г.Г. Диркс, А.Е. Красноштейн и другие. На факультетах была прекрасная наглядная информация, художественная самодеятельность, проводились конкурсы среди общежитий, спартакиады для студентов и преподавателей. В спартакиадах активное участие принимали деканы и заведующие кафедрами. ППИ славился художественной самодеятельностью и спортивными достижениями. Сборная команда преподавателей и сотрудников почти всегда была первой в спартакиадах «Дружба» среди вузов Урала и Сибири. В нас тогда очень силен был дух патриотизма. Prestиж факультета был очень важен.

Благодаря Михаилу Николаевичу традиции, заложенные им, сохранились в Пермском государственном техническом университете на долгие годы.

А.И. ЦАПЛИН

*Декан факультета прикладной математики
и механики, доктор технических наук, профессор*

ШКОЛА ДЕДЮКИНА

Михаила Николаевича Дедюкина как ректора я знал со студенческих лет, но личное знакомство произошло в 1975 году.

В тот год в моей жизни произошло много событий. Закончил аспирантуру на кафедре «Динамика и прочность

машин» (ДПМ), защитил диссертацию. Родился второй сын, и очень остро встал вопрос жилья, т.к. в двухкомнатной квартире родителей жены, и без того тесной, было сложно разместить даже детскую коляску. Поэтому предложение переехать на работу в Свердловск, сделанное мне В.М. Нисковских, главным конструктором Уралмаша, с которым я тесно сотрудничал, учась в аспирантуре, оказалось как нельзя кстати. Должность заведующего лабораторией в НИИ тяжелого машиностроения и квартира в Свердловске разрешали многие мои проблемы. С просьбой отпустить в Свердловск я и пришел на прием к ректору.

Михаил Николаевич внимательно меня выслушал, прикурив от выкуренной сигареты следующую и, после недолгой паузы, сделал встречное предложение – поехать в город Чайковский и возглавить работу филиала политеха. От этого предложения и от следующего – ехать на несколько лет руководителем Березниковского филиала института – я отказался, мотивируя отказ тем, что не хотел бы снижать темпы научной работы и уезжать из областного центра, решая только квартирный вопрос.

В конце концов, Михаил Николаевич пообещал решить мою жилищную проблему в течение года и попросил, наряду с преподаванием теоретической механики, поработать начальником пионерского лагеря «Мечта», входившего вместе со спортивным лагерем «Политехник» в зону отдыха института.

В институте было известно, что если ректор что-то пообещал, он слово выполнит. И я остался в Перми. А летом 1976 года Михаил Николаевич выполнил свое обещание.

Для меня же работа в лагере оказалась настоящей школой управления и ответственности.

В то время зону отдыха, в том числе и пионерский лагерь «Мечта», готовили к открытию летних сезонов «всем миром». На субботники выезжали преподаватели и сотрудники почти всех кафедр и служб института, так что за короткое время круг моих знакомств стремительно расширился.

В мои обязанности как начальника лагеря входили вопросы, решать которые приходилось не только с профкомом, но и с различными институтскими службами. Не все проблемы разрешались одинаково быстро и гладко, однако я старался работать самостоятельно, не отвлекая ректора от более важных дел. Но однажды все-таки пришлось прибегнуть к его вмешательству.

В лагере не работала резервная система пожаротушения. Начиная с весны, еще до заезда первой лагерной смены, я пытался решить вопрос в административно-хозяйственной части института, но проблема таковой и оставалась почти до середины лета. Зона отдыха заполнена отдыхающими, лето засушливое, Бог знает, что случится! И от отчаяния я пошёл к Дедюкину, который отдыхал рядом, в спортивном лагере.

Реакция ректора была мгновенной. Михаил Николаевич прервал отдых, выехал в город, собрал на другой день короткое совещание, на которое часть ответственных исполнителей отозвал из отпуска, и проблему решили. Уже на следующий день дизель-генератор был запущен, и забившая на большую высоту струя воды из пожарного шланга стала событием дня в пионерлагере «Мечта».

Пока ректор отдыхал в «Политехнике», мы изредка встречались.

По утрам, задолго до общего подъема, Михаил Николаевич любил гулять в одиночестве по берегу Камского моря, а я в это время делал ежедневный обход лагерной территории и, как правило, планировал дневную работу. Неожиданные встречи с ним в эти ранние часы были радостными для меня. Мне нравились интонации, с которыми он произносил моё имя во время приветствия. Мне нравились его неторопливость, какая-то домашность, простота. Беседовали мы на разные темы, но почти всегда встреча заканчивалась разговором о перспективах развития зоны отдыха политеха...

А спустя некоторое время мне посчастливилось работать непосредственно с Михаилом Николаевичем.

В те годы в институте, да и в городе в целом, большое внимание уделялось научно-исследовательской работе студентов (НИРС) как важнейшей форме активной подготовки инженеров, молодых преподавателей, ученых. В Перми работал городской Совет по НИРС, в который входили проректоры по науке всех вузов, представители городских общественных организаций. Возглавлял Совет М.Н. Дедюкин. Он и предложил мне поработать ответственным секретарем этого координирующего органа.

К тому времени я уже был доцентом кафедры теплотехники. Работа ответственного секретаря была общественной (хотя в подчинении у меня была штатная секретарь-машинистка) и заключалась в сборе и обобщении информации для ежемесячных заседаний членов Совета, в организации этих заседаний, в организации городских мероприятий – студенческих олимпиад, научных конкурсов. Естественно, мне приходилось готовить информацию по НИРС к публичным выступлениям Михаила Николаевича, и меня всегда удивляла его способность в большом потоке показателей выделить главное, увидеть основные проблемы и кратко, доступно обозначить их в своих выступлениях.

Иногда по поручениям Михаила Николаевича я ездил в Министерство образования в Москву. Помню случай, когда вместе с несколькими посетителями я ожидал приема к заведующему отделом этого министерства. Когда мы представились женщине-секретарю, оказалось, что рядом со мной, начинающим доцентом из далекой Перми, ждут приема значительно более солидные люди – проректора известных вузов, профессора из различных городов. Однако секретарь, узнав, что я представляю пермского ректора Дедюкина, предложила мне пройти на прием первому. Я понял, что нашему ректору,

решая проблемы динамично развивающегося института, часто приходилось бывать в министерстве, и он пользовался там известностью и большим авторитетом.

Позже, работая на кафедре теплотехники, я совсем редко встречался с Михаилом Николаевичем, так как был увлечен научной работой. Под моим руководством работала студенческая научно-исследовательская лаборатория, в которую входили аспиранты, студенты разных курсов специальности ДПМ, а также школьники старших классов. Работы были договорными. Мы решали по заданию для Уралмаша реальные проблемы электромагнитных и других воздействий на кристаллизующиеся слитки методами математического моделирования. Результаты компьютерного моделирования были противоречивыми, требовался эксперимент. Подходящая оптическая установка нашлась на кафедре общей физики. Её доработали, сконструировав специальные термостатирующие устройства, основанные на прокачивании жидкого хладоносителя с низкой вязкостью. Существующие антифризы для получения отрицательных температур нескольких десятков градусов по Цельсию успеха не приносили, и мы поняли, что проблему решит чистый спирт. Но для достаточного заполнения термостата требовалось его ни много, ни мало, а целых 20 литров. Опытного кафедрального завлаба, который располагал спиртом только «в объеме пузырька для протирки оптических осей» наши потребности изумили, и я вынужден был обратиться к ректору.

После моего полного оптимизма и надежды предисловия Михаил Николаевич долго молча курил, по привычке прикуривая очередную сигарету от догорающей, а потом спросил: «Ты понимаешь, Алеша, о чем ты просишь?». В масштабах страны еще не велась кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом, но в институте за появление в нетрезвом виде вполне могли уволить с работы, а я прошу ректора

подписать заявку на такое количество спирта! И ректор... подписал!

Проведенные эксперименты оказались успешными. С их помощью мы выбрали адекватные компьютерные модели. Полученные результаты легли в основу трех кандидатских диссертаций и позволили обосновать теоретические положения в моей докторской диссертации.

По прошествии времени я узнал еще один любопытный факт из биографии Михаила Николаевича.

В 1964 году он за одну короткую встречу поверил молодому профессору А.А. Поздееву и дал ему возможность организовать в нашем институте новую кафедру, которая стала готовить не просто инженеров, а инженеров-исследователей. И эта кафедра в настоящее время самая результативная в нашем вузе по количеству выпускников, получивших ученые степени, 37 её питомцев защитили докторские и более 200 – кандидатские диссертации.

Сегодня я с гордостью отмечаю: мне посчастливилось учиться у двух замечательных людей. Первый – это профессор А.А. Поздеев, заведующий кафедрой ДПМ, научный руководитель моей кандидатской диссертации. Второй – ректор М.Н. Дедюкин, который является для меня примером талантливого организатора, перспективно мыслящего руководителя, способного увлекать людей на решение проблем всего института.

Политехнический институт сегодня называется техническим университетом. Он успешно развивается в новых, рыночных, условиях. И в этом – заслуга и жизненный успех его первого ректора, профессора Михаила Николаевича Дедюкина.

В.М. ВИНОКУР

Доктор технических наук, профессор

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ...

Вглянитесь в портрет этого человека с удивительно теплым взглядом. Это портрет Михаила Николаевича Дедюкина – первого ректора, а точнее, создателя Пермского Политеха. Так вот о взгляде: много позже, уже работая в институте, понимая всю сложность управления и развития этого комбината знаний, мы поняли цену этого взгляда, устремленного глубоко в будущее.

Я коренной пермяк, поэтому отлично помню колхозный рынок, который начал вытеснять строящийся ПОЛИТЕХ. И он поднялся, этот колосс Ленинского района. И мы, в ту пору школьники, благоговейно взирали на храм науки и знаний и страшно завидовали тем, кто уже получил право на вход с заветным синим студенческим билетом.

В 1962 году пробил час, когда мы, успешно сдав 5 экзаменов, новым потоком вошли в ППИ. Вошли в другой мир, потому что профессор Дедюкин построил не здание, а планету. Планету образования, науки, культуры, спорта, искусства, всего, что составляет содержание высокого слова духовность.

Михаил Николаевич не был публичным человеком. Я отлично помню, как он, склонив голову, степенно шел к себе в кабинет. В этом кабинете, в традициях тех лет, окна горели долго, в нем строились и воплощались в жизнь грандиозные планы строительства великолепного комплекса, всей доступной в те времена инфраструктуры, обеспечивающей жизнь и гармоничное развитие инженеров завтрашнего дня.

В политехе именно ректор закладывал структуру формирования специалиста, которая, конечно, не ограничивалась процессом образования.

Основы этой технологии описываются довольно просто. Это представление практически неограниченных возможностей развития студентам, хочешь попробовать себя в искусстве – почти профессиональные коллективы художественной самодеятельности. Да и профессиональные: «Солнечная радуга», «Арлекин», команда КВН. Что касается спорта, я даже не берусь количественно оценить армию политеховских спортсменов. Это настоящая академия чемпионов и мастеров спорта, которым аплодировали на крупнейших площадках соревнований по самбо, баскетболу, плаванию, ватерполо, зимним видам спорта, фехтованию.

Успех этот строился на понятном принципе, Михаил Николаевич, сам будучи от бога лидером, стягивал лидеров, которые умело делали привлекательным свое дело, создавая прекрасные и результативные школы.

Вторая составляющая технологий Дедюкина – высокая требовательность, причем не армейского исполнения. Просто бездельником в политехе быть непрестижно. Становишься чужим. С далеко идущими последствиями.

Фонтаны были голубые....

Формировалось поколение шестидесятников. И было ясно, наверняка понятно, особенно человеку с жизненным опытом М.Н. Дедюкина, куда эта траектория рано или поздно выведет, поэтому молодежь следует попридерживать... Так не придерживал, а оберегал! Он видел талантливых людей и делал все, чтобы их правильно позиционировать в этой жизни. И готовил родной политех, новое поколение ученых с мировым именем, таких профессоров, как Азбелев и Бартоломей, главных режиссеров, генералов, номенклатуру крупнейших предприятий, поскольку у них была школа точных ценностей, трудолюбия, патриотизма, верности избранной профессии. Созданный М.Н. Дедюкиным политех навсегда остался факелом знаний и кузницей формирования личности.

Авторитет Дедюкина открывал специалистам ППИ двери самых высоких кабинетов промышленных и научных учреждений.

М.И. Рудник

Кандидат технических наук, доцент, заслуженный эколог РФ, генеральный директор Курского института экологической безопасности, выпускник Пермского горного института (1958 г.), бывший преподаватель ППИ

ОНИ И МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Июль 1953 года. 52 года назад я, окончив среднюю школу, сдам вступительные экзамены в Пермский госуниверситет на металлургическое отделение технического факультета и вдруг натыкаюсь на объявление об открытии приёма во вновь созданный Горный институт. Захожу в приёмную ректора Пермского государственного университета и вижу за столом человека в белом генеральском кителе с форменными горными знаками различия, ещё молодого, с доброй располагающей улыбкой, чуть прищуренными глазами и с папиросой в руке. Это был М.Н. Дедюкин, который занимался приемом документов в Горный институт. Так состоялась моя первая встреча с Михаилом Николаевичем Дедюкиным, оказавшим значительное влияние на мою дальнейшую жизнь.

Помню добрую душевную беседу, его советы, и я вышел от него абитуриентом Горного института. Вступительные экзамены (а их было восемь!) мы сдавали в институте в общем потоке. Конкурс – до 7–8 человек на место. Отбор и зачисление проводил лично Михаил Николаевич!

1 сентября 1953 года 212 студентов двух специальностей с трудом разместились в двух аудиториях строительного техникума. Началась студенческая жизнь. Первую лекцию по высшей математике нам прочитал Е.Х. Драхлин. Мы впервые увидели перед собой маститого вузовского преподавателя, уверенно и спокойно развивавшего свои мысли о роли математики в судьбе горного инженера. Это был человек с тонким юмором, всегда готовый дать студенту консультацию и прийти на по-

мощь. На экзаменах он разрешал пользоваться конспектами, учебниками и шпаргалками, приговаривая: «Если вы не знаете математики, то за полчаса подготовки ответа не узнаете!».

Остались неизгладимые впечатления от первых лекций по общей геологии Е.А. Лушникова, читавшего нам много геологических дисциплин и втайне получившего прозвище «параминифера» за объемное толкование в лекциях латинских названий; от лекций по общей химии Н.Н. Наугольных, которого студенты за его картавость, особенно при произношении буквы «л», звали «Никорай Никораевич»; от ярких лекций по физике замечательного человека и преподавателя В.В. Славнова. С большим вниманием мы слушали лекции по начертательной геометрии и черчению весьма пожилого и уважаемого в Перми инженера Антона Карловича Гампера, прозванного студентами «дедушка Гампер дубль-вей», который, ввиду преклонных лет, четко и красиво начертив изображение на доске, продолжал лекцию, сидя на стуле и указывая линейкой на букву «W», старческим голосом выкрикивал: «Дубль-вей».

Вспоминается анекдотичный случай. Поджимали сроки сдачи задания: рассчитать и вычислить эллипс. В отчаянии обращаюсь за помощью к родному дяде, известному архитектору Д.Я. Руднику (впоследствии соратнику М.Н. Дедюкина, автору проекта студенческого городка за Камой). Промучился под его руководством три вечера, – сдался, не получается. Дядька, ученик А.К. Гампера, берёт карандаш и со словами «Антон Карлович не заметит» от руки рисует эллипс. Наутро несу чертеж «дедушке». Поинтересовавшись моей фамилией и родством, Антон Карлович, не носивший очков, изрекает: «Передай Давиду Яковлевичу, что вот в этом месте он ошибся на 1 мм!». Группа ГИ-53-5 была сражена, но зачёт я получил. Внучка А.К. Гампера, Инга Гампер, долгие годы работала на кафедре физики и была активной общественницей.

Запомнились и лекции «верных ленинцев», активных и принципиальных – Ф.В. Поляковой, жены Е.А. Лушниковой,

с которыми судьба свела меня за долгие годы жизни в г. Курске, и И.П. Быковой (впоследствии секретарь Пермского обкома партии по идеологии).

Геодезию нам читал сам Михаил Николаевич, а «на подхвате» (из-за его занятости) и на практических занятиях всегда была Валентина Ивановна Деменова, проработавшая с Михаилом Николаевичем много лет. Сдавать зачеты и экзамены по геодезии и маркшейдерскому делу было легко и весело: эти предметы студенты знали все...

Запомнились и интересные занятия, которые вели преподаватели Ладыженский, Б.Вертлейб, В.Б. Бородин, В.И. Гочегов и другие. Вначале их было всего 17 человек на 212 студентов! Это они закладывали в нас азы общеобразовательных дисциплин, прививали любовь и понимание преподаваемых наук, делили с нами все неудобства и тяжести вновь открытого института. Это они жили с нами вместе в общежитии, двери их комнат были открыты для нас. А сплотил всех нас Михаил Николаевич! Он привил нам любовь к институту, любовь к профессии, которую мы пронесли через всю нашу жизнь. Несмотря на то, что многие из выпускников работали по другим специальностям, мы всегда гордились званием горного инженера и выпускника Пермского института.

Жили в общежитии все вместе – и студенты, и преподаватели, а на первом этаже, где потом располагался медпункт, жил и Михаил Николаевич. Вечером часто среди нас можно было видеть Михаила Николаевича, который, как отец, интересовался нашим бытом, учебой и просто личными делами. Многих он знал по именам. Среди первого набора студентов были офицеры, солдаты, матросы, горняки. Среди них были немцы (так называемые «спецпоселенцы», которые вечерами отмечались в милиции), которых Михаил Николаевич спокойно принимал в институт и которые впоследствии стали прекрасными инженерами, руководителями и учеными.

Часто он заходил в комнаты, где жили бывшие офицеры. Это была его опора, он обсуждал с ними общие проблемы, мог и опрокинуть стопочку.

Вспоминается и первый комендант общежития по фамилии Костин и по прозвищу «боцман». Этот человек с шельмоватыми глазами, отслуживший во флоте и любивший «зелёного змия», часто бывал бит старослужащими студентами и страшно боялся директора. А бояться было за что...

Нам, студентам первого набора, выпала нелегкая доля быть первопроходцами. Мы не только учились, но и принимали активное участие в становлении института: разгрузка и расстановка мебели, уборка картошки и капусты, помощь в организации лабораторий. Мы даже подрабатывали лаборантами. Вместе с преподавателями работали на субботниках и воскресниках, создавали профсоюзный комитет и комитет комсомола, факультетские организации, СНО, художественную самодеятельность, настенную газету «За кадры горняков», выпускали ежедневную радиогазету «Микрофон среди нас» и другие. Новый 1954 год мы все дружной семьёй встречали в актовом зале техникума. Конферанс вели Ваш покорный слуга и Марк Тененбойм. С этого вечера и началась ныне заслуженная, известная художественная самодеятельность института. На следующий год уже родился эстрадный оркестр под руководством Вадима Карасова. Выступали везде: на шахтах Кизеловского бассейна, агитпунктах, в воинских частях и т.д. Это была мощная и красивая агитация за родной институт.

Михаил Николаевич очень любил эстрадный и духовой оркестры. Благодаря его заботам были приобретены хорошие инструменты, образовывались различные кружки. Юра Осипов написал два стихотворных музыкальных водевиля. Так на свет появились музыкальные стихотворные водевили, которые шли в сопровождении эстрадного оркестра и наделали много шума в театральной Перми – «Весенний вопрос» и «Уральский подарок», которые мы возили в 1957 году на V Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москву.

Слушай, Москва, Нью-Йорк, Лиссабон,
Слушай, весь мир, обозрение.
«Уральский подарок» друзьям к фестивалю
От наших студентов» – его мы назвали.
Стихи написал кандидат в сочинители
Осипов Юрий – студент.
Он очень занят, товарищи зрители,
Пишет последний куплет.
Музыка Германа Преображенского,
Вам мы его не покажем сейчас, –
Слишком опасен для сердца он женского,
А девушек много сегодня у нас.
Все обозрения без лишнего спора
Ставили вместе два режиссера.
Правда, бывало у них иногда, –
Мнения шли вразнобой.
Если один говорил из них: «Да!», –
«Нет!», – говорил другой.
Ставили так, что измучили всех
Викторов Виктор и Футлик Лев!
Ставила танцы Клава Бабицина
Вместе с некими прочими лицами.
В главных ролях: дирижер оркестра –
Мишенька Рудник – врио маэстро.
Лена Маленина – роль свою знает:
Медной горы хозяйку играет.
И т.д.

Вспоминается и такой эпизод. Где-то в году 1955–1956 меня с практики отзывают к ректору. Захожу в кабинет в растерянности: вроде бы не провинился. Михаил Николаевич говорит: «Поедешь в Москву, там найдешь меня. Нужно в ЦК ВЛКСМ пробить разрядку на концертный рояль «Эстония». Не стану описывать, как мы с ним ходили по кабинетам, но бело-

снежный суперсовременный концертный рояль встал в институте, был нашей гордостью и единственным в городе.

Запомнился и такой примечательный случай. Будучи страстным поклонником футбола, Михаил Николаевич достал билеты в Лужники на суперматч между турецкой командой и сборной СССР и пригласил меня. А мог и не пригласить студента. Вот когда я почувствовал его любовь и отношение. В этом я потом убедился не раз. В горести или радости, за любым советом или за помощью шли к нему. Двери его кабинета для нас, его учеников, а потом и его соратников, всегда были открыты. Он никогда не проходил мимо, не поинтересовавшись, как идут дела в институте и как дела семейные. Я проработал преподавателем в институте более 10 лет, и когда он по просьбе К.В. Лютаревича отпустил меня на работу в Курский политехнический институт, он продолжал интересоваться моей судьбой, работой, устройством.

Михаил Николаевич любил веселую шутку, юмор и поддерживал их. Помню, когда он один жил в общежитии, он привез откуда-то рыжего веселого щенка – боксера, который потом вырос в крупного, красивого и любимого им пса.

Вечерами щенок весело бегал по общежитию. Студенты очень любили это существо и баловали его. И вот на какой-то праздник одели его в пошитую студентками куртку с контрпогонами и в феску с кисточкой и горняцкой кокардой. Довольный щенок мотался по всем этажам. Хохот стоял невероятный! Вместе с нами смеялся и Михаил Николаевич. И только на выпускном вечере, через четыре года, он спросил меня: «Твоя была идея?». Я признался, а он в ответ: «Я так и думал».

Студенты очень любили Михаила Николаевича и уважали, несмотря на строгость и требовательность. Из 212 студентов-первокурсников дипломы получили только 124. Он был примером настоящего руководителя, и мы во многом подражали ему. Я с удовольствием смотрю на его фотографию 1954 года,

помещенную в книгу «Путь к университету». В то время уже отменили форменную горняцкую одежду, и Михаил Николаевич ходил в темно-синем плаще, но в форменной фуражке. За ним стою я, точно в такой же форме. И я был не один...

В 1958 году на вечере, посвященном первому выпуску горных инженеров, Михаил Николаевич произнес тост приветствия немецких горняков: «Глюкауф!» («На счастье!»). Вот такое напутствие в счастливое будущее на всю оставшуюся жизнь он дал нам, первым инженерам и институту!

Таким он остался в нашей памяти!

А.С. ЮРИН

Доцент кафедры «Общая электротехника»

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧЕ

Это было в начале 60-го года прошлого века. Сдали в эксплуатацию центральную часть и крыло ППИ по улице Большевистской. В этом крыле здания на четвертом этаже было выделено три аудитории, предназначенные для лабораторий кафедры «Общая электротехника и горная электромеханика». Пустые аудитории, а с 1-го сентября в этих «лабораториях» должны проходить занятия. Коллектив кафедры к летнему строительному сезону готовился основательно, заготавливая материалы и оборудование. Были разработаны эскизные проекты будущих стендов для проведения лабораторных работ по электротехнике (стенды для проведения лабораторных работ по электротехнике и промышленной электронике в СССР не выпускались).

К началу июля 1961 года на кафедре был изготовлен первый стенд по электрическим цепям авторами: заведующим лабораториями Анатолием Семеновичем Юриным и

старшим лаборантом Михаилом Леонидовичем Сапунковым. Заведующим кафедрой Сергеем Петровичем Василевским было дано задание на их изготовление в количестве двенадцати штук. В качестве специалистов-изготовителей была направлена группа студентов первого курса горного факультета (вместо работы в колхозе). До отпуска заведующего кафедрой С.П. Василевского организационно-финансовые вопросы по строительству решались непосредственно им. Уходя в отпуск, заведующий кафедрой, вызвав к себе в кабинет заведующего лабораториями А.С. Юрина, напутствовал его, что «все вопросы с ректором будешь решать сам», и уехал из Перми. Разработанный стенд был облицован декоративной фанерой, которая была дефицитной и дорогой. Подсчитав необходимое количество этого материала, я (заведующий лабораторией) выписал документ на получение этого материала. Выдавали его со склада только с подписью ректора.

Первая трепетная встреча. Пошел к М.Н. Дедюкину, поздоровался, подошел к столу, подал накладные на подпись. Ректор очень внимательно осмотрел меня и предложил сесть. Прочитав накладные, посмотрел на часы и сказал, чтобы в такое-то время ждали его в лаборатории. Накладные вернул. В назначенное время, точно, как педагог, зашел в лабораторию и спросил, где стенд и расход материала на его изготовление. Получив ответ, умножив его на 12 (по количеству стендов), убедился, что излишков в накладной нет. Взяв накладные, их тут же подписал.

Окончив аспирантуру и оформив диссертацию, я уехал на комбинат «Кизел-уголь» за отзывом. Когда я вернулся в институт, мне сказали на кафедре, что меня вызывал к себе ректор. Захожу в кабинет ректора, он, как всегда, предлагает сесть. На его столе лежала моя диссертация. При мне он позвонил председателю месткома Кожевникову и попросил зайти к нему. Председатель месткома пришел и принес ключи от квартиры.

Все это время ректор сидел и молча наблюдал, а затем пожелал успешной защиты и вручил мне ключи от трехкомнатной квартиры, в которой я живу по настоящее время.

Редко можно было встретить таких руководителей, как профессор Михаил Николаевич Дедюкин. Это был ректор с «большой буквы»: чуткий, внимательный, требовательный, пунктуальный, высокообразованный, скромный, культурный человек своей эпохи.

Ю.В. ЦВЕТКОВ

*Сотрудник ПГТУ с 1978 года,
инженер первого выпуска машиностроительного
(ныне аэрокосмического) факультета ППИ (1962 год)*

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ДЕДЮКИНЕ

У каждого вуза есть свой образ. Он может определяться или внешним миром, или изнутри. Каков образ вуза – таков и его путь, таково и его развитие, такова и его судьба.

Наш вуз – ректорский, то есть не стандартный, не холодный. Он с человеческим лицом.

Нынешний Пермский государственный технический университет, а лучше сказать «политех», начинался с Дедюкина. С Михаила Николаевича Дедюкина.

И даже не его директорство в основе нашего института. В нём – его человеческая суть.

Наверное, о нём, о Михаиле Николаевиче, в этой книге как о человеке, и об отражении его лучших качеств в облике института сказано немало. Сказано теми людьми, которые близко и долго знали его, теми, кто были его коллегами, товарищами, друзьями.

Мне довелось общаться с Михаилом Николаевичем лишь кратковременно и эпизодически: слишком разные были у нас статусы на всём протяжении нашей работы в институте, а точнее, моей учёбы и работы в ППИ (1956 – 62 гг. и с 1978 г. – по настоящее время). Но для меня это были содержательные и памятные эпизоды, хотя и не все они происходили в официальной обстановке.

Наша лаборатория – научно-исследовательская отраслевая лаборатория «Энергомашиностроение» ППИ (НИОЛ «ЭМС») – в конце 70-х и начале 80-х годов интенсивно занималась выставочной деятельностью. Мы первые в институте повезли свои разработки на ВДНХ СССР. Наши работы шли под особым грифом (оборонная тематика!), поэтому экспонировались они в отдельном павильоне в Подмоскowie, а выставка называлась «Сетунь-79».

Михаил Николаевич тогда был озабочен необходимостью подготовки института к большой, по разнарядке Министерства, выставке на ВДНХ. Это для нашего политеха была первая выставка такого масштаба со дня его основания. Ему хотелось посмотреть, как это всё делается, какое оборудование, какое оформление, каков распорядок. Ну и, конечно, оборонная тематика, передовые технологии его, Михаила Николаевича, очень интересовали.

Прежде чем ехать, я выхлопотал в Министерстве оборонной промышленности СССР два пропуска, на себя и на него, согласовал время, проработал оргмоменты. Пришёл я в Минвуз РСФСР на Ленинском проспекте, где и было условлено встретиться, в назначенное время, но Михаил Николаевич уже сидел в коридоре в ожидании меня, что меня, конечно, смутило. Но он меня успокоил, сказав, что дела в Министерстве ему удалось закончить раньше, и он сидел, просто отдыхая после кабинетных хлопот.

Из Москвы до павильона «Сетунь-79» в Подмоскowie мы ехали с ним в электричке около получаса. Говорили о том,

о сём. Но мне почему-то запомнился один момент. В те дни Пермь была взволнована неприятным событием: на заводе Камкабель произошла авария в системе сбора промстоков, и в Каму попало очень большое количество очень пахучих и, предположительно, вредных жидкостей. Водопроводная вода «благоухала» фенолом, мясо в супе мгновенно прокисало, и прочее, и прочее. И длилось это несколько дней. А в составе руководства завода тогда был мой добрый приятель Ваня Седых, мы с ним учились в Молотовском горном институте с 1956 года в соседних группах на горно-электромеханическом факультете, да и потом поддерживали деловые и товарищеские отношения. И по поводу случившегося я испытывал, что называется, сложное чувство.

С некоторой опаской я заговорил с Михаилом Николаевичем на эту тему, мне хотелось знать, что же будет принято. Он не уклонился от разговора, высказал свои соображения по технике дела, а «по оргвыводам», будучи умудрён большим житейским и «системным» опытом, сказал, что непосредственных виновников показательно строго накажут, но в тюрьму не посадят, с работы не выгонят, а потом потихоньку всё спустят на тормозах. Он говорил это совершенно бесстрастно, без эмоций, не показывая своего отношения к такому способу принятия мер по этой ситуации: ни в радость, ни в огорчение. И.М. Седых он тоже хорошо знал, у него с ним были давние деловые отношения, он ценил их, и как мне показалось, он, как и я, тоже испытывал сложные чувства по поводу случившегося.

В институте лёгких сплавов, на территории которого располагалась выставка «Сетунь-79», нас тщательно проверили по всей строгости режимных требований, рассказали маршрут следования к выставочным павильонам, правила поведения, и мы пошли. Кругом были порядок и красота: здания чистенькие, газоны подстрижены, дорожки подмете-

ны, таблички «На территории не курить» всюду расставлены. Путь к нашему совершенно секретному павильону оказался не близким, и Михаил Николаевич, как заядлый курильщик, не выдержав этой длинной паузы и, наверное, излишнего режимного прессинга, решил закурить. Я пришёл в состояние ужаса, не знал, что делать, думаю, ну вот, сейчас подойдет охрана, и нас с позором выдворят за территорию, выставку мы не увидим, все мои труды по организации этой важной экскурсии пропадут даром. Но всё обошлось. Михаил Николаевич, понимая ситуацию и моё состояние, лишь курнул несколько раз и, не найдя урну, скомкал недокуренную папиросу (или сигарету? нет, всё-таки – папиросу!) и положил её себе в карман.

Когда мы зашли в павильон, я сразу вознамерился повести Михаила Николаевича в свой тематический раздел, где и должен был располагаться наш планшет. Но при входе был стенд по волоконной оптике, ещё не имевшей в то время широкого применения в отечественной технике, но это была очень перспективная разработка, будоражащая воображение по скорости и качеству передачи сигнала. И он, горняк по образованию, но широкого диапазона интересов человек, прямо вцепился в эту экспозицию, где были представлены и образцы волокон, и некоторые устройства по их изготовлению и использованию, и множество технических характеристик этого, как оказалось, технического новшества для моего, для нашего горняцкого ректора (да, тогда уже должность называлась не «директор», а «ректор», а институт был уже не «горный», а «политехнический»). Позадавав множество вопросов стендовикам и с удовольствием восприняв их ответы, он неохотно, с трудом отошёл от этого стенда, и мы двинулись дальше осматривать выставку.

Его интересовали и другие, тогда новые, материалы: титановые и угольные нити на основе монокристаллов, пред-

назначенных в то время исключительно для ракетной, оборонной техники. Осмотрели мы и испытательное оборудование, широко представленное на этой выставке. К нашему экспонату он тоже проявил интерес, но, поскольку он уже познал его ранее, что называется в «домашних условиях», мы долго на нём не задержались. Важен был сам факт включения разработки нашего вуза в такую солидную экспозицию новых и перспективных разработок. Да и уже к тому времени наша разработка в составе комплекса совместных с рядом оборонных предприятий работ готовилась к вторичной подаче на соискание Государственной премии СССР в области науки и техники. И ранее (в 1977 году) наша отраслевая лаборатория первой среди подразделений института получила медали и первый диплом ВДНХ СССР для ППИ как организации-экспонента. И Михаил Николаевич не мог не придавать этому факту должного значения.

Выставка интересовала его ещё и с чисто, если можно так сказать, хозяйственной стороны: он рассматривал подиумы, стендовые стеллажи и подставки, таблички, кое-что даже обмерял и записывал – всё это должно было пригодиться в подготовке экспозиции ППИ на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Насколько мне известно, эта экспозиция ППИ имела огромный успех и принесла нашему институту большое количество наград разного уровня и широкую известность.

Когда я учился в Молотовском горном институте, а заканчивал я его уже переименованным в Пермский политехнический институт, мне не вспоминается ни одного эпизода моего непосредственного общения с Михаилом Николаевичем в официальной обстановке. Вот чувствую, что они были, эти встречи, но на память не приходят. Наверное, это потому, что его общения со студентами не носили характер официозности, таких начальственных выходов «в народ»,

а были простыми, будничными деловыми контактами, необходимость в которых возникала не из сухих должностных полномочий, а естественным образом, из самой, из живой протестской жизни. Вот я как активный активист с комсомольскими лидерами контакты помню, а с ректором – нет ...

Хотя... хотя... память, стоп! «Остановись, мгновенье! Ты...». К сожалению, ничего прекрасного для меня в этом «мгновении» не было. Была проработка меня и ещё нескольких студентов машиностроительного (нового ракетного) факультета, попавших по весёлой неосторожности в милицию. Проработка в кабинете ректора самим ректором в присутствии и по инициативе декана МСФ. Моё личное положение в этой проработке усугублялось ещё и тем, что я был тогда, кажется, комсоргом группы и что-то ещё делал в радиоузле института. Помню, что я сильно сопротивлялся, когда декан назвал нас пьяницами, а Михаил Николаевич, не подтверждая и не опровергая этого нашего «титула», тем не менее был строг и непреклонен в решимости наказать нас, чтобы нам и другим впредь неповадно было. Одного из нас исключили из института (с пятого курса из шести!), а остальным, как помнится, «влепили» по выговору. С тех пор никто из нас милицию своим поведением не тревожил и ректора не огорчал. Может быть, ещё и потому, что из последующих учебных курсов мы обрели такое новое для нас понятие, как «стехиометрическое соотношение компонентов ракетного топлива», что мы, наверное, осознанно или нет, но переложили на «стехиометрическое соотношение выпивки и закуски».

А вот в неофициальной обстановке мне с Михаилом Николаевичем встретиться довелось. Речь здесь о свадьбе.

Эту свадьбу в нашей группе ГМ-56-2 помнят, наверное, многие наши однокурсники, и не только те, кто на ней гулял. Об этом я уже писал в своих воспоминаниях «Пермский политехнический. Ностальгия». Здесь просто привожу оттуда один фрагмент.

«Мишка Н., голубоглазый, с гортанным голосом, с густой шевелюрой, крепкого телосложения – ну чем не жених! И он, наверное, так про себя и подумал. И невесту он прищелкнул не простую, а ... дочку проректора по научной работе Лушников Евгений Алексеевича и вдохновенного преподавателя марксистско-ленинской теории и активиста-практика, редактора студенческой газеты «За кадры горняков» (а потом «Ленинец») строгой Фелицаты Васильевны Поляковой. Их дочку звали Женя, Женечка, симпатичная скромная девушка, чуть с глуховатым спокойным голосом, тоже студентка, но другого вуза.

От нашей группы он, Мишка, пригласил человек восемь. Застолье было на квартире у Лушниковых, в Доме учёных, что на Комсомольском проспекте. Из взрослых гостей было много солидных и высоких людей, достаточно сказать, что был ректор (тогда он назывался директором) нашего института Михаил Николаевич Дедюкин, член-корреспондент АН СССР Хоментовский... Никакого особого официоза не было, дистанции тоже не устанавливались, всё было просто и весело. Михаил Николаевич по ходу веселья собрал нас, молодых парней, в кружок, поговорили «за жизнь», между делом прозвучал вопрос: «А умеем ли мы пить водку?», ответа не было, паузы тоже не было, сразу же расставили стопки, наполнили, и Михаил Николаевич, произнеся тост за нас и не прикасаясь к стопке руками, взял её одним ртом, запрокинул голову и вот таким лихим манером выпил всю стопку. Помнится, даже и закусывать не стал. Кто-то тут же стал пробовать сделать так же, ну где там ... новичкам это не под силу. Завязалась оживлённая беседа, почти на равных, шутили... Один из нас, Витька В. чересчур расслабился, не почувствовал этого тонкого «почти», начал называть ректора «дядей Мишей», пытался панибратски его обнимать, ну и, естественно, Ми-

хаил Николаевич (М.Н.), да и мы сами стали беседу сворачивать, оттесняя Виктора от ректора. Оттеснили. Но оказалось, не надолго.

В соседней комнате собрались взрослые гости, куда и ушёл М.Н., все друг друга знают, коллеги, друзья, у них свой разговор, своё настроение, свои шутки, свои песни. Но наш общительный Виктор прорвался и туда, подсел к Михаилу Николаевичу и попытался включиться в компанию. Пришлось мне извлекать его оттуда. Для начала я мягко подсел между ним и М.Н., вместе со всеми запели песню, а когда песня закончилась, кто-то начал кричать «Горько!» и показывать на М.Н. и Людмилу Михайловну, его жену, целуйтесь, мол. А она-то сидела, хотя и напротив М.Н., но по другую сторону стола. А стол-то широкий, а стол-то длинный, от стены до стены, диспозиция для поцелуя – никакая, а публика настаивает, требует, ... И тут все ахают, ... Людмила Михайловна, недолго думая, быстро сползает со своего стула под стол, проползает там всю дистанцию, и выныривает прямо перед Михаилом Николаевичем. Диспозиция в корне изменилась, и они крепко и весело целуются. Публика в восторге, М.Н. – в умилении, плохо скрываемом. Воспользовавшись моментом, я вытаскиваю Виктора из комнаты, и мы продолжаем застолье нашей студенческой компанией в автономном режиме.

Продолжили, но где-то, а может быть, в чём-то мы малость переборщили. Староста наш Павел П., военная косточка, всегда строгий и на самоконтроле, что-то вдруг занемог, замутило его, и стало это известно хозяевам торжества и Михаилу Николаевичу. И вот он, М.Н., распорядился, и мы повели бедолагу вслед за М.Н. в его квартиру этажом ниже. Стали укладывать Павла на диван. А там собака грозная, да сам ректор в своей квартире его, Павла, дисциплинированного военного и студента, старосту группы(!) отдыхать на свой диван укладывает... Кошмар! Какой ужас! Трезвость насту-

пила мгновенно, мысль работала четко, Павел поднимается с дивана, делает вид, что ему уже хорошо и оставаться здесь ему нет никакой необходимости. Спорить с ним никто не стал. Мы все дружно покинули этот запасной (ректорский) гостеприимный «аэродром». Павлу помогли уже другими (транспортными) средствами. Но он всё-таки молодец! Как говорится – сработало!».

А вот ещё одна памятная и, можно сказать, роковая для меня встреча, даже не встреча, а заседание. Заседала Государственная комиссия по распределению молодых специалистов – первых выпускников машиностроительного (ракетного) факультета. Начало 1962 года. Председатель комиссии – ректор ППИ Михаил Николаевич Дедюкин.

Захожу. Вижу длинный стол, за ним – члены комиссии, из которых я запомнил активно общавшихся со мной двух притворно слащавых дам из областного Совнархоза и грозного, почти свирепого военного комиссара Свердловского района г. Перми Самусева А справа вдаль за письменным столом, приставленном впритык к основному длинному столу сидел Михаил Николаевич, и какой-то он был необычный ... даже не строгий, а, наоборот, какой-то весь поникший, пригорбившийся.

И вот он говорит, почти скороговоркой: «Выбирайте. Но осталось только Министерство обороны». Говоря это, он ещё больше склоняется над столом и, держась крепко за стол, застыл в состоянии какой-то неловкости, крайнего дискомфорта. Дальше, до конца заседания по моему распределению он не проронил ни слова.

А разговор с другими членами комиссии был сложный: дамы мягко стлали, уговаривая, а военком грохотал кулаками по столу... Но протокол по своему распределению в кадровые офицеры я так и не подписал. Вслед за мной так же поступили ещё четыре человека из пяти последних распреде-

лявшихся выпускников. Дело в том, что при наборе нашей группы два года тому назад нам твёрдо было обещано, что нас всех направят в конструкторские бюро и заводы города Перми. А к моменту окончания всё переиграли, и шестерым выпускникам, несмотря на их красные дипломы и высокие оценки (а может быть, наоборот, именно поэтому) определили участь военнослужащих на 25-летний срок (тогда были такие порядки). И нас обули-одели, невзирая на подписи и неподписи.

Вот почему наш строгий, но ещё более, чем строгий, а человечный ректор так необычно выглядел на своём председательском месте. Он нам сочувствовал, но сделать ничего не мог, Министерство обороны было всемогущим.

А теперь о печальном. Очень кратко. Уже будучи сильно и безнадежно больным, находясь дома, Михаил Николаевич продолжал работать. Нам с руководителем нашей НИОЛ «ЭМС» Г.Д. Захаровым нужно было подписать у руководства ППИ очень важное письмо. Адрес – ЦК КПСС. Редко такое бывало, но вот так сложилась обстановка. Письмо готовилось давно, ранее с Михаилом Николаевичем по письму велись консультации. Жена Михаила Николаевича Людмила Михайловна предложила нам прийти к нему сразу после одной из строительных оперативок, которые он проводил регулярно сам. Пришли, поговорили, письмо подписали. Но было грустно.

Одно из впечатлений: по обстановке – много книг, по Михаилу Николаевичу Дедюкину – сильный человек.

С.М. АНТИПОВ

*Аспирант кафедры
«Философия и религиоведение ПГТУ*

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ДЕДЮКИНУ И МОЕЙ МОЛОДОСТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Воспоминания бывшего комсомольского секретаря
в Пермском селе; или Всплески памяти о совсем
недавних временах или короткие встречи с долгим
продолжением*

С Михаилом Николаевичем Дедюкиным мне довелось работать, встречаться, общаться (и, увы! – хоронить его тоже) с сентября 1975 по июль 1982 года. И не столько по основной работе, сколько по общественной, так как во второй половине семидесятых я совмещал ассистентство на кафедре научного коммунизма с секретарством в комитете ВЛКСМ ППИ.

2 сентября 1975 г. по окончании философского факультета ЛГУ приземлился в Б. Савино молодой специалист, 15 лет не бывавший на малой Родине и выбравший место распределения сам в романтическом стремлении побывать на месте рождения. В тот же день тогдашний проректор по учебной работе Михаил Сергеевич Дьячков и секретарь парткома Юрий Михайлович Колбенов вдвоём провели со мной почти часовой инструктаж с показом и рассказом о перспективах развития ППИ и моем участии в этом развитии. Признаться, я был несколько смущён и удивлён таким приёмом, подумав: неужели в Пермском политехе всех молодых специалистов на таком уровне принимают? Когда же руководители успевают заниматься основной работой?!

Дьячков при мне позвонил в АХЧ насчёт комнаты в общежитии и, пожелав успехов, распрощался. Три дня, скорее

ночи, я скоротал, не без приключений, на полу (койки не нашлось у комендантши, хорошо хоть матрац с бельём нашла под залог военного билета) в изоляторе 1-го общежития электротехнического ф-та на ул. Мира, а затем перебрался в комнатёнку пятиэтажки на комплексе.

С ректором мне довелось познакомиться ближе в октябре, когда закончилась колхозная кампания и начались занятия вначале на вечерне-заочном, с 19-го сентября, а затем и на дневном отделениях. Первого впечатления как-то не сложилось, да и вспомнить его сейчас мудрено. Ну, ректор и ректор, – есть институт, значит, должен быть и ректор по «фактическому факту» шолоховского товарища Давыдова. Масштаб фигуры М.Н. Дедюкина определится в моём восприятии вскоре, по мере погружения в институтские, районные и городские с областными дела.

Михаил Николаевич происходит из дворянского корня Дедюкиных. По материнской линии он – граф Дубяга из старого польского аристократического рода (по свидетельству Людмилы Михайловны Дедюкиной при беседе автора с ней летом 2000-го года во дворе преподавательского дома по улице Луначарского). И, позволю себе слегка нахальный каламбур, – «куряка» по жизни: см. картину Широкова в политехе – пачка «Опала» на столе у левой руки Михал Николаича, которую он выкуривал, бывало, за одно ректорское совещание.

Реминисценции моей памяти следуют далее не хронологически, а по яркости ассоциативных воспоминаний.

Вот нас трое на трое: мы с Игорем Ефимовым, секретарём по учебной работе, Колей Жолобовым, 1-м тогда секретарём, – в фойе ППИ после рабочего подведения итогов комсомольских будней в 1977 г. Сверху спускается классическая фронтальная троика – Иван Антоныч Шапорев, Петро-Палыч Симулин под чутким руководством Михал Николаича Дедюкина (далее. – *М.Н.*). В итоге: три комсомольских секретаря на трёх ректоров. Вопрос от главного ректора: «Что-то, моло-

дѣжь, долгонько на работе задерживаемся?!» (для справки: время к полночи четверга!). Отвечаю: «Следуем Вашим курсом, отцы! Покидаем боевой пост только после командиров! Тем более, что Вы гнездитесь на втором этаже, а мы – на третьем, над парткомом, а сверху видно всё, так и знайте!».

Здесь следует напомнить исторически малосведущей современной публике, что со времён Ленина четверг – партийный день: в этот день еженедельно заседало Политбюро ЦК КПСС. Впрочем, в семидесятые годы он стал ещё и рыбным. В смысле столовского кормления, и не только в ППИ, а по всей стране, – во всех кормоцехах, пищеблоках и прочих точках народного питания подавались исключительно рыбные блюда в силу мясного дефицита в СССР. В лучшем случае в преподавательской столовой можно было уесть второй степени жѣсткости волосатую (в смысле – не ошипанную работниками нарпита) куриную лапу из рагу. Попадались и крылышки с прозрачными перепонками, что производило не менее неизгладимое впечатление у вкушавшего столовальщика времѣн эпохи «завитого» социализма.

Во время войны наш незабвенный по многим причинам и заслугам ректор, после инженерной работы на строительстве Ленинградского метро, руководил в блокадном Ленинграде военно-восстановительным отрядом. Оттуда его знаменитый девиз: «Стой, как танк, вкопанный в землю!». Военно-строительный опыт оказался востребованным и весьма пригодился в мирное время.

Я обязан ректору лично, т.к. он, не без подачи другого фронтовика, моего тогдашнего шефа, Файнбурга Захара Ильича, внедрил молодого специалиста, ассистента кафедры научного коммунизма ППИ, беспартийного Антипова Сергея Михайловича (плюс одна жена и одна дочь на то время), в трёхкомнатную кооперативную квартиру в центре с телефоном в 77-м (!) году ПРИ ОЧЕРЕДИ В 300 ЧЕЛОВЕК, включая профессоров, доцентов и иже с ними. Из них в построенном

за год межвузовском преподавательском жилищно-строительном кооперативе получили квартиры 20 человек.

Надо сказать, что для постановки в очередь на жильё требовалась постоянная прописка. У меня же была временная, как и у всех проживавших в общежитии преподавателей и сотрудников на комплексе. Но было ещё одно переполненное преподавательское общежитие: на Комсомольском проспекте, 63, а, за стройтехникумом. Так вот там, при надобности и сочувственном отношении старших товарищей, можно было прописаться постоянно, но без места для проживания.

Меня, например, на основании ордера с визой М.Н., фиктивно прописали в одной комнате с Мишей Шойхетом, «Чародеем», год назад ушедшим от нас, и его женой Галей, также умершей 2 года назад. Вот печаль-то где: уходят сверстники и друзья, и это – в моём поколении, что говорить об отцах и матерях! Сколько их упокоилось на Южном и Северном! Погрузив, продолжим движение по дороге памяти, подающей воспоминания как броски в неизбывной игре жизни.

Вообще, то время, как и любое другое, было занятное, ну *очень* интересное. Красочный пример с другим фронтовиком, соратником М.Н. по руководству ППИ, проректором по вечерне-заочному обучению Шапоровым Иваном Антонычем. Факт показательный, иллюстрирующий нештатность, а точнее непрекращавшийся аврал при ударном строительстве комплекса ППИ.

Как многие ещё помнят, с 1970 г., в столетний Ленинский юбилей, о чём свидетельствовал долгие годы закладочный памятный знак на повороте с Гайвинской дороги, при непосредственном участии царя Бориса (без всякой иронии привожу подобное народное величание 1-го секретаря Пермского обкома КПСС 60—80-х годов), т.е. Коноплёва Бориса Всеволодовича, дай Бог ему многие лета со здоровьем, началось строительство комплекса ППИ. Стройка идёт, благодаря отцам-основателям и создателям, по сю пору. Надеюсь, будет идти ещё долго, до победного свершения замысленного про-

ектом и мечтами прародителей. Важный пункт мечтаемого: размораживание и завершение школьного долгостроя.

Наш ректор, член обкома партии, делегат XXV съезда КПСС и пр., был истинным бессменным прорабом этой стройки века, которая состояла из сплошных нештатных ситуаций и вынеслась на его и соратников плечах. Собственно говоря, без ректора её не было бы. Как, впрочем, не было бы и многих работников пермской и российской культуры, взлетевших из гнезда ректора его попечением. Шутка ли сказать, только пошив костюмов в 1976 г. для «Солнечной радуги», удостоенной тогда звания Народного коллектива, обошёлся институту в сумму свыше 20000 рублей! Упомянем эквивалент: этих денег хватило бы тогда на пару «Волг» с «Жигулями». Финансовых дыр у института при этом хватало!

Так вот, как-то захожу к Ивану Антоновичу (далее И.А.) по делам студенческой эстрадно-танцевально-театральной «весны». Кроме проректорства и многого другого на него было возложено ректоратом и парткомом председательство в жюри художественного совета ППИ, а я номенклатурно входил в совет. Погоди, говорит, Сергей, у меня сейчас важный телефонный разговор с руководством ГАИ по пуску автодороги на комплекс, присядь! Заметьте уровень доверия к молодому поколению, наследующему дело отцов!

Разговор состоялся приблизительно, как он мне запомнился, такой. Звонит какой-то полковник из ГАИ. Иван Антонович, говорит, моя дочка провалила поступление на очное отделение. Жена икру мечет. Посодействуй, хоть, в попадании на вечернее, а там видно будет. Вопрос, конечно, трудный, отвечает Шапорев, но решаемый. Только, вот, сетует, у политеха тоже очередная загвоздка: ГАИ пусковые документы для открытия регулярного городского автодорожного сообщения с комплексом не визирует.

Мол, остановочными павильонами не оснащена автодорога и прочей ерундой, фонари не везде поставлены и т.д.

Мы же, продолжает разговор И.А., людям обещали с нового учебного года открыть регулярное сообщение с комплексом. Народ воеет уже от беспредела: нормальный асфальт и всё необходимое давно в наличии (даже бордюрный камень местами уложен!), а городской автобус не ходит. Сколько можно на такси, частниках да пешком добираться, ведь наш служебный автобус раз в час показывается и вечно битком набит, только что на крыше ещё не ухитряются ездить?! В общем так, уважаемая ГАИ, Вы нам подпись, знаки и прочее с Вашей стороны. Мы, со своей стороны, остудентим Вашу лапochку-дочку. Итог – через неделю регулярный городской 41-й автобусный маршрут пошёл.

Это пришлось кстати и моей персональной семье – мы жили около 3 лет на комплексе в пятиэтажной общаге, одном из первых тамошних строительных объектов наряду с котельной, гаражом, столовой и др.

Ещё колоритный факт и поучительное для современников свидетельство, характеризующие то незабвенное время. Задержусь, бывало, в городе, а в кармане 6 копеек на автобусную «шестёрку», которой комплексцы обычно добирались в случае нужды до Соснового бора, а далее пёхом минут сорок через ночной лес до дому. Особенно «вкусно» было в 40-градусный мороз или в ноябрьский гололёд 78-го года. Кто жил в Перми тогда, тот вспомнит: транспорт никакой не ходил с полсуток, а Компрос был сплошной катушкой, в смысле – ледяной горкой. Мы с моим коллегой-кафедралом и двумя дамами- химозами (как молоды мы были!) больше двух часов скользя и падая, держась за руки пробирались на прямую ночной Пермью, через старые свалку (там сейчас авторынок), кладбище и Блочную домой.

Правда, можно было за 3 копейки добраться 13-м трамваем, кольцевавшимся в Сосновом бору, но он ходил значительно реже 6-го автобуса, и в нём было значительно холоднее в зимнее время.

Возникали и такие ситуации. Поздно, грустно, дома никто не ждёт (супруга вначале доучивалась в Питерском политехе, потом у неё случались поездки на Родину в Ленинград или командировки), с утра несколько пар в городе, да в комитете загруз полный, – куда бедолаге податься! Останусь на кафедре, размещусь на столе-аэродроме заведующего, телефон под голову, назаказываю межгоров (каюсь, входил родной политех из-за меня в траты, но происходило всё заимобразно, так как мой ответный скромный вклад в жизнь коллектива несомненен) и хрюкаю до утра, пока уборщица не разбудит.

А то и в комитете заночую аналогично с телефоном вместо подушки. В комитете мне нравилось больше: у нас где-то шесть-семь знамён, в том числе наградных, стояло за секретарской спиной. Несколько было бархатных с кистями, толстых и мягких – настелю их на стол заседаний и в мечтах о светлом будущем без всяких кавычек засну. Снились мне лица моих друзей, родных и радостные события, случавшиеся в последующем наяву. Сладко и тепло спалось на знамённом бархате (им же и укрывался!) на комсомольском столе!

Однако вернёмся с ответвлений ассоциаций от основной дороги мысли к главной теме настоящих мемуаров, т.е. к М.Н.

Помню прекрасно, как мы с ним провожали в том же 77-м ребят, выпускников военной кафедры, на летние военные сборы. Эти проводы случились в начале лета, а в мае того же года мы с М.Н., И.А., П.П. Симулиным и др. провожали с Октябрьской площади мотопробег по местам формирования и боевой славы Уральского танкового добровольческого корпуса. Увы, ныне корпус расформирован, осталась от него одна бригада в Чайковском.

Последуем не хронологии, а памяти, начнём с проводов на военные сборы того же 77-го года. Собственно, помнятся не столько они сами, хотя это исторически «фактический

факт, особенно в «свете» нынешнего упразднения ВК, сколько разговор, состоявшийся на пути назад.

Проводы были коротки: М.Н. от ректората, парткома, месткома, а я от комитета ВЛКСМ произнесли короткие речи минут по семь. Полковник Зуев, сменивший тогда Ивана Михайловича Дегтярёва на посту заведующего военной кафедрой, напутствовав молодёжь, отдал команду, и триста спартанцев (именно столько было в те годы ежегодных выпускников ВК ППИ) под оркестр торжественным маршем удалились со двора МС-факультета (ныне – аэрокосмического), в здании которого размещалась и пока размещается военная кафедра.

В институт возвращались в ректорской зелёной таксистской «Волге», ведомой Иваном; как помнится, так звали водителя. Я спросил М.Н., почему он решение всех вопросов, включая расселение в преподавательских общежитиях, распределение по лабораториям спирта и гвоздей, а также многое другое, замыкает на себя. Есть же исполнители и службы, в пределах компетенции которых эти вопросы находятся: вот с них и спрашивайте. Я, ответил М.Н., Серёжа, по-другому, увы, не научился, да и поздно уже меняться.

Тут уместно будет привести случай очередного полугодового визирования ректором требований от институтских лабораторий, кафедр и подразделений на спирт в моём присутствии. В смысле, оказался я в ректорском кабинете по комсомольскому вопросу, а не по служебной надобности – распределение спирта и прочих «материальных» ценностей в мою комсомольскую компетенцию не входило.

Ректор, попыхивая сигаретой, наморщив лоб и нахмурив брови, изучал сквозь очки кучу бумажек высотой с кулак. Крякнув и ухмыльнувшись, он взял ручку и приступил к подписанию. Делал М.Н. это просто: заявленный начальниками служб и др. объем половинил и визировал. Я, по при-

родному своему любопытству заглянув через плечо, спросил, откуда он знает, что половины от требуемого для работы приборов и прочего хватит. А я ещё, отвечает М.Н., встречных возмущений и возражений за всю практику не встречал.

Памятен вечер 7 мая 1977 года, посвящённый Дню Победы. Проходил он в институтском кафе «Горизонт» в Балатовском студгородке. Банкетный контингент был ограниченным, что у немцев называется geschlossene Gesellschaft («закрытое общество»). Были практически одни фронтовики и комсомольская молодёжь, т.е. нас с десятков от комитета ВЛКСМ, так сказать, для сцепки поколений и боевого слаживания. В дальнем правом углу у окна ректорат с парткомом заседал большой компанией, естественно, с участием вышеозначенных фронтовиков. Но ректор, по свойственной ему независимой манере, занял диспозицию в центре у колонны за более «демократическим» столом, поближе к народу. Оно как-то попроще и подружественней, не вечно же вариться в руководческой упряжи.

Как не нами заведено, выпили за Победу, Родину, фронтовиков, народ и далее по ранжиру. Коля Жолобов, наконец решился: «Пошли, орлы, ректора поздравим!». Здесь надо пояснить дипломатическую нагруженность и сложность ситуации. В тот момент Николая Геннадьевича купил в результате долгих переговоров Ленинский райком ВЛКСМ на должность Первого, гарантировав получение им трёхкомнатной квартиры в центре. У него тогда была малогабаритная двухкомнатная (двушка) на Нагорном.

Ректор не хотел ещё его отпустить: молодые кандидаты технических наук в качестве дельных, контактных (вспоминается Колино «Ага-ага!»), покладистых, спокойных, жизненно умудрённых первых секретарей институтского комсомольского комитета на дороге не валяются. Тем более срабатывались, да и комитет подобрался слаженный и боевой. М.Н. хотел, чтоб Николай доработал до отчётно-перевыборной конференции, т. е. до осени, – и с Богом. Комсомольская

организация ППИ насчитывала около 11 тысяч членов – целая дивизия, без балды и почти без туфты!

Поэтому, а также по ключевому положению института как кузницы инженерно-экономических, партийных и прочих руководящих кадров города, области и страны, наш комсомольский комитет имел права райкома. Следовательно, отчётно-перевыборные конференции проводились с 2-летней периодичностью. Предыдущая, 75-го года, на смену Борису Ваганову, забранному обкомом ВЛКСМ на заведование отделом студенческой работы, избрала как раз Н.Г. Жолобова.

Итак, ему было невтерпёж, что вполне объяснимо с житейской точки зрения: давление близких в пользу улучшения жилищных и прочих условий плюс известные размышления с сомнениями, как там ещё сложится с осенним уходом и куда. А здесь вот оно, искомое по жизни, на блюдечке с голубой каёмочкой. Для М.Н. всё это выглядело чистым шкурничеством, которое он на дух не переваривал.

Повёл нас Коля на собственную Голгофу: мириться с М.Н. Идём за ним цепочкой, держа на вытянутых руках по стопке водки, подходим. Ректор сидит к нам спиной в раздумьях, оперев подбородок на кулаки. Жолобов заводит спич от молодежи за Победу и фронтовиков. М.Н., полуобернувшись и прервав «тостующего», назидательно-хмуро молвил: «Коля, стой, как танк, вкопанный в землю!», затем вернулся в прежнюю позицию, развернувшись вновь к столу. Решимость секретарская тем была подорвана окончательно. Гробовая пауза затягивается, фронтовая ветеранская братия с неподдельным интересом наблюдает за развитием событий, прислушиваясь.

Абсолютная тишина в только что звеневшем стаканами и здравицами зале. Ректор сподобился полуобернуться вновь, повторил свой легендарно-сакраментальный призыв и снова уронил голову на кулаки. Наша младенческая кучка при общем внимании и полном молчании зала обнаруживает себя

в ситуации высокого трагизма. Наконец, Жолобов, как и мы, не выпив, осторожно разворачивается, мы вместе с ним, и процессия уже в обратном порядке возвращается не солоно хлебавши к своему столу.

По размышлении зрелом прихожу сегодня к выводу, что следствием ректорского демарша было вскоре последовавшее моё назначение на вакантное место и резкое улучшение жилищных условий, хотя особо карьеристских поползновений я за собой не наблюдал: не шустрил, не ухищрялся, не интриговал, не подличал... Правда, я всё это мог применить к предателям и врагам, а подобные «спецы» встречались даже в ближнем моём окружении. Однако без них было не интересно б жить – именно так в борьбе закалялась сталь!

Был ещё значимый в моей биографии случай, в очередной раз сведший меня с М.Н. Приведу и его, тем паче он непосредственно связан с предыдущим.

Произошло это осенью того же 77-го года, когда после стройотрядного сезона на меня «шили дело», конечно, не без моей вины (временно утратил бдительность!). Тут оно (тело) непосредственно соприкасается со всеми фронтовиками из отцов, не зря нас рожавших. Меж тем сыпались стрелы неприятностей с озабоченностями, насылаемые судьбой и нашими прегрешениями.

Бочка катилась здоровенная: вплоть до исключения из комсомола и дисквалификации как преподавателя, в силу прочного пересечения моей профессии с идеологией и политикой. В сентябре назначено было внеочередное бюро Ленинского райкома ВЛКСМ с повесткой дня в один пункт: персональное дело секретаря комитета ВЛКСМ ППИ имярек. Всё это называлось – «Когда наступает сентябрь», как в кино с Джигарханяном. Первое заседание я благополучно сорвал: накачался с цыганами в «Подкамнике» пивом и с песнями дунул к боевым товарищам позаседать. Бюро уж началось, тут и Герман появился, доложившись секретарше Наташе,

что объект перевоспитания прибыл, забыв дома комсомольский билет.

Заворг Валера быстро выплыл, велел секунду подождать, а затем, выскочив в приёмную снова, дружески пригласил на очередное внеочередное заседание через две недели. Таким образом у меня образовалось полмесяца для размышлений и принятия превентивных мер со своей стороны. Маоистский лозунг «Опора на собственные силы» (от себя я добавил ещё таланты) руководил мной тогда. Передышку я использовал, как оказалось, небесполезно.

Моя вина там была второй, но у подельников были мощные тылы, а Ваш, ни с одной стороны не прикрытый (кроме надёжного семейного тыла; «друзья» же посыпались сразу: корова языком слизнула!), покорный слуга вполне подходил на роль жареного цыплёнка с целью создания воспитательного прецедента на предмет образцово-показательно-поучительного отрицательного примера. Вот, мол, как комсомольские вожди, не щадя себя, неустанно борются за чистоту движения и его функционерских рядов.

В «Кристалле» в те же дни посмотрели с женой японский фильм «Погоня» про преследуемого мафией и государством *невиновного* прокурора (вот такая крутая была подстава!), спасшегося с помощью собственной и случая в образе судьбоносной любви. Сюжет фильма сообщил мне некоторый импульс и программу действий по собственному спасению.

Вышел я с кафедры и проследовал, предварительно созвонившись с М.Н., в ректорат. Надо отметить, что вышеозначенный Коля при предварительной моей беседе с ним до бюро «советовал» не сильно беспокоиться, т. к. всё утрясётся с наименьшими жертвами: «Ты чё», – говорит, – «Серый! Какие такие дела? Тут воткнуть и вынуть! Не бойсь!». Однако нашлись заинтересованные в «Деле» верхние с низшими силы, давшие Первому укорот, если, конечно, счесть искренним говоримое им тогда в свете нынешнего дня.

Итак, следуя в заданном направлении, на подходе к ректору натыкаюсь на выскочившего навстречу тогдашнего зам. секретаря парткома Ю.П. Сирина, не менее меня затёршегося в «Дело», сшиваемое на меня одного. Куда, говорит, Серёжа, движешься? К М.Н., говорю, всех закладывать. Открываю в сильном подняттии духа дверь в приёмную и вхожу направо к М.Н. Излагаю существо вопроса, винясь и каюсь не только в моих грехах, – вбегает Сирин: «Серёжа, ты что-то нам с Михал Николаичем хотел сказать?». Отвечаю М.Н., заканчивая с ним разговор: «Грешен, но не столько, чтоб ломать мне хребет!». Ладно, молствовал М.Н., видимо, не все участники событий вели себя адекватно, разберёмся: иди работай!

В результате получил я строгац с занесением, отставление от секретарства и прочих проблем. Наконец-то, началась относительно спокойная трудовая и семейная жизнь, во многом верно и справедливо направленная вторым моим отцом, фотография которого представлена с тех пор постоянно в нашем семейно-домашнем иконостасе.

Сей краткий всплеск воспоминаний о М.Н. требует существенного дополнения – упоминения сына Михаила Николаевича Никиты, с которым одно время я преподавал на МС-факультете, пусть разные предметы. Парень был весь в отца – не блатной, т.е. не пользовавшийся родственными связями, простой в общении душевный умница. Гибель его в 1979 г. сильно подкосила М.Н. и ускорила его уход от нас.

Похороны М.Н. собрали многих: даже Ю.А. Бурьян, проректор по учебной работе в 80-х годах, прилетел из Новосибирска (или Омска, сейчас не вспомню, но помню слёзы на наших глазах). Положили М.Н. на Южном кладбище, недалеко от сына, рядом с директором Ленинского завода Лебедевым, упокоившимся в 1976 г., напротив Володи Лаврищева, Поздеевского аспиранта, рано ушедшего в достопамятном 77-м году моего товарища.

Вот так теперь и встречаемся с Михаилом Николаевичем ежегодно, почти без пропусков, 6-го ноября на Южном кладбище в день гибели Володи. Пока собираются живущие ещё друзья в вечеряющих сумерках буднего дня, подхожу к М.Н., счищаю налетевший снег с его скульптурного лица, пожимаю дружественную руку, преклонив главу, произношу сердечно: «Командир, здесь Твои всё помнящие бойцы, идущие Тебе и так, как Ты, – вослед!».

В завершение (что-то брезжит на задворках школьной памяти из классики!) хочется высказаться высоко патетически: Отчизна-мать, когда таких сынов Ты б иногда не посылала миру, иссякла б нива жизни!

Т.Ф.ДУДАРОВА

Первый технический секретарь ректора

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ

М.Н. ДЕДЮКИНА

Я знала его, когда ему было тридцать семь лет. Мне двадцать два... Исторический 53-й год.

Молодой, энергичный ленинградец приехал в город Молотов создавать новый вуз – Горный институт. Знакомство наше состоялось в здании Строительного техникума на 2-м этаже. Директор техникума, добродушный человек Н.М. Громыхалов пожелал нам удачи. Михаил Николаевич сказал: «Начинать будем «с нуля», легко не будет. Мне бы сейчас хорошего снабженца...».

Первое время машины в личном пользовании у него не было. Он выходил на площадь, «голосовал» и на попутном транспорте уезжал по делам. Возвращался к концу дня, вспотевший (для него это было «жаркое лето 53-го...»).

Прошел первый набор студентов в 200 человек. Наши первые «ласточки». Учебный год начался вовремя.

Министр высшего образования В.П. Елютин поздравил вновь созданный в городе Молотове Горный институт с началом учебного года. Впоследствии в становлении института Михаилу Николаевичу помогал актив: комсомол, профком, преподаватели. Горный «родился», но на нем Михаил Николаевич не ограничился. По его предложению на базе горного и вечернего машиностроительного институтов (директор Г.А. Пинчук) был создан Политехнический институт (на месте городского колхозного рынка).

В 1960 году произошла реорганизация. Шли годы... А Михаил Николаевич все вынашивал замыслы на благо студенчества: «Надо строить студенческий «городок – комплекс». Понравилось ему место за Камой. «Так далеко», – сказала я. «Ничего, автобусы будут ходить скоро», – ответил он. И вот уже все чаще его можно было увидеть в сапогах. Он стал выезжать на место стройки. «Да он строителем родился», – говорили про него. «Не пиццать!» – таким девизом он напутствовал стройотрядовцев. Его ученик Пётр Вдовин в памятном некрологе сказал: «Нет, не умер профессор Дедюкин. Он в сердцах наших вечно живёт!».

А.И. СМЕРНОВ

Помощник ректора (1980–2001)

ВОСПОМИНАНИЯ О М.Н. ДЕДЮКИНЕ

Впервые я встретил Михаила Николаевича в 1980 году. После увольнения из Советской армии по выслуге лет я решил поработать. Пришел в Пермский политехнический институт на прием к ректору М.Н. Дедюкину, с которым пред-

варительно поговорил проректор по режиму – полковник в отставке П.П. Симулин, мой сослуживец, который хорошо меня знал по совместной службе в Уральском военном округе. Михаил Николаевич очень долго и обстоятельно беседовал со мной, интересовался всеми вопросами, моей службой, семьей, моими мыслями о будущем. Выслушал меня внимательно, дал лист чистой бумаги и сказал: «Пиши заявление о приеме на должность помощника ректора, поработаем, всё получится. Завтра выходи на работу». Во время службы я много встречал руководителей и хороших, и посредственных. Михаил Николаевич поразил меня целостностью характера. В нем сочеталась разумная требовательность с душевной добротой и любовью к людям. Люди шли к нему с разными вопросами, и он прилагал все усилия и делал все возможное, чтобы помочь человеку. Если что-то сразу не получалось решить, он так беседовал с человеком, чтобы тот, уходя, улыбался.

Он пользовался в коллективе непререкаемым авторитетом и уважением. Как руководитель института, он видел перспективу его развития, приложил все свои знания, умения, энергию, чтобы институт рос и развивался. Планы и мечты Михаила Николаевича получили дальнейшее развитие у продолжателей его большого и благородного дела.

Он умело, со знанием дела занимался подбором и расстановкой кадров. Знание психологии людей помогало ему назначать руководителей подразделений, отделов и служб. Он стремился создать все условия в вузе для подготовки и роста молодых ученых и преподавателей.

Михаил Николаевич как руководитель лично занимался решением многих социальных вопросов. Люди платили ему уважением и любовью.

ДИРЕКТОРУ ПЕРМСКОГО ГОРНОГО ИНСТИТУТА

*ректору Пермского политехнического института,
профессору ДЕДЮКИНУ Михаилу Николаевичу
посвящается:*

Когда пришли мы в вуз новорожденный,
Кто из Перми, а кто издалека,
Встречал нас просто и непринуждённо
Наш юный ректор в форме горняка.

Мы не были святыми, что лукавить,
И иногда валяли дурака,
Но Вы умели нас на место ставить,
Наш юный ректор в форме горняка.

Пять лет мгновений. Мы расстались с Вами.
Затем ещё промчалось двадцать лет.
Мы частью сами стали горняками,
Хотя горняцкой формы больше нет.

О, годы, годы! Сколько изменений!
Но только ректор тот же в ППИ.
И, посылая наши поздравленья,
Желаем Вам и дальше им же быть.

Желаем в этот юбилей серебряный
Ещё быть четверть века молодым.
А мы надеемся поздравить своевременно
Вас с новым юбилеем – золотым!

*Выпускники ППИ
октябрь 1978 года*

О М.Н. Дедюкине писали во многих газетах, в том числе и в институтской многотиражке «За кадры горняков», которая затем была переименована в «Ленинец». Вот выдержка из газеты «Ленинец» от 28 сентября 1961 года: «Летом 1953 года Михаил Николаевич Дедюкин был назначен директором вновь организованного Пермского горного института. Благодаря его большим организаторским способностям, умению работать с людьми, энергии и настойчивости молодой институт уже в 1953 году сумел нормально начать учебные занятия. Директору нового института при помощи партийной организации приходилось одновременно решать большие и сложные задачи по организации учебного процесса, созданию и оборудованию лабораторий, строительству жилого дома и учебного корпуса, подбору и формированию дружного преподавательского коллектива.

М.Н. Дедюкин успешно справился с решением этих задач. А когда на базе Горного и Вечернего машиностроительного институтов и технического факультета университета создавался Политехнический институт, его ректором был назначен доцент М.Н. Дедюкин.

Михаил Николаевич пользуется большим и заслуженным авторитетом в коллективе института. Он принципиален, требователен к себе и подчиненным, всегда корректен и вежлив, умеет поддержать любое ценное начинание. Ректор института не стоит в стороне от общественной работы – он член партийного бюро.

Коллектив института горячо поздравляет М.Н. Дедюкина с высокой правительственной наградой.

**Статья о М.Н. Дедюкине
в газете «Ленинец» за 31 мая 1963 года.
«Большое будущее молодого вуза»**

Михаил Николаевич Дедюкин, ректор Пермского политехнического института, депутат Верховного Совета СССР рассказывает:

«Пермский административный район – один из крупнейших промышленных центров Российской Федерации. Для его многоотраслевой промышленности нужно все больше и больше квалифицированных инженеров. По приблизительно подсчету нашим предприятиям на ближайшие годы потребуется дополнительно около 40 тысяч специалистов.

В связи с этим большие задачи в области подготовки инженеров, научных кадров и развития науки призван решать Пермский политехнический институт, созданный в 1960 году.

В нашем институте ведется подготовка инженеров по 28 специальностям. На 9 факультетах: машиностроительном, механико-технологическом, горном, строительном, электротехническом, авиадвигателей, химико-технологическом, заочно-технологическом и заочно-горноэнергетическом учатся сейчас около 9 тысяч студентов, а в ближайшие годы это число значительно увеличится.

Политехнический институт быстро развивается. Завершено строительство учебного корпуса, общежития на 848 мест благодаря упорному труду наших студентов, преподавателей и сотрудников. Сейчас строится здание еще одного общежития.

В ближайшие годы наш институт получит новый, хорошо оборудованный лабораторный корпус.

Новое поколение студентов составит около 2400 человек. Они будут учиться на дневном, вечернем, заочном отделениях.

Молодежь, поступившая в институт сразу после окончания среднего учебного заведения и не имеющая рабочего ста-

жа, направляется институтом на год и четыре месяца на производство, чтобы получить необходимые навыки по избранной специальности. В этот период студенты работают и учатся по вечерней или заочной системе в зависимости от того, находятся ли они в Перми или в других промышленных городах. И только выполнив программу производственного и теоретического обучения, переводятся на очное обучение.

Преимущество новой системы доказано жизнью. Производственный опыт студентов позволяет преподавателям более глубоко подходить к освещению научно-теоретических и специальных вопросов. Сами студенты более бережно относятся к расходованию времени и упорно учатся.

В соответствии с законом о перестройке работы высшей школы Пермский политехнический институт серьезно расширяет вечернее и заочное обучение. Если в настоящее время обучается по две с половиной тысячи студентов на заочном и вечернем отделениях, то к 1966 году число студентов на этих отделениях возрастет до 5000 человек на каждом.

По инициативе предприятий созданы опорные пункты вечернего обучения на нефтеперерабатывающем и кабельном заводах в г. Перми, при Александровском машиностроительном заводе и в г. Кунгуре.

По заочной и вечерней системам обучаются многие лучшие передовики производства. Однако работать и учиться – нелегкая задача. Поэтому заочник и вечерник должны быть окружены вниманием и заботой как на производстве, так и в вузе.

Перестройка работы высшей школы, приближение вуза к жизни, к производству способствуют формированию у студентов коммунистического отношения к труду, высоких принципов коммунистической морали и дают возможность готовить высококвалифицированных строителей коммунизма.

Большая жизнь

*Автор – З. Немировская
(газета «Ленинец»
от 5 октября 1976 года)*

Начало

Большой, просторный кабинет выходит окнами на шумную площадь. Она как артерия, по которой определяешь пульс жизни родного города. И человек, склонившийся над толстой папкой деловых бумаг, мыслями, сердцем своим очень тонко чувствует и воспринимает ритм своего беспокойного времени.

Он весь в заботах сегодняшнего дня, в мечтах о будущем и, наверное, трудно собраться с мыслями, вернуться неожиданно на 23 года назад, когда не было еще седины в волосах, когда предательски не напоминало о себе сердце, когда не лежало на плечах бремя ответственности за 15 тысяч человек, когда самому странно было произносить: «Директор института». Какой уж там директор, когда нет своего помещения, нет студентов и кроме директора нет ни одного штатного сотрудника, а до начала занятий остаются считанные дни.

Первое, что сделал Михаил Николаевич Дедюкин, – заказал печать. С получения печати в городе Перми заявил о себе Горный институт. Первым его сотрудником стала Л.Ф. Ахметшина. «Трудное было время, – вспоминает Лариса Федоровна. – Я тогда только защитила диссертацию, работать толком еще не умела, осваиваться времени не было. Михаил Николаевич сам ни минуты без дела не сидел и мне не давал. Срочно набирали студентов, преподавателей. Приходилось составлять расписание и принимать на работу людей. Однажды пожаловалась Дедюкину, что не умею набирать кадры. Он мне ответил: «Садитесь рядом со мной и учитесь». И я поражалась тому, как он умеет разговаривать

с людьми, стремясь разобраться, прежде всего, в деловых качествах человека».

Это было беспокойное и счастливое время. Рос институт, росли заботы. Не хватало помещений, арендовали все свободные городские подвалы, оборудовали аудитории. Жизнь не стояла на месте.

Главное дело

Часто говорят о человеке: «Он настоящий патриот своего города». Михаил Николаевич очень любил Ленинград. Там прошли его студенческие годы, там он стал коммунистом, был одним из первых строителей Ленинградского метро. В 1941-м сменил метрострой на строительство укреплений, чтобы не отдать в руки врага город Ленина.

И все же с уверенностью можно сказать, что Михаил Николаевич душой и сердцем предан Перми.

Острая нужда в инженерных кадрах, развитие промышленности на Западном Урале, его научный престиж – все эти проблемы стали неотъемлемой частью его жизни.

В 1960 году на базе Горного института открывается институт Политехнический, и М.Н. Дедюкин становится его бессменным ректором.

С 226 студентов и 17 преподавателей начался Горный институт. Через шесть лет обе цифры увеличились более чем в десять раз, а помещений по-прежнему не было. Началось строительство нового корпуса. И чем ближе было долгожданное новоселье, тем отчетливее ректор понимал, как этого мало. Начали обрастать пристроями, перегораживали холлы и коридоры, а в голове созревала уже новая идея: отказаться от предложения Министерства строить корпуса в различных частях города, а создать современный комплекс, на базе которого можно будет решать большие учебные, научные и народно-хозяйственные задачи. И в 1964 году наш институт первым начал осваивать Камскую долину.

Началось практическое решение задачи поистине государственного масштаба. Ректора поддержали в обкоме партии и в Министерстве, оказывали посильную помощь предприятия.

Нужны были большие денежные средства. Их приток стал стабильным за счет плодотворно работающего научно-исследовательского сектора института.

Нужны были рабочие руки. Комитет комсомола организовал строительный отряд «Политехник».

Каждое лето третий трудовой семестр на комплексе Михаил Николаевич открывает сам. Это его детище, плод больших раздумий, дел и бессонных ночей, и он опекает его ревностной родительской опекой. К ректорской машине на комплексе привыкли, и кажется странным, если она не появляется там несколько дней.

Но стройка стройкой, а главным для Михаила Николаевича были, есть и будут люди. Те, кто, разделяя его мысли и стремления, многие годы трудятся рядом с ним. А единомышленников у ректора много. Он умеет находить их со студенческой скамьи.

Едва успев окончить университет, Иван Антонович Шапоров стал начальником учебной части, а потом и проректором. Давно ли был комсомольским вожаком студент Юра Сирин. Сегодня Юрий Петрович – кандидат наук, заместитель секретаря парткома. Проректорами стали выпускники нашего института Ю.А. Бурьян и А.А. Бартоломей. Умение находить и воспитывать кадры дано не каждому. А Михаил Николаевич делает это терпеливо и настойчиво.

«Настойчивости у меня хватало всегда, а вот терпению, умению разговаривать с людьми, тактичности руководителя я всегда учился у Михаила Николаевича», – говорит И.А. Шапоров. «И, вообще, я считаю, – продолжает Иван Антонович, – что нашему институту, городу и области очень повезло, что живет и трудится рядом с нами такой энергичный, умный, интеллигентный человек».

Это утверждение бесспорно. Ведь не случайно восемь лет Михаил Николаевич Дедюкин представлял нашу область в Верховном Совете СССР, не случайно назвали его коммунисты своим делегатом на XXV съезд партии.

Личное дело № 1

В отделе кадров института хранится личное дело номер 1, личное дело человека, с которого начался институт. На первой странице скромная автобиография: родился в семье крестьянина. Отец – коммунист, в 1918 году убит белобандитами. Мать – учительница. Кончил фабзауч, работал слесарем в депо. Потом – годы учебы в Ленинграде, война, метрострой, Новокузнецкий горный институт, где пройден путь от ассистента до доцента, декана факультета. Затем – назначение в Пермь. Скромная биография предельно скромного человека.

Гораздо больше говорят официальные документы, хранящиеся в личном деле, бесчисленные благодарности, правительственные награды – признание заслуг перед Родиной.

Жаль, что нет в личном деле истории института, которая создавалась его руками и руками его единомышленников. Ведь благодаря им Пермский политехнический институт сегодня – один из крупнейших учебных и научных центров страны. 14 тысяч студентов, филиалы во всех крупных городах области, десятки ежегодно защищаемых диссертаций, миллионы рублей экономии от внедрения результатов научных исследований.

Заглядывая в будущее

А за столом большого кабинета сидит человек, которому не позволено уставать, так как нет времени на отдых. Звонят телефоны, в кабинет постоянно заходят люди, и очень трудно выбрать паузу, чтобы спокойно поговорить.

– Михаил Николаевич, как Вы относитесь к студентам?

– По-доброму. Меня не шокируют длинные волосы и ширина брюк, это все временное явление. Для меня важно, чтобы каждый, поступивший в институт, понял всю важность совершенного шага, загорелся желанием учиться, стать хорошим специалистом.

Очень часто, поздравляя юбиляра, из самых добрых побуждений мы говорим, что он находится в расцвете сил.

Поздравляя с 60-летием Михаила Николаевича Дедюкина, мы скажем, что он находится в расцвете своих сил. И хотя еще много работы впереди, хочется чтобы скорей пришло то время, когда рукой нашего ректора будет заложен камень в строительство последнего корпуса за Камой, а из окон ректорского кабинета будет видна не шумная городская площадь, а высотные дома и широкие красивые улицы студенческого города.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ДЕДЮКИН

(биографическая справка)

Михаил Николаевич Дедюкин родился 10 октября 1916 года в г. Саранске. Отца, коммуниста, в 1918 году расстреляли белогвардейцы. Мать – учительница. Окончил фабзавуч, работал слесарем в депо. В 1941 году окончил с отличием Ленинградский горный институт по специальности «горный инженер – маркшейдер».

В годы Великой Отечественной войны инженер Дедюкин со строительства Ленинградского метрополитена направляется в военно-восстановительный отряд управления военно-восстановительных и заградительных работ Ленинградского фронта на должность начальника. Отряд проводил восстановительные и заградительные работы на священной не только для каждого ленинградца, но и для каждого человека дороге, которую народ по праву назвал «дорогой жизни» – на Ладогге.

В огромную работу по сохранению «дороги жизни» в рабочем состоянии, несмотря на ежедневные бомбежки, гибель людей и машин на проломах неокрепшего льда, скудный блокадный паек, вносил свой посильный вклад и Михаил Николаевич. Смерть и страдания людские были рядом в течение долгих дней и месяцев. Он не был сторонним наблюдателем страданий и героического подвига многомиллионного города. Михаил Николаевич на всю жизнь унес с собой из военного времени огромное уважение к простым людям труда, научился находить в человеке истинно человеческое. И в этом смысле название «дорога жизни» стало для него символическим.

В 1946 году М.Н. Дедюкин поступает в аспирантуру Ленинградского горного института, которую окончил в 1950 году, успешно защитив кандидатскую диссертацию. В 1951 году ему присваивают ученое звание доцента. С 1950 по 1953 годы

М.Н. Дедюкин работал в Сибирском металлургическом институте доцентом, а затем – деканом горного факультета.

В 1953 году Михаил Николаевич приказом Минвуза СССР назначается директором вновь организованного Горного института в г. Перми – первого высшего технического заведения на Западном Урале. Михаилу Николаевичу в ту пору было 36 лет. Энергичный, стремительный, в генеральской горной форме, он подкупал окружающих своей открытостью, веселой улыбкой, доброжелательностью и интеллигентностью.

В новый вуз М.Н. Дедюкин пригласил молодых, подающих большие надежды кандидатов технических наук В.А. Галутвина, С.П. Васильевского, Г.В. Верстакова, С.А. Петрова, А.А. Кузнецова, К.В. Лютаревича, И.И. Медведева, К.Г. Синопальникова и других. Они заложили атмосферу требовательности, добропорядочности, благожелательности и интеллигентности, сделали многое для становления и развития института. В 1953 году был сделан первый набор студентов по двум специальностям – горный инженер и горный электромеханик. В следующем году начата подготовка инженеров-строителей горных предприятий.

Для многих стало ясно, что многоотраслевой индустрии Западного Урала нужен многоотраслевой технический вуз. Михаил Николаевич, предвосхищая развитие событий, направляет большую группу студентов продолжать обучение по новым специальностям в Москву, Ленинград и другие вузовские центры.

В 1956–57 учебном году начинается набор студентов по необходимым для предприятий Западного Урала специальностям.

В 1960 году создается Пермский политехнический институт на базе Горного, Вечернего машиностроительного институтов, технического факультета Пермского госуниверситета, а Михаил Николаевич на долгие годы становится его ректором.

Внимание, которое он уделял подготовке вузовских кадров, полностью себя оправдало. За 1958–1963 годы на кафедрах института было оставлено и направлено в аспирантуру около 300 выпускников, которые затем пополнили ряды преподавателей.

Институт быстро рос, и в кипучей деятельности ректора и всего коллектива нередко встречались, казалось бы, непреодолимые препятствия. В этих случаях Михаил Николаевич обычно спокойно, но убежденно говорил: «Нет нерешаемых вопросов!». Во многом благодаря его огромной энергии и организаторскому таланту Пермский горный институт стал основным центром по подготовке инженерных кадров для горной и других отраслей промышленности региона.

Серьезные вопросы развития вуза Михаил Николаевич долго обдумывал сам, делился сомнениями с людьми из своего окружения, много и охотно советовался, спорил. И когда, наконец, принималось решение, оно было логически верным и практически всегда приводило к успеху. Дедюкин в случае необходимости обращался за помощью к руководителям крупных заводов и строительных организаций, используя для блага института личные связи, основанные не на корысти, а на преданности большому общему делу. Ректору помогали поддержка и одобрение коллектива вуза. Он знал, чего от него ждут, бесстрашно шел вперед и вел за собой людей. Ответственность, лежавшая на нем, формировала характер Дедюкина – характер человека решительного, способного принимать решения в любых ситуациях и отвечать за их последствия.

Институт жил и развивался. Еще в 1955 году было начато строительство главного корпуса в центре города на территории бывшего колхозного рынка. Тогда Михаил Николаевич высказывал мысль о том, что надо строить вузовский комплекс на Городских горках или в Черняевском лесу, но эти варианты не нашли поддержки у городского руководства.

Была выбрана площадка в 180 га для строительства студенческого комплекса на правом берегу Камы. Этот вариант имел немало противников и в городе, и в институте. Но идею комплекса за Камой поддержал тогдашний председатель облисполкома Б.В. Коноплев.

Строительство комплекса предопределило перспективы развития вуза на многие годы. Не подлежит сомнению, что за решение только этого важнейшего вопроса Михаилу Николаевичу Дедюкину можно поставить памятник. Сегодня комплекс – это целый микрорайон из учебных корпусов, научных подразделений, общежитий, жилых домов и объектов соцкультбыта. Имя профессора Дедюкина увековечено в названии одной из его улиц.

Наряду с комплексом строились спортивные базы и зоны отдыха, детский лагерь «Мечта» и другие объекты. В сложных вопросах строительства главного корпуса, комплекса за Камой, базы отдыха Михаил Николаевич опирался на коллектив института: создавались штабы строительства, во главе которых стояли энтузиасты.

Для М.Н. Дедюкина не было «нерешаемых вопросов» не только в строительстве. Когда-то для большинства вузов вычислительная техника была недостижимой: слишком дорогими и громоздкими были первые электронно-вычислительные машины на лампах. Ректор понимал, что такая техника нужна институту, иначе можно отстать от прогресса на долгие годы. Однако средств на покупку ЭВМ не было. И лишь под честное слово Дедюкина крупные пермские заводы выделили нужную сумму. Был создан вузовский вычислительный центр, разработаны и внедрены автоматизированные системы управления вузом и учебным процессом.

Михаил Николаевич стремился всегда и во всем добиваться наилучших результатов. За престиж своего вуза боролись все, в том числе и участники художественной самодеятельности. Например, ветераны института помнят, как важна

была для политехнического института и его ректора победа в городском фестивале «Студенческая театральная весна». Ректор, несмотря на свою занятость, присутствовал на всех заключительных концертах и ждал, пока жюри подсчитает очки и подведет итоги. Михаил Николаевич радовался вместе с победителями, если итоговое место было первым, второе расценивалось как неудача. Любимцы публики, победители «весен» – участники коллективов «Солнечная радуга», «Арлекин», «Чародеи» и других – становились «народными героями». С ними здоровались все – от уборщицы до ректора, сделавшего немало для развития самостоятельного творчества студентов и преподавателей.

Стремление к лучшему, к победе сделало традиционным первенство ППИ в движении строительных студенческих отрядов. «Еще бы, – завистливо говорили студенты других вузов, – у вас сам ректор ездит в строительные отряды!». За все это приходилось платить собственным временем и здоровьем.

В деле организации института Михаил Николаевич на первое место ставил подбор кадров. В первые годы становления вуза ректор стремился не только заметить талантливого человека, но и ободрить его, научить твердости и решительности. «Какой заведующий кафедрой нужен нашему институту? – спрашивал он и сам же отвечал: – Такой, чтобы создал лаборатории, защитил докторскую диссертацию и открыл аспирантуру».

Как человек с технической жилкой, ректор участвовал в основании практически всех лабораторий, любил в них бывать. С трудом наращиваемые институтом квадратные метры без всякого сожаления отдавались под крупные лаборатории, особенно если речь шла о новых направлениях в науке и технике. В те годы появились лаборатории: редкоземельных элементов, порошковой металлургии, летательных аппаратов, охраны окружающей среды, конструкторское бюро

машиностроительного факультета. Устройство лабораторий и многое другое делалось с размахом, на перспективу, и в этом была велика роль тогда еще молодых заведующих кафедрами, будущих крупных ученых, умевших отстаивать свои убеждения. Многолетний опыт общения с людьми научил Дедюкина ценить ум, талант и инициативу. Конечно, он не был «добреньким» и скептически относился к тем, кто «резв не по уму», но, однажды поверив в человека, он безоговорочно доверял ему и во всем поддерживал. Михаил Николаевич не был заносчив, он умел общаться со всеми людьми, в том числе и с простыми малярами, плотниками, электриками, шоферами. Они до сих пор с особой теплотой вспоминают первого ректора.

Под руководством Дедюкина в институте был создан крупный профессорско-преподавательский коллектив, появилась своя аспирантура, широко развернулась научно-исследовательская работа. К 1982 году количество студентов достигло 16 тысяч, выпуск инженеров составил более 2 тысяч в год. В институте функционировало 75 кафедр, 13 факультетов, в том числе 2 общетехнических; в учебный процесс внедрялись вычислительная техника и технические средства.

Хотя административная деятельность отнимала много времени у ректора, он не прекращал учебно-методическую и научную работу. Дедюкин руководил кафедрой геодезии и маркшейдерского дела, на высоком научном уровне проводил учебные занятия. В 1968 году Михаилу Николаевичу было присвоено ученое звание профессора. М.Н. Дедюкин был блестяще образованным инженером, и как горный инженер стоял в научной работе на острие основного направления – механике горных пород. Именно механика определяет устойчивость подземных сооружений и эффективность их строительства, параметры разработки месторождений полезных ископаемых как открытым, так и подземным способом, безопасность освоения подземного пространства. Данное направление базируется на самом современном мате-

математическом аппарате, который изучают студенты механико-математических факультетов университетов. Михаил Николаевич, не имея специального математического образования, опубликовал ряд работ в области механики горных пород – работ настолько сложных, что в них разберется далеко не каждый математик. Это свидетельствует о высочайшем знании им математики и механики, его исключительных научных способностях. Вот названия некоторых из его статей: «О распределении смещений земной поверхности под влиянием подземных разработок», «Ползучесть и феноменологическая теория длительной прочности горных пород», «К феноменологической теории ползучести горных пород и выбору функции наследственности». Следует отметить, что М.Н. Дедюкин имел совместные публикации с известным ученым-механиком, членом-корреспондентом АН СССР А.А. Поздеевым, и этот факт тоже свидетельствует об исключительных качествах ученого.

Свой огромный организаторский талант Михаил Николаевич широко использовал и в продвижении масштабных научных разработок. Он первый понял всю важность и сложность решения огромной научной, хозяйственной и практической задачи комплексного освоения ресурсов Соликамской впадины, где сконцентрировались основные природные богатства Пермской области – калийно-магниевого руды и нефти. Именно Дедюкин курировал это направление, «пробивал», пользуясь своим колоссальным авторитетом ученого и производственника, нужные решения у Правительства страны, в многочисленных московских комитетах и организациях.

Ни одно серьезное решение по этим направлениям не принималось без участия Михаила Николаевича. Как горный инженер он участвовал в работе всех государственных и региональных комиссий по проблемам развития и реконструкции Кизеловского угольного бассейна, а также по проблемам разрабатывавшихся калийных рудников Березниковско-Соли-

камского региона. В те годы было заложено сегодняшнее минерально-сырьевое благополучие Пермской области. К великому сожалению, Михаил Николаевич в большей степени посвятил себя организации высшей школы и решению инженерных задач, обеспечивающих перспективу научно-технического развития региона, а не академической науке. Он считал, что на этом направлении он будет более полезен людям и Родине.

На протяжении 29 лет Михаил Николаевич все свои силы и знания отдавал институту. Даже отпуск он проводил в вузовском спортивном лагере среди своего коллектива и все в тех же ректорских заботах. Ни машины, ни дачи он не имел, да и не стремился к этому. Михаил Николаевич памятен людям верностью слову, заботой об окружающих, смелостью в принятии трудных решений, последовательностью и предсказуемостью действий, прекрасными выступлениями в актовом зале и немногословной сосредоточенностью за рабочим столом.

М.Н. Дедюкин активно занимался общественной работой. Он дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР, был делегатом XXV съезда КПСС. Награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, девятью медалями, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР и пятью ведомственными знаками. Он был сыном своего времени и Отечества, таким и запомнился десяткам тысяч студентов, выросших в стенах института, и преподавательскому корпусу, который бережно хранит традиции, заложенные первым ректором.

СОДЕРЖАНИЕ

В.Ю. Петров	4
Б.В. Коноплёв	16
В.Н. Анциферов	19
<u>А.А. Бартоломей</u>	22
А.Е. Красноштейн	32
Ю.В. Соколкин	40
Ю.Г. Ковалев	44
К.В. Гаришин	50
И.А. Захарова	57
И.А. Шапорев	59
<u>А.Ф. Ложкин</u>	85
М.С. Тер-Мхитаров	93
Е.С. Шайдарова	103
Г.З. Файнбург	107
Т.С. Серова	118
Я.С. Садилов	120
<u>С.А. Амирова</u>	121
Е.А. Лушников	124
Ф.Х. Хакимова	129
Л.М. Веденева	130
Г.А. Тимофеева	137
Б.А. Балашов	140
П. Вдовин	145
А.В. Молодчик	146
В.А. Лалетин	147
А.И. Цаплин	148
В.М. Винокур	154
М.И. Рудник	156
А.С. Юрин	162
Ю.В. Цветков	164
С.М. Антипов	174
Т.Ф. Дударова	187
А.И. Смирнов	188
Газетные публикации	191
Библиографическая справка	199

Документально-художественное издание

ЭТО ВСЕ О НЕМ...

Отв. редактор И.А. Шапорев

Лит. редактор, корректор И.Н. Жеганина

Лицензия ЛР № 020370

Подписано в печать 30.10.2006. Тираж 800 экз. Усл. печ. л. 13
Формат 60×90/16. Набор компьютерный. Заказ № 159/2006.

Издательство
Пермского государственного технического университета
Адрес: 614000, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к.113,
тел. (342) 2198-033

